Тобавский

Уголовные дела из практики Тульск. окр. суда

М 85
1116

УГОЛОВНЫЯ ДѢЛА

ИЗЪ ПРАКТИКИ

ТУЛЬСКАГО ОКРУЖНАГО СУДА.

А. Любавскаго.

ТУЛА:
…пографія Тульск. Губерн. Правленія.
1874.

Библиот…
№ Инв. 3293
№ Сист.
Шифр
Научно-Исследов…
П
2505

П 2505

М 85/1116

ВВЕДЕНІЕ.

Нашимъ изданіемъ „Русскіе уголовные процессы“ (*) открытъ новый отдѣлъ русской юридической литературы по образцу сборника “Causes célèbres“ Питтаваля.

Изданныя нами книги, при всѣхъ ихъ несовершенствахъ и недостаткахъ, замѣченныхъ юридической критикой, были первымъ опытомъ печатанія русскихъ уголовныхъ процессовъ, рѣшенныхъ *прежними* судебными мѣстами, такъ какъ кромѣ нашего сборника печатаніе таковыхъ дѣлъ было дозволено только въ „Журналѣ Министерства Юстиціи.“

(*) IV Тома (2435 страницъ).

БИБЛІОТЕКА
Ассоціація
№ Инв. 3293
№ Спец.
Шифр
Научно-Изслед. Института

Настоящая книга заключаетъ въ себѣ нѣсколько процессовъ изъ практики Тульскаго Окружнаго Суда, рѣшенныхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей: по этимъ дѣламъ мы были защитникомъ.

Изъ прочтенія этихъ процессовъ можно видѣть всѣ преимущества судебной реформы передъ прежнимъ порядкомъ вещей и убѣдиться, что учрежденіе присяжныхъ засѣдателей совершенно вошло въ нравы русскаго народа и дѣйствуетъ весьма успѣшно.

9 ℓ 27 М 85/1116.

УГОЛОВНЫЯ ДѢЛА,

ИЗЪ ПРАКТИКИ

ТУЛЬСКАГО ОКРУЖНАГО СУДА.

А. Любавскаго.

ТУЛА.
Типографія Тульск. Губ. Правленія.
1874.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8-го октября 1873 года.

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. Ленина
4466-34

2007043234

I.

Дѣло объ убійствѣ въ дракѣ крестьянина Кирилла Никифорова.

(Засѣданіе Тульскаго Окружнаго Суда отъ 3 мая 1871 г. Предсѣдалъ членъ Суда И. А. Тѣсницкій, члены: П. Н. Шепелевъ и П. И. Курносовъ; обвинялъ Товарищъ Прокурора А. М. Кузьминскій. Защищали: Я. О. Поповъ (подсудимыхъ Свинарева и Серегина), А. Д. Любавскій (подсудимаго Павлова) и П. П. Зуровъ (подсудимаго Лукашина).

Обвинительный актъ по сему дѣлу, измѣненный Судебную Палатою, состоялъ въ слѣдующемъ: „7 марта 1870 г., на 8-й верстѣ отъ г. Епифани, по большой Данковской дорогѣ, былъ усмотрѣнъ мертвымъ крестьянинъ дер. Брюловки Кириллъ Никифоровъ.

„По дознанію полиціи было обнаружено, что Никифоровъ ѣздилъ въ городъ Епифань съ крестьяниномъ Федоромъ Лукашинымъ, а оттуда возвратился съ нимъ же и крестьянами Степаномъ Павловымъ, Степаномъ Свинаревымъ и Максимомъ Серегинымъ.

„Спрошенный при слѣдствіи крестьянинъ Федоръ Лукашинъ показалъ, что 6 марта онъ уѣхалъ въ Епифань вмѣстѣ съ Никифоровымъ наниматься на работы на желѣзную дорогу. Въ Епифани они встрѣтились съ крестьянами Павловымъ, Свинаревымъ и Серегинымъ, съ которыми вмѣстѣ изъ питейнаго дома крестьянки Акулины Ларіоновой и отправились домой, что было уже вечеромъ (6 марта). Впереди на подводѣ его Лукашина поѣхали: онъ, Никифоровъ и Серегинъ, а сзади на лошади Серегина—Павловъ и Свинаревъ, который впрочемъ вскорѣ пересѣлъ къ нему, Лукашину. Проѣхавши нѣсколько верстъ, Никифоровъ, лежавшій въ саняхъ, назвалъ Серегина воромъ, Вслѣдствіе этого Серегинъ, а также Свинаревъ ударили Никифорова нѣсколько разъ, а потомъ вытащили его изъ са-

ней наземь. Испугавшись, онъ, Лукашинъ, погналъ лошадь впередъ, но вскорѣ былъ догнанъ Павловымъ, Свинаревымъ и Серегинымъ; послѣдній, сѣвъ къ нему въ сани, угрозами заставилъ его поклясться, что онъ никому не скажетъ, какъ онъ съ Свинаревымъ били Никифорова.

„Крестьянинъ Степанъ Павловъ, подтверждая въ относящемся до него показанія Лукашина, объяснилъ, что выѣхавъ изъ города, онъ задремалъ, но потомъ, проснувшись, услышалъ шумъ и брань на подводѣ Лукашина, ѣхавшей впереди, саженяхъ въ 10-ти. Потомъ къ нему подошелъ Серегинъ и сѣвъ въ сани, сказалъ: „молчи, мы уклали Никифорова, и если кому скажешь, то и тебѣ тоже будетъ". Затѣмъ онъ всталъ изъ саней и пошелъ къ передней подводѣ. Подъѣзжая ближе, онъ, Павловъ, увидалъ Никофорова, лежавшаго на землѣ, а Свинарева и Серегина давившихъ его колѣнами. Никифоровъ въ это время ничего не говорилъ и не кричалъ. Онъ, Павловъ, объѣхалъ ихъ, но Свинаревъ и Серегинъ вскорѣ перегнали его, и угрозами взяли съ него клятву никому не говорить о случившемся. Къ этому Павловъ присовокупилъ, что 8 марта, когда онъ отправился къ Становому Приставу для спроса при дознаніи, то Свинаревъ говорилъ ему, чтобы онъ показалъ, что Никифорова въ городѣ не видали и съ нимъ не ѣхали.

„Обвиняемые крестьяне: Степанъ Свинаревъ (31 года) и Максимъ Серегинъ (23 лѣтъ) показали, что 6 марта, по выходѣ изъ питейнаго дома Ларіоновой, они поѣхали съ Павловымъ; куда же ушли Лукашинъ и Никифоровъ не видали. Отъѣхавъ же отъ города нѣсколько верстъ, нагнали Лукашина одного, который на распросы ихъ сказалъ, что Никифоровъ остался въ городѣ.

„Но это объясненіе Серегина и Свинарева, въ виду изложенныхъ выше показаній Лукашина и Павлова, нельзя признать заслуживающимъ уваженія, тѣмъ болѣе,

что: 1) крестьянка Акулина Ларіонова удостовѣрила, что 6 марта Свинаревъ и Серегинъ ѣхали изъ питейнаго дома ея вмѣстѣ съ Павловымъ, Лукашинымъ и Никифоровымъ, и 2) что по показанію матери Лукашина Настасьи Тимофѣевой и крестьянина Горячева, Серегинъ, бывши у нихъ 8 марта, сказалъ: „сынъ твой сказалъ Становому, что я и Свинаревъ убили Кирюшку; если мы убили его, то намъ будетъ яма, но и ему вмѣстѣ съ нами тоже будетъ яма".

„По заключенію Врачебнаго Отдѣленія Тульскаго Губернскаго Правленія причиною смерти Никифорова было кровоизліяніе мозговыхъ оболочекъ, которое при самомъ опьяненіи Никофорова могло произойти какъ отъ давленія груди, такъ и отъ сотрясенія головы при паденіи или ушиба.

„Разсмотрѣвъ вышеизложенное и выслушавъ заключеніе Товарища Прокурора, Судебная Палата находитъ: 1) что крестьяне Свинаревъ и Серегинъ показаніями Лукашина, Павлова, Вахрушина и Шиловой достаточно уличаются въ томъ, что 6 марта въ день смерти Кирилла Никифорова, они ѣхали вмѣстѣ съ нимъ домой изъ питейнаго дома Шиловой, что показаніями Лукашиной и Горячева, Свинаревъ и Серегинъ уличаются въ томъ, что съ намѣреніемъ, хотя и безъ умысла на убійство, причинили Никифорову такое насиліе, отъ котораго онъ умеръ. Преступленіе это предусмотрѣно 1464 ст. Улож. о наказ., 2) что Павловъ и Лукашинъ собственными своими показаніями, уличаются въ попустительствѣ Свинарева и Серегина къ совершенію означеннаго преступленія.

„Посему крестьяне Стефанъ Даниловъ Свинаревъ (31 года), Максимъ Исаевъ Серегинъ (23 лѣтъ), Степанъ Константиновъ Павловъ (26 лѣтъ) и Федоръ Егоровъ Лукашинъ (20 лѣтъ) преданы Суду Тульскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію—первыхъ двухъ въ преступленіи

предусмотрѣнномъ—1464 ст. Улож. о нак., а послѣднихъ—14 и 1464 ст. Улож.

„На вопросы Предсѣтеля „признаютъ ли они себя виновными“, Свинаревъ отвѣчалъ „никакъ нѣтъ“. Серегинъ отвѣчалъ: „нѣтъ, не виновенъ“.

Лукашинъ далъ слѣдующій отвѣтъ: развѣ ихъ удержишь! Мы нанялись работать на желѣзную дорогу; мы поѣхали всѣ пятеро на двухъ подводахъ; я ѣхалъ на передней подводѣ съ Никифоровымъ. Мы играли пѣсни и вдругъ они завздорили. Никифоровъ назвалъ Серегина воромъ, тогда Серегинъ и Свинаревъ стали бить Никифорова по головѣ, бросили его о земь и все били. Они заставили меня божиться всѣмъ на свѣтѣ: своими глазами и землею, что я никому не скажу того, что видѣлъ..

Павловъ виновнымъ себя не призналъ.

Затѣмъ было приступлено къ допросу свидѣтелей.

Крестьянинъ Василій Горячевъ, (какъ лишенный правъ по прежнему приговору, показываетъ безъ приприсяги). Я по этому дѣлу ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю.—По прочтеніи ему его показанія, даннаго на предварительномъ слѣдствіи, о томъ, что Серегинъ, бывши у матери Лукашина, сказалъ ей „сынъ твой сказалъ Становому, что я и Свинаревъ Кирюшкю убили; и твоему сыну вмѣстѣ съ ними будетъ яма“, Горячевъ отозвался, что онъ объ этомъ ничего не помнитъ. Серегинъ и не думалъ сознаваться, что убилъ Никифорова.

Подсудимый Павловъ (возражая на это показаніе). Мы поѣхали на двухъ подводахъ изъ г. Епифани: Серегинъ, Лукашинъ и Никифоровъ ѣхали на передней подводѣ, а я съ Свинаревымъ на задней подводѣ. Я задремалъ, и въ просонкахъ вдругъ слышу шумъ: слышу что впереди дерутся. Серегинъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ „ты живъ“, я отвѣчаю „живъ“. Онъ мнѣ продолжаетъ: „молчи, мы уклали Никифорова; если ты будешь говорить и тебѣ тоже будетъ, и те-

бя убьемъ". Когда я проѣзжалъ, я видѣлъ, что Никифоровъ лежитъ на землѣ, а Свинаревъ и Серегинъ сидятъ на немъ. Я погналъ лошадь и уѣхалъ. Съ чего началась ссора, я не знаю. Я ѣхалъ въ 10 саж. позади. Никифоровъ былъ пьянъ, но однако могъ держаться на ногахъ.

Подсудимый Серегинъ, возражая весьма пространно, въ теченіи четверти часа излагаетъ какъ они занимались работать на желѣзную дорогу, въ какихъ кабакахъ и гдѣ пили, безпрестанно призываетъ имя Божіе въ потвержденіе истинности своихъ словъ. Въ концѣ концевъ Серегинъ говоритъ, что Никифоровъ уѣхалъ отъ нихъ впередъ, что онъ его не билъ, и не знаетъ даже, отчего произошла смерть Никифорова.

Тоже подтверждаетъ и подсудимый Свинаревъ.

Свидѣтельница Акулина Ларіонова Шилова (содержательница питейнаго дома; повязана красивымъ яркимъ платкомъ, необыкновенно толстая женщина). 6 марта вечеромъ Свинаревъ и Серегинъ выѣхали изъ моего питейнаго дома вмѣстѣ съ Павловымъ, Лукашинымъ и Никифоровымъ. Я помню это послѣднее обстоятельство, такъ какъ мой мужъ подавалъ имъ двѣ подводы лошадей. Покойникъ Никифоровъ, будучи у меня въ кабакѣ, былъ пьянъ и разбилъ стаканъ. Я должна была когда они вышли по моей просьбѣ изъ кабака, запереть двери, чтобы они опять не ворвались въ кабакъ.

Свидѣтель Петръ Кочневъ, (сотскій). Я везъ подсудимыхъ для допроса къ Приставу; Серегинъ отъ меня ушелъ, чтобы выпить водки. Серегинъ мнѣ сказалъ, что ему нужно переговорить съ Лукашинымъ. Впрочемъ я скоро нашелъ Серегина у Лукашинихъ и и доставилъ его по принадлежности.

Мать Лукашина, Настасья Лукашина. Серегинъ пришелъ ко мнѣ въ домъ и говорилъ мнѣ: "сынъ твой указалъ, будто я и Свинаревъ убили Кирюшку; если намъ будетъ яма, то мы такъ сдѣлаемъ, что и ему будетъ яма."

Во время судебнаго слѣдствія были прочитаны акты осмотра: 1) изъ акта осмотра Полиціи, видно, что въ трупѣ Никифорова руки отброшены въ сторону отъ туловища, лице раздуто, языкъ ничего особаго не представляетъ, на шеѣ и груди знаковъ насилія не видно, спина въ пятнахъ.—Внутренній осмотръ показалъ, что черепныя кости цѣлы; существо мозга переполнено кровью въ видѣ красныхъ точекъ.—Въ полости груди всѣ ребра цѣлы. Лѣвое легкое переполнено кровью. На основаніи сего, дѣлавшій осмотръ уѣздный врачъ Вишневскій пришелъ къ заключенію, что смерть Никифорова послѣдовала отъ задушенія. 2) изъ заключенія Врачебнаго Отдѣленія Тульскаго Губернскаго Правленія видно, что сіе Отдѣленіе нашло предположеніе врача, будто смерть Никифорову послѣдовала отъ задушенія посредствомъ давленія—недоказаннымъ, а признало, что причиною смерти Никифорова было кровоизліяніе мозговыхъ оболочекъ, которое могло произойти отъ опьяненія.

По окончаніи судебнаго слѣдствія, было приступлено къ преніямъ сторонъ.

Товарищъ Прокурора (А. М. Кузьминскій) произнесъ: Гг. присяжные засѣдатели! Настоящее дѣло не имѣетъ того ужасающаго характера, какой могъ бы представиться вамъ въ виду того, что Никифорову причинена была смерть. По уложенію о наказ. послѣдствія лишенія человѣка жизни весьма разнообразны для подсудимыхъ, смотря по способу совершенія преступленія и по обстоятельствамъ, сопровождающимъ сіе послѣднее. Если человѣкъ убилъ другаго для ограбленія—это наиболѣе тяжкій видъ преступленія; напротивъ того, въ настоящемъ дѣлѣ вашему обсужденію подлежитъ легчайшій видъ убійства, то есть случай нанесенія побоевъ, отъ которыхъ послѣдовала смерть. Какіе именно были побои, этого законъ не различаетъ; законъ устанавливаетъ только соотношеніе между побоями и происшедшею отъ нихъ смертью.

Опредѣливъ такимъ образомъ, м.м. г.г., основные признаки преступленія, я перейду къ изложенію обстоятельствъ дѣла: фактическая сторона дѣла проста, немногосложна,—двое изъ сидящихъ передъ вами четырехъ подсудимыхъ—Серегинъ и Свинаревъ нанесли побои Никифорову, отъ которыхъ послѣдній умеръ. Остальные двое подсудимыхъ, Павловъ и Лукашинъ, обвиняются въ попустительствѣ.

Улики, которыя собрало предварительное и судебное слѣдствія противъ Серегина и Свинарева, состоятъ въ слѣдующемъ: изъ показаній Павлова и Лукашина оказывается, что 6 марта четыре упомянутые крестьянина, въ сопровожденіи пятаго нынѣ умершаго, Никифорова, отправились въ г. Епифань. При возвращеніи они всѣ заходили въ разные кабаки, и всѣ пять вечеромъ того же дня сошлись въ кабакѣ Ларіоновой. Изъ показанія сей послѣдней видно, что они отъ нея уѣхали всѣ вмѣстѣ. Послѣднее показаніе на судѣ возбудило преніи. Въ подтвержденіе того, что эти пять человѣкъ вмѣстѣ отправились отъ нея, Ларіонова привела, что мужъ ея выводилъ лошадей Серегина и Свинарева, что этотъ фактъ она хорошо помнитъ. Свинаревъ и Серегинъ отвергаютъ даже, чтобы они вечеромъ 6 марта вмѣстѣ съ Никифоровымъ были въ Епифани у Ларіоновой. Это невѣрное показаніе есть улика противъ нихъ: не будь они виновны, они бы не давали лживыхъ показаній. Серегинъ и Свинаревъ объяснили передъ вами, что они не могли лишить Никифорова жизни, ибо его съ ними не было. Но это показаніе опровергается свидѣтельствомъ Ларіоновой, Павлова и Лукашина. Послѣдніе съ простодушіемъ, истиною, совершенно убѣдительно разсказываютъ разныя обстоятельства, которыя сопровождали лишеніе жизни Никифорова: они показали передъ вами, м м. г.г., что выѣхали на двухъ саняхъ, причемъ Свинаревъ и Павловъ ѣхали на однихъ саняхъ, а остальные трое на другихъ саняхъ.

Павловъ заснулъ, и въ просонкахъ услышалъ шумъ на передней подводѣ; Серегинъ ему сказалъ „молчи, мы уклали Никифорова“. Другой свидѣтель Лукашинъ, показывая совершенно согласно съ Павловымъ, что удесятеряетъ достовѣрность ихъ показаній, добавляетъ, что Никифоровъ назвалъ Серегина воромъ, тогда Серегинъ и Свинаревъ стали бить Никифорова. Это столкновеніе нельзя считать простой дракой, ибо Никифоровъ былъ въ то время настолько пьянъ, что былъ лишенъ возможности защищаться отъ нападеній и оттого подвергся побоямъ нападающихъ. Серегинъ и Свинаревъ били Никифорова по головѣ, а Павловъ видѣлъ, какъ первые сидѣли на Никифоровѣ верхомъ. Быть можетъ, м м. г.г., вы возбудите вопросъ: дѣйствительно ли смерть Кирилла Никифорова послѣдовала отъ побоевъ, нанесенныхъ ему Серегинымъ и Свинаревымъ? Вопросъ этотъ безъ сомнѣнія разрѣшается утвердительно. Я не буду доказывать, что Серегинъ и Свинаревъ именно имѣли намѣреніе убить Никифорова; будь это, упомянутыя лица судились бы въ убійствѣ, и судьба ихъ отягчилась бы. Довольно будетъ если вы убѣдитесь, что не будь учинено Серегинымъ и Свинаревымъ насилія надъ Никифоровымъ, онъ бы не умеръ. Послѣднее доказывается заключеніемъ врачебнаго отдѣленія Тульскаго Губернскаго Правленія, „что смерть Никифорова произошла отъ кровоизліянія мозговыхъ оболочекъ“; а изліяніе несомнѣнно произошло отъ полученныхъ Никифоровымъ сильныхъ ударовъ по головѣ, отъ паденія съ саней, отъ сидѣнія на немъ верхомъ Свинарева и Серегина. И такъ, въ этомъ дѣлѣ нѣтъ необходимости опредѣлять свойство побоевъ (Товарищъ Прокурора ссылается при этомъ на рѣшеніе Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Сената). Виновность Серегина и Свинарева доказана несомнѣнно. Но есть противъ нихъ и другія улики: когда сотскій везъ Серегина къ Приставу, Серегинъ забѣжалъ въ домъ матери Лукашина, и здѣсь

угрожалъ ей, просилъ ее чтобы она велѣла сыну измѣнить свои показанія, и прибавилъ: „если намъ будетъ яма, то и ему будетъ яма“, если онъ скажетъ, что мы убили Никифорова.

Затѣмъ я перейду къ остальнымъ двумъ подсудимымъ Павлову и Лукашину. Они обвиняются въ попустительствѣ Серегина и Свинарева нанести такіе побои Никифорову, отъ которыхъ ему послѣдовала смерть. По уложенію о наказ. попустителями называются тѣ, которые имѣли власть или возможность предупредить преступленіе, но съ намѣреніемъ или по крайней мѣрѣ завѣдомо допустили совершеніе онаго. Такое упущеніе является по настоящему дѣлу. Основаніемъ къ обвиненію Павлова и Лукашина составляетъ отчасти ихъ показаніе, состоящее въ томъ, что они видѣли, какъ Серегинъ и Свинаревъ били, выбросили изъ саней Никифорова и сидѣли на немъ верхомъ. Павловъ и Лукашинъ имѣли возможность помѣшать сему, но этого не исполнили. Если бы они присоединились къ Никифорову во время, то ихъ оказалось бы трое противъ двухъ и тогда смерть Никифорова не послѣдовала бы. Въ заключеніе Товарищъ Прокурора энергически требовалъ обвиненія всѣхъ подсудимыхъ въ особенности же Свинарева и Серегина, какъ лишившихъ жизни ихъ ближняго. (Сильное ощущеніе между присяжными).

Защитникъ Серегина и Свинарева (помощникъ присяжнаго повѣреннаго Л. О. Поповъ) произнесъ: М. м. г.г.! на долю мою выпала трудная задача—явиться передъ вами защитникомъ двухъ подсудимыхъ, Серегина и Свинарева, которые обвиняются прокурорскою властью въ томъ, что безъ умысла на убійство нанесли Никифорову побои и истязанія, отъ коихъ онъ умеръ. Это преступленіе въ томъ видѣ, какъ оно формулировано прокурорскою властью, предусмотрѣно кодексомъ нашихъ положительныхъ законовъ. По словамъ г. товарища прокурора, покушеніе на жизнь человѣка

представляетъ много степеней наказуемости, и преступленіе Свинарева и Серегина изъ всѣхъ другихъ умышленныхъ убійствъ наименѣе значительно, наименѣе тяжко. Съ своей же стороны, я прямо заявляю, что независимо отъ тяжести или легкости того преступленія, которое возводится на моихъ кліентовъ, вина ихъ по этому дѣлу вовсе недоказана, и обвиненіе противъ нихъ является по меньшей мѣрѣ смѣлымъ, преждевременнымъ.—Настоящее дѣло представляетъ ту странность, что единственнымъ основаніемъ къ обвиненію Серегина и Свинарева, сидящихъ передъ вами на скамьѣ подсудимыхъ, служатъ показанія другихъ двухъ подсудимыхъ, также находящихся передъ вами и заинтересованныхъ въ исходѣ этого дѣла. За тѣмъ я припомню вамъ обстоятельства сего дѣла. (Защитникъ подробно излагаетъ всѣ показанія свидѣтелей, изложенныя выше, и добытыя предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіями). По моему мнѣнію, нельзя давать никакой силы оговору однихъ подсудимыхъ противъ другихъ. Ларіонова является единственнымъ свидѣтелемъ того, что Свинаревъ и Серегинъ выѣхали вмѣстѣ вечеромъ изъ г. Епифани; этому показанію я не даю вѣры. Оно противорѣчитъ объясненію, данному передъ вами на судѣ Свинаревымъ; послѣдній показываетъ, что Никифоровъ и Лукашинъ выѣхали впередъ, онъ же съ Серегинымъ отсталъ отъ нихъ на второй подводѣ; мужа Ларіоновой мы на судѣ не слышали, и слова ея, что мужъ выводилъ лошадей для Никифорова и Серегина, не доказываютъ ничего. Никифоровъ погналъ свою лошадь, а Серегинъ и Свинаревъ сзади его поѣхали шагомъ, ибо ихъ клонило ко сну, а одинъ изъ нихъ шелъ сверхъ того пѣшкомъ. Обвинитель Лукашинъ говоритъ, что Серегина Никифоровъ назвалъ воромъ, и что вслѣдствіе этого Никифорову были нанесены побои; но это показаніе, равно и объясненіе Павлова, сдѣланы были ими только изъ страха передъ Становымъ Приставомъ, изъ опасенія того,

что на нихъ, (почти еще мальчиковъ), пало обвиненіе въ убійствѣ; имъ нужно было во что бы то ни стало свалить вину на другаго.—Медицинскія данныя безусловно служатъ въ пользу Свинарева и Серегина, игривое предположеніе врача, что смерть Никифорову послѣдовала отъ задушенія, безусловно отвергнуто врачебнымъ отдѣленіемъ Тульскаго Губернскаго Правленія. Если смерть Никифорова послѣдовала отъ опьяненія, которое сдѣлало болѣзненнымъ его организмъ, такъ что незначительнаго толчка было достаточно, чтобы причинить ему смерть, то мои кліенты не виновны въ причиненіи побоевъ. Смерть могла послѣдовать и независимо отъ сихъ послѣднихъ. На шеѣ и на груди у Никифорова знаковъ насилія не видно, какъ явствуетъ изъ акта осмотра, прочитаннаго на судѣ; слѣдовательно не было и побоевъ. Первоначально осмотръ трупа сдѣланъ былъ становымъ: этотъ послѣдній не нашелъ на трупѣ никакихъ побоевъ и насилій. Поэтому разсказъ оговорщиковъ опровергается отсутствіемъ боевыхъ знаковъ на тѣлѣ. Если бы Никифоровъ умеръ отъ паденія съ саней, то мои кліенты были бы виновны только въ неоказаніи ему помощи; слѣдовательно доводъ г. Прокурора неоснователенъ. И такъ м.м. г.г., ни по совѣсти, ни по юридическимъ соображеніямъ, ни по заключенію врачебнаго отдѣленія нельзя придти къ заключенію, чтобы Никифоровъ умеръ отъ нанесенныхъ ему побоевъ. То обстоятельство, что Серегинъ заходилъ или не заходилъ къ матери Лукашина, не доказываетъ его виновности; къ тому же самый этотъ фактъ сомнителенъ: свидѣтель Горячевъ на судѣ передъ нами объяснилъ, что онъ ничего не слышалъ изъ разговора Серегина съ Лукашиною, что бы заключало въ себѣ сознаніе Серегина въ убійствѣ и желаніе, чтобы Лукашинъ измѣнилъ свои показанія. Итакъ въ дѣлѣ нѣтъ вовсе данныхъ, подтверждающихъ оговоръ Лукашина и Павлова; показаніе подсудимыхъ обвинителей—вотъ един-

ственное орудіе въ рукахъ обвинительной власти. Въ виду всего изложеннаго я прошу оправдательнаго приговора о Серегинѣ и Свинаревѣ.

Защитникъ подсудимаго Павлова (А. Д. Любавскій) произнесъ: Мм. гг.! Прокурорская власть, въ лицѣ одного изъ даровитѣйшихъ своихъ представителей, обвиняетъ крестьянина Степана Павлова въ попустительствѣ Свинарева и Серегина къ намѣренному причиненію Никифорову такого насилія, отъ котораго онъ умеръ.

„Попустителями“ (по точнымъ словамъ ст. 14 Уложенія о наказаніяхъ) являются „тѣ, которые, имѣвъ „власть или возможность предупредить преступленіе, „съ намѣреніемъ или по крайней мѣрѣ завѣдомо до„пустили содѣяніе онаго“.

И такъ вы можете признать Павлова виновнымъ только если вы найдете, что Павловъ: 1) „имѣлъ власть и возможность“ воспрепятствовать Свинареву и Серегину нанесить Никифорову побои, и 2) что онъ „съ намѣреніемъ“, „завѣдомо“ допустилъ сдѣлать это.

Павловъ по сему дѣлу учинилъ чистосердечное признаніе; прослѣдимъ послѣднее, свѣривъ его съ обстоятельствами дѣла: Павловъ ѣхалъ не на той подводѣ, на которой находился Никифоровъ; онъ задремалъ, находясь сзади, и въ просонкахъ вдругъ услышалъ шумъ и брань на передней подводѣ. Потомъ къ нему пришелъ Серегинъ и, сѣвъ въ сани, сказалъ: „молчи, мы уклали Никифорова, и если кому скажешь, то и тебѣ тоже будетъ“. Затѣмъ Павловъ увидѣлъ Никифорова лежавшимъ безъ движенія и ничего не говорившимъ. Павловъ добавилъ, что съ испугу и съ просонокъ не зналъ, что дѣлать, его заставили побожиться и перекреститься, что онъ никому не скажетъ.

Г. Прокуроръ безусловно признаетъ, что виновность Свинарева и Серегина доказывается показаніями Павлова; итакъ эти показанія въ полномъ ихъ объемѣ признаны достовѣрными, доказательственными. Г. Про-

куроръ по совѣсти, по справедливости, въ силу высокаго принципа о равенствѣ обвиненія съ защитою, не можетъ вѣрить той части показаній, которая обвиняетъ подсудимыхъ, и отвергать ту часть показаній, которая служитъ въ пользу подсудимаго.

Изложенное убѣждаетъ меня, что Павловъ не подходитъ подъ правила, указанныя ст. 14 Улож.: онъ проснулся, когда надъ Никифоровымъ было уже совершено насиліе, слѣдовательно онъ „не имѣлъ власти и возможности“ воспрепятствовать преступленію. Онъ съ просонокъ самъ испугался, боялся даже за свою жизнь и безопасность, пришелъ въ себя когда уже все было кончено, слѣдовательно онъ не „съ намѣреніемъ“, „не завѣдомо“ допустилъ Никифорову нанести побои.

Просонки, мм. гг., весьма вліяютъ на дѣятельность и настроеніе человѣка: это есть нѣчто среднее между сномъ и бдѣніемъ, переходъ отъ перваго состоянія во второе; во время сна чувствительность мозга сосредоточивается въ себѣ самой, и потому воображеніе дѣйствуетъ сильнѣе, самосознаніе же и сознаніе внѣшняго міра не существуютъ, изъ чего слѣдуетъ вывести, что спящій человѣкъ не находится въ состояніи вмѣняемости. Во время сна человѣку представляются видѣнія, хаотическіе и калейдоскопическіе образы, въ коихъ духъ человѣка теряется. При просонкахъ человѣкъ иногда дѣйствуетъ, иногда бездѣйствуетъ (какъ опьянѣлый). Нельзя требовать, чтобы человѣкъ въ этомъ состояніи не только сообразилъ, какъ ему нужно поступить, но и свои мысли немедленно осуществилъ въ видѣ дѣятельности; такъ если бы напр. человѣкъ былъ внезапно разбуженъ и увидѣлъ, что другой человѣкъ упалъ въ воду или лежитъ на улицѣ и на него наѣзжаетъ экипажъ,—едва ли можно требовать, чтобы разбуженный мгновенно и не упуская, удобной минуты, въ первомъ случаѣ бросился въ воду, а во

второмъ исторгнулъ лежащаго человѣка изъ подъ колесъ экипажа.

Въ юриспруденціи существуетъ освященное вѣками правило: „дѣти не отвѣчаютъ за вины отцевъ, и отцы за вины дѣтей, кійждо за свой грѣхъ да пріиметъ“. По этому дѣлу едвали можно возложить на Павлова отвѣтственность за дѣянія лицъ, ему чуждыхъ: Свинарева и Серегина. Онъ не имѣлъ намѣренія и желанія допустить учиненіе насилія надъ Никифоровымъ, онъ съ ужасомъ отшатнулся отъ поступка Свинарева и Серегина, но онъ не могъ также забыть дѣльной русской пословицы, основанной на житейской мудрости: „доносчику первый кнутъ“. Недавно я велъ у Мироваго Судьи 4-го участка г. Тулы уголовное дѣло: одинъ мѣщанинъ Невѣровъ, желавшій защитить своего товарища, которому другіе наносили побои, самъ былъ избитъ столь немилосердно, что двѣ недѣли пролежалъ въ больницѣ и въ концѣ концевъ еще судился за участіе въ дракѣ. И такъ вотъ дилемма, которая возстаетъ передъ каждымъ свидѣтелемъ драки: вмѣшаться въ драку, затѣмъ быть избитымъ и наконецъ призваннымъ на судъ, или же остаться безмолвнымъ зрителемъ драки и уйти, какъ это случилось съ Павловымъ по настоящему дѣлу.

Скажу болѣе: чрезмѣрное развитіе въ вашихъ приговорахъ и въ судебной практикѣ понятія, о „попустительствѣ“ было бы опасно для гражданской свободы и спокойствія каждаго изъ насъ. Напр., я могу ручаться за себя, что я не посягну на собственность и безопасность моего ближняго, но я не могу поручиться: проходя по улицѣ и видя драку, что вмѣшаюсь въ нее и стану защищать человѣка, сдѣлавшагося предметомъ нападенія; или слыша крики „на помощь“ человѣка, съ котораго снимаютъ пальто, что брошусь на нападающихъ,—подобная доблесть, представляетъ важныя неудобства. Въ нашъ вѣкъ, весьма не практично мѣшаться въ чужія дѣла. Если же признать, что

я въ приведенныхъ двухъ примѣрахъ, оставшись безмолвнымъ свидѣтелемъ драки и кражи, могу быть обвиненъ какъ „попуститель“—то это открыло бы просторъ безчисленнымъ обвиненіямъ. Вспомните, что вы, м.м. г.г., представители общества и общественнаго мнѣнія, что вы власть, посредствующая между закономъ и его примѣненіемъ, и руководствуетесь единственно вашимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, что самъ законъ предоставилъ вамъ право произносить приговоръ, не будучи ни передъ кѣмъ обязаны отчетностью, что въ иностранныхъ государствахъ попустительство и недонесеніе не подлежатъ вовсе наказуемости.

Въ концѣ концевъ по этому дѣлу Павловъ и Лукашинъ не могутъ быть признаны уголовными преступниками; я прошу произнесть относительно Павлова оправдывающій приговоръ.

Защитникъ подсудимаго Лукашина (П. П. Зуровъ) объяснилъ: М.м. гг., если Свинаревъ и Серегинъ дѣйствительно виновны въ причиненіи смерти крестьянину Никифорову, то общество и правосудіе могутъ быть только благодарны Лукашину за то, что онъ своимъ чистосердечнымъ сознаніемъ разъяснилъ это дѣло, указалъ виновниковъ преступленія; уже это одно говоритъ въ пользу Лукашина. Я обращу ваше вниманіе на то, что по этому дѣлу не должно смѣшивать двухъ группъ преступниковъ: 1) Свинарева и Серегина, и 2) Павлова и Лукашина. Первые обвиняются и уличаются въ нанесеніи побоевъ, бывшихъ причиною смерти Никифорова, тогда какъ послѣдніе сами не совершили никакого преступнаго дѣянія. Мой досточтимый товарищъ по защитѣ г. Любавскій подробно разобралъ съ точекъ зрѣнія юридической и практической понятіе о „попустительствѣ“, такъ что мнѣ во избѣжаніе повтореній остается по сему предмету сказать немногое: по моему убѣжденію, Лукашинъ при его несовершеннолѣтіи, его небольшомъ ростѣ не имѣлъ ни власти,

ни возможности воспрепятствовать Свинареву и Серегину нанести побои Никифорову.

Я постараюсь сверхъ того возстановить нѣкоторые факты, которые могли быть затемнены по настоящему дѣлу; передъ нами двѣ системы доказательствъ: система запирательства Серегина и Свинарева и система чистосердечнаго сознанія Павлова и Лукашина. Безъ сомнѣнія вы сами поймете, гдѣ истина, вы убѣдитесь, что мертвое тѣло не является безъ причины. Лукашинъ и Павловъ откровенно говорятъ, не желая устранить себя отъ возможной отвѣтственности, что были при нанесеніи побоевъ Никифорову. Серегинъ и Свинаревъ впадаютъ въ тонъ „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“. Все, что показалъ Свинаревъ, касается его разъѣздовъ, выпивки вина въ кабакахъ, но какъ только его спросили о Никифоровѣ, онъ объяснилъ, что Никифорова не видалъ. Между тѣмъ Ларіонова, ссылаясь и на своего мужа, показала, что Серегинъ, Свинаревъ и Никифоровъ выѣхали вмѣстѣ. Я не стану съ г. защитникомъ Поповымъ пускаться въ предположенія, что Никифоровъ на одной подводѣ поѣхалъ впередъ съ быстротою птицы, тогда какъ Свинаревъ и Серегинъ отстали отъ него, ибо ѣхали съ медленностью черепахи (въ публикѣ неудержимый смѣхъ); очевидныя происшествія показываютъ совершенно противное, именно: что Свинаревъ и Серегинъ, и ихъ жертва Никифоровъ ѣхали на одной подводѣ. (Затѣмъ защитникъ подробно доказываетъ несообразность показаній Свинарева и Серегина, отчасти на основаніи вполнѣ извѣстной ему мѣстности около г. Епифани). Я прошу васъ мм. гг. оправдать Лукашина: мальчикъ 20 лѣтъ не могъ вступиться за Никифорова противъ двухъ такихъ силачей и большаго роста людей, каковы Серегинъ и Свинаревъ. Подобнымъ приговоромъ вы только дадите восторжествовать идеѣ правды и справедливости.

Затѣмъ стороны еще разъ обмѣнялись возраженіями, причемъ новую длинную рѣчь, возражая Товарищу Прокурора и г. Зурову, сказалъ г. Поповъ.

Присяжнымъ засѣдателямъ были предложены для разрѣшенія слѣдующіе вопросы: 1) виновенъ ли подсудимый крестьянинъ Епифанскаго уѣзда, села Сухановки, Степанъ Даниловъ Свинаревъ, 31 года, въ томъ, что 7 марта 1870 г., возвращаясь изъ г. Епифани вмѣстѣ съ знакомымъ ему крестьяниномъ Кирилломъ Никифоровымъ, онъ съ намѣреніемъ, но безъ умысла на убійство, нанесъ Никифорову побои, имѣвшіе послѣдствіемъ смерть Никифорова? 2) Виновенъ ли въ томъ же преступленіи подсудимый крестьянинъ села Сухановки Максимъ Исаевъ Серегинъ 23 лѣтъ? 3) Виновенъ ли подсудимый крестьянинъ села Сухановки Степанъ Константиновъ Павловъ, 26 лѣтъ, въ томъ, что 6 марта 1870 г., присутствуя при нанесеніи побоевъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ смерть Кирилла Никифорова и имѣя возможность остановить побои, онъ не принялъ никакихъ мѣръ къ прекращенію оныхъ? 4) Виновенъ ли въ томъ же подсудимый дер. Федоровки Федоръ Егоровъ Лукашинъ, 20 лѣтъ?

На первые два вопроса присяжные засѣдатели отвѣчали: „да виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія“, на третій вопросъ — „нѣтъ, не виновенъ“, на четвертый вопросъ — „нѣтъ, не виновенъ“.

На основаніи сего приговора Тульскій Окружной Судъ опредѣлилъ: 1) крестьянъ Степана Свинарева (31 года) и Максима Серегина (24 лѣтъ) подвергнуть тюремному заключенію на два мѣсяца и церковному покаянію по усмотрѣнію духовнаго начальства; 2) подсудимыхъ крестьянъ Степана Павлова и Федора Лукашина, на основаніи ст. 771 У. Уг. Суд., считать оправданными по суду.

II.

Дѣло о крестьянахъ сельца Телятинки (Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи), обвиняемыхъ въ неповиновеніи властямъ.

(Засѣданіе Тульскаго Окружнаго Суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, отъ 27 сентября 1871 года. Предсѣдалъ: Товарищъ Предсѣдателя П. Ал. Васильевъ, члены: А. В. Мясновъ и П. И. Куриосовъ. Обвинялъ Товарищъ Прокурора И. Е. Жуковскій, защищали подсудимыхъ: А. Д. Любавскій, А. М. Краевскій, И. П. Зуровъ и Я. О. Поповъ).*)

Обвинительный актъ, измѣненный Московскою Судебною Палатою, состоялъ въ слѣдующемъ:

„По просьбѣ управляющаго конторою Нечаева, о скорѣйшемъ приведеніи въ исполненіе утвержденнаго мировымъ съѣздомъ разверстанія угодій по сельцу Телятинки, Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи, мировой посредникъ предписалъ 26 іюля 1867 г. Кузнецкому волостному правленію, объявить крестьянамъ означеннаго сельца, чтобы они готовились къ переселенію и заранѣе распредѣлили свои усадьбы. Получивъ же донесеніе, что крестьяне на переселеніе согласія не изъявляютъ, мировой посредникъ вмѣстѣ съ исправникомъ отправились въ сельцо Телятинки и послѣ безуспѣшныхъ увѣщаній крестьянъ къ повиновенію, приказили разломать принадлежащія имъ строенія. Когда и затѣмъ крестьяне къ переселенію не приступали и начали возобновлять сломанное, то мировой посредникъ донесъ объ этомъ Губернатору, присовокупивъ, что под-

---

*) Зала была переполнена слушателями, въ числѣ которыхъ были многіе мѣстные чиновники, военные и статскіе. Засѣданіе открыто въ половинѣ двѣнадцатаго часа. Изъ подсудимыхъ трое находятся подъ стражею, а остальные на свободѣ, и сидятъ на право отъ защитниковъ.

стрекателями къ неповиновенію оказываются крестьяне: Антонъ Тришинъ и Василій Павловъ, изъ которыхъ послѣдній, въ присутствіи его, посредника, сказалъ, что если велятъ даже повѣсить его Павлова, то и тогда онъ переселяться не станетъ.

„По разсмотрѣніи произведеннаго по сему предмету слѣдствія, Судебная Палата, находя въ поступкѣ крестьянъ сельца Телятинки одно только ослушаніе законныхъ требованій мироваго посредника, передала дѣло, согласно 29 ст. уст. о наказ., на разсмотрѣніе мѣстнаго мироваго судьи.

„При разбирательствѣ у мироваго судьи, крестьяне сельца Телятинки, за исключеніемъ Максима Трофимова, уже поселившагося на новое мѣсто, въ числѣ 20 человѣкъ, заявили, что добровольно на вновь отведенныя имъ мѣста они не переселятся; почему мировой судья, признавъ, крестьянъ: Семена Прохорова, Семена Семенова, Афанасія Дмитріева, Петра Евстигнѣева, Антона Алимпіева, Алексѣя Васильева, Ивана Артемьева, Николая Павлова, Василія Павлова, Петра Дмитріева, Федора Леонова, Андрея Алексѣева, Степана Андреева, Василія Яковлева, Антона Ильина, Бориса Федорова, Абрама Сергѣева, Никифора Петрова, Тимофея Петрова и Егора Лукьянова, виновными въ упорномъ неповиновеніи требованіямъ и постановленіямъ правительственныхъ властей, приговорилъ ихъ, 12 марта 1869 г., къ штрафу по 15 руб. съ каждаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, усматривая, что неповиновеніе означенныхъ крестьянъ происходитъ не по недоразумѣнію, такъ какъ всѣ относящіеся по сему предмету законы были имъ разъяснены и всѣ ихъ жалобы на неправильность разверстанія угодій не уважены ни губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, ни Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, а единственно по стачкѣ и подстрекательству руководителей ихъ къ упорному сопротивленію, мировой судья, въ виду 5 п. 959 ст. уст. угол. суд., не приводя своего приговора

въ исполненіе, дѣло вновь передалъ на зависящее распоряженіе товарища прокурора Тульскаго Окружнаго Суда, къ которому, между прочимъ, поступило новое дѣло, по обвиненію тѣхъ же крестьянъ сельца Телятинки, о вновь оказанномъ ими, 29 августа 1869 г., ослушаніи распоряженіямъ пристава 1 стана Богородицкаго уѣзда, исполнявшаго порученіе мироваго посредника о воспрещеніи имъ обработки прежнихъ ихъ полей.

„Входя вновь въ разсмотрѣніе настоящаго дѣла, Судебная Палата не можетъ не видѣть въ означенныхъ поступкахъ крестьянъ сельца Телятинки упорнаго сопротивленія исполненію законныхъ требованій властей, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры ихъ вразумленія, происходящаго отъ подстрекательства нѣкоторыхъ руководителей, вовлекающихъ ихъ въ обманъ сообщеніемъ ложныхъ свѣдѣній; такими подстрекателями, по удостовѣренію мироваго посредника и показанію нѣкоторыхъ свидѣтелей, оказываются крестьяне того же сельца Телятинки: Василій Павловъ, Антонъ Алимпіевъ (Тришинъ) и Василій Яковлевъ (Каржавинъ), за что они должны подлежать преслѣдованію по 273 ст. улож. о нак. А потому Судебная Палата опредѣляетъ: крестьянъ сельца Телятинки: Василія Павлова, Антона Алимпіева, Василія Яковлева, Семена Прохорова, Семена Семенова, Аѳанасія Дмитріева, Петра Евстигнѣева, Алексѣя Васильева, Ивана Артемьева, Николая Павлова, Петра Дмитріева, Федора Леонова, Андрея Алексѣева, Степана Андреева, Антона Ильина, Бориса Федорова, Абрама Сергѣева, Никифора Петрова, Тимофея Петрова и Егора Лукьянова, на основ. 273 ст. улож. о нак. и 201 ст. уст. угол. суд., предать суду Тульскаго Окружнаго Суда съ участіемъ гг. присяжныхъ засѣдателей, первыхъ троихъ какъ зачинщиковъ, а остальныхъ какъ ихъ сообщниковъ неповиновенія законнымъ требованіямъ властей отъ правительства установленныхъ“,

Отвѣчая на вопросы предсѣдателя всѣ, подсудимые виновными себя не признали.

Затѣмъ было приступлено къ допросу свидѣтелей.

Мировой посредникъ Заварзинъ. Я получилъ заявленіе отъ конторы, что Телятинскіе крестьяне не соглашаются переселиться. Мною были приняты мѣры къ понужденію крестьянъ переселиться. Въ настоящее время крестьяне переселились, живутъ хорошо, въ хорошемъ повиновеніи, жалобъ на нихъ нѣтъ. Возвращаюсь къ неповиновенію крестьянъ: послѣднимъ былъ данъ трехлѣтній срокъ на переселеніе, новая земля для поселенія имъ отведена была удобная, но крестьяне не принимали этой земли, не думали о переселеніи. Переселеніе было необходимо во избѣжаніе черезполосицы владѣнія земли. Я помню, что нѣкоторые крестьяне отказались переселиться; Василій Павловъ сказалъ: „выройте столбъ, привяжите меня къ нему, вѣшайте меня, я не переселюсь“. Строенія я велѣлъ ломать: ихъ сломано кажется 5—6, не помню. Крестьяне должны были переселиться въ силу приговора Мироваго Съѣзда Посредниковъ, необжалованнаго ими въ законный срокъ. Во время переселенія крестьянъ случились два пожара, погорѣло много строеній этихъ крестьянъ.

(Отвѣчая на вопросы защитника Любавскаго) Я приступилъ къ сломкѣ строеній крестьянъ вслѣдствіе увѣдомленія конторы помѣщика. Подъ выраженіемъ „контора помѣщика“ я разумѣю управляющаго Нечаева, этого увѣдомленія было для меня вполнѣ достаточно. На Съѣздъ Мировыхъ Посредниковъ, предписавшій имъ переселиться, крестьяне приносили жалобы Губернскому по крестьянскимъ дѣламъ Присутствію, Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Сенату; крестьяне избрали даже ходаковъ Василія Павлова и Василія Яковлева для подачи прошенія въ Петербургѣ. Потомъ этихъ же самыхъ ходаковъ, ими сначала избранныхъ, они положили сослать въ Сибирь, какъ людей порочныхъ, неблагонадежныхъ (между присяжными засѣдателями ощу-

щеніе). Относительно сломки строеній крестьянъ, я замѣчу, что сломка производилась два раза; при прежнемъ мировомъ посредникѣ съ домовъ крестьянъ сняли крыши; при мнѣ было приступлено къ сломкѣ самыхъ зданій; я созвалъ крестьянъ сосѣднихъ деревень для этого, всего созвали до 1600 человѣкъ (движеніе между присяжными). Я долженъ прибавить, что крестьяне фактически сломкѣ ихъ строеній не сопротивлялись, они только разговаривали между собою, жаловались на судьбу. При сломкѣ я велѣлъ не перемѣшивать строительныхъ матеріаловъ, строительные матеріалы каждаго дома клались въ особую кучу. Отвѣчая на вопросъ, въ силу какого именно закона, какой статьи я счелъ себя въ правѣ ломать строенія крестьянъ, я такого спеціальнаго закона указать не могу—я считалъ себя въ правѣ сдѣлать это по предоставленной мнѣ власти. *На эту мѣру я не испрашивалъ разрѣшенія Губернатора* (движеніе въ публикѣ), *я донесъ о событіи ужъ послѣ*; я дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію въ интересахъ общаго порядка.—Дѣйствительно, послѣ сломки ихъ строеній, крестьяне жили въ „землянушкахъ“; подъ землянушками я понимаю ямы, вырытыя въ землѣ (между присяжными ощущеніе), въ этихъ ямахъ крестьяне и перезимовали; о томъ, чтобы у крестьянъ перемерли дѣти отъ холода—я не знаю и не слыхалъ. Я убѣжденъ, что крестьяне жили въ землянушкахъ по упорству, имъ были приготовлены другія дома—за упорство была экзекуція, то есть наказаніе крестьянъ розгами, крестьянъ наказывали въ полицейскомъ управленіи; но сколько давали розогъ и кого наказывали, этого я не касался, это было дѣло полиціи.—Во время переселенія ихъ на новое мѣсто крестьяне сгорѣли два раза. (На вопросъ защитника) чтобы во время пожара старшина Прокофій Ѳедоровъ говорилъ: Арсеньевскій конецъ не бойся, а Крюковскій конецъ еще разъ сгоритъ,—я ничего не знаю. Въ томъ.

что крестьяне сгорѣли во время сломки ихъ строеній —я вижу только простую случайность. *)

(Отвѣчая на вопросы другихъ защитниковъ). Крестьянамъ прежній мировой посредникъ дѣйствительно не выдалъ копіи проэкта съ разверстанія ихъ земли; я же всегда выдаю копіи, безъ всякаго затрудненія,— чтобы Антонъ Алимпіевъ сообщалъ крестьянамъ „ложныя свѣдѣнія“, этого я положительно удостовѣрить не могу; онъ только на сходкахъ говорилъ больше всѣхъ и просилъ дождаться разрѣшенія ихъ жалобы, поданной въ Правительствующій Сенатъ. Крестьяне наняли адвоката, кажется Спасскаго, хлопотать за нихъ; но этотъ адвокатъ только ихъ сбивалъ, и подводилъ подъ отвѣтственность. Самыми упорными крестьянами, нежелавшими переселиться, были: Антонъ Алимпіевъ и Василій Яковлевъ, на сходкахъ они постоянно были впереди. Сколько при экзекуціи давали розогъ крестьянамъ, какъ я уже замѣтилъ, я не знаю, это дѣло полиціи, а не мое; вѣроятно число розогъ соотвѣтствовало законному размѣру.

Предсѣдатель замѣтилъ, что этотъ вопросъ совершенно излишній, неотносящійся къ дѣлу.

Заварзинъ продолжаетъ свое показаніе: до возникновенія этого дѣла, Телятинскіе крестьяне, были крестьяне исполнительные, на нихъ жалобъ не было, они первые труженники въ околодкѣ; крестьяне говорили, что на новомъ мѣстѣ земля для нихъ неудобнѣе; новыхъ мѣстъ, отведенныхъ крестьянамъ для переселенія, я самъ не разсматривалъ; разверстаніе земель произведе-

---

*) Защитникъ Любавскій просилъ присяжныхъ засѣдателей замѣтить: 1) что крестьяне жили зиму въ „землянушкахъ“, какъ кроты или медвѣди; 2) что избранные крестьянами лучшіе люди, ходаки въ Петербургъ, впослѣдствіи признаны ими порочными и подлежащими ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

но до меня. Чтобы послѣ наказанія ихъ розгами — крестьянъ выносили на рукахъ, этого я не знаю.

Послѣдовало новое замѣчаніе предсѣдателя.

Хотя крестьянами была принесена жалоба въ Сенатъ, но ими былъ пропущенъ срокъ на обжалованіе рѣшенія Мироваго Съѣзда, изъ этой жалобы ничего не могло выйдти. Приговоръ о ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе трехъ крестьянъ, находящихся подъ стражею, сначала былъ подписанъ конторщикомъ; по этому я усумнился въ дѣйствительности сего приговора. Когда же крестьяне подписали новый приговоръ, то я утвердилъ его. Я и не слыхалъ, чтобы выдавались конторою деньги крестьянамъ, подписавшимъ приговоръ; контора дала въ видѣ вспомоществованія по 30 руб. каждому крестьянину, переселяющемуся на новое мѣсто. Въ приговорѣ о ссылкѣ я ничего принудительнаго со стороны конторы не усмотрѣлъ, почему и утвердилъ приговоръ. (Василій Яковлевъ тихо плачетъ). Сельцо Телятинки состоитъ изъ двухъ слободъ; когда я ломалъ избы крестьянъ, въ это время имъ уже были выстроены на новыхъ мѣстахъ избы; впрочемъ какъ этого, такъ и времени сего, я съ точностію не упомню, я не извращаю фактовъ, крестьяне жили въ земляншкахъ по доброй волѣ, года и числа я не помню.

Предсѣдатель (внушительно). Гг. защитники я прошу васъ не касаться тѣхъ вопросовъ, которые клонятся къ разбору дѣйствій администраціи, неимѣющихъ никакого отношенія къ существу дѣла; прошу васъ избѣгать критики распоряженій должностныхъ лицъ. Мы судимъ неповиновеніе крестьянъ распоряженію не отдѣльныхъ административныхъ лицъ, а постановленію Съѣзда Мировыхъ Посредниковъ, вошедшему въ законную силу. Я предупреждаю, что если на судѣ будетъ нарушаться должное приличіе и уваженіе къ власти, то виновный будетъ мною лишенъ слова.

Мировой посредникъ (продолжая свои показанія). Пожаръ въ с. Телятинки случился въ то время, когда

волостной старшина пріѣхалъ приказать крестьянамъ, чтобы они не возобновляли разломанныхъ строеній. Пожаръ начался со строенія Максима Трофимова, того крестьянина, который переселился на новое мѣсто (ощущеніе). Все общество сельца Телятинки участвовало въ составленіи приговора о ссылкѣ трехъ крестьянъ въ Сибирь. (Отвѣчая на вопросы старшины присяжныхъ засѣдателей и предсѣдателя). Крестьяне, которые подлежали переселенію, имѣли большею частію каменныя постройки и эти строенія по моему распоряженію были сломаны.

Подсудимый *Василій Павловъ*. (Дѣлая возраженія): на сломку нашихъ строеній пришли крестьяне 12 волостей. Старшины намъ и объявили: „мы пріѣхали васъ ломать“. Мы просимъ: нельзя ли прежде осмотрѣть куда насъ переселяютъ; говорятъ,—нельзя. Исправникъ и Нечаевъ прежде всего указали для сломки мой домъ, я имъ отвѣчаю: „вѣками домъ паживато, а вы православные, а его ломаете“. Дѣти мои, старушка стали ревѣть, всѣхъ выгнали къ рѣкѣ, они плачутъ. Никто меня не защитилъ! Мнѣ говорятъ: когда ты будешь жаловаться, мы назначимъ сѣкуцію. Я говорю „хоша куда хотите ведите, не соглашусь на переселеніе, и добровольно не пойду“. Намъ отвели вновь дурную землю. Мы послали ходаковъ въ Петербургъ для принесенія жалобы. Тогда власти насъ стали смущать, говорятъ откажитесь отъ крестьянъ, которыхъ послали въ Петербургъ.

Предсѣдатель остановилъ подсудимаго.

Послѣ этого я испужался, сходилъ въ Москву къ своему помѣщику и получилъ отъ него прощеніе. А другихъ ходаковъ общество постановило сослать въ Сибирь; этотъ приговоръ грѣшный.

Подсудимый *Василій Яковлевъ*. У меня все отняли, даже сына моего сѣкли и говорили ему: „откажись отъ отца“. Все мое продали, домъ сломали. Меня сѣкли два раза въ полиціи, послѣ наказанія, меня на ру-

кахъ вынесли, я не могъ итти; потомъ, когда я отдохнулъ, меня опять высѣкли. Моего сына изъ за меня незаконно отдали въ солдаты, мнѣ въ отмѣстку. Имущество мое растаскали; кирпичную избу продали.

Подсудимый *Николай Павловъ*. Меня ссылаютъ въ Сибирь неправильно, будто бы за то, какъ сказывали старики, что я подушныхъ 3 руб. не уплатилъ.

Предсѣдатель: „мы этого обстоятельства не разсматриваемъ“.

Какъ я могъ уплатить, когда мою избу сломали, вышелъ я въ чистое поле, и въ полѣ зимовалъ. Я жилъ въ землянушкѣ „самъ третья“, ребенокъ мой умеръ съ холоду (между прислужными движеніе); теперь я уже 10 мѣсяцевъ сижу въ замкѣ, семья моя теперь даже пропитанія не имѣетъ. Все мое добро сломали, свезли, погубили. Огнемъ сгубили, мой дворъ сгорѣлъ, я безъ счету потерялъ, оставшійся отъ дома кирпичъ продали на уплату податей.

Василій Павловъ и пять человѣкъ подсудимыхъ, вставал: мы отъ народа (трехъ ссыльныхъ) не отказывались, неволя заставила, да неволя!

Предсѣдатель. Это обстоятельство не подлежитъ разсмотрѣнію Суда.

Свидѣтель, Приставъ 1-го стана Богородицкаго уѣзда. Я запретилъ крестьянамъ пахать прежніе огороды, но крестьяне продолжали ихъ пахать. Они не переселялись, они считали неудобными новые участки. При сломкѣ строеній выдавались изъ крестьянъ Василій Павловъ и братъ его Николай Павловъ: они считали неудобнымъ переселиться; говорили, что будутъ хлопотать въ Петербургѣ, ожидали результата просьбы, поданной ими въ Сенатъ и Министру.—Какъ сѣкли крестьянъ въ полицейскомъ управленіи, я не знаю, меня тамъ не было; я слышалъ, что сѣкли нѣкоторыхъ крестьянъ. Я участвовалъ въ сломкѣ крестьянскихъ строеній, постройки больше были кирпичныя; матеріаловъ одного дома не смѣшивали съ матеріалами другаго до-

ма. Фактическаго сопротивленія крестьянъ не было; до возникновенія сего дѣла Телятинскіе крестьяне были хорошіе крестьяне. Новые дома выстроили всѣмъ крестьянамъ, по одному образцу—деревянные, а прежнія ихъ строенія были каменныя.

Свидѣтель, Кузнецкій Волостной Старшина Ѳедоровъ. Телятинскіе крестьяне не переселялись; собрали крестьянъ 12 волостей и стали ломать ихъ дома. При этомъ осенью случился пожаръ: во время переселки сгорѣло 12 дворовъ; пожаръ начался со двора Максима Грачева сзади, съ саду. Крестьянамъ дѣлали въ полицейскомъ управленіи секуцію за неповиновеніе. Антонъ Алимпіевъ ложныхъ слуховъ никакихъ не сообщалъ. Всѣмъ переселяющимся выдавалъ деньги управляющій, но чтобы это вліяло на приговоръ о ссылкѣ на поселеніе трехъ подсудимыхъ, этого я не знаю. Одинъ разъ при мнѣ сѣкли Алимпіева и Павлова. Отъ холоду я неслыхалъ, чтобы кто умеръ. Померъ Евдокимъ—крестьянинъ, но отчего не знаю. По совѣсти долженъ сказать, что вновь отведенная земля будетъ похуже прежней.

Свидѣтель, сельскій староста Максимъ Грачевъ. Крестьяне не повиновались властямъ, они не пошли на переселеніе. Приговоръ о ссылкѣ въ Сибирь Антона Алимпіева, Василія Яковлева и Николая Павлова составляли въ барской конторѣ, въ которой въ это время былъ и мировой посредникъ Заварзинъ (движеніе между присяжными), потомъ оканчивали въ волостномъ правленіи. Послѣ крестьянамъ давала по 35 руб. на переселеніе. Я навѣрное помню, что новыя избы не были готовы, когда ломали прежнія избы крестьянъ. Когда крестьяне поселились въ землянушкахъ, у нихъ избъ на былю. Крестьяне годъ жили въ землянушкахъ. Въ первый разъ съ ихъ домовъ крыши сняли, и не позволяли крыть, а потомъ сломали всѣ строенія. Въ полицейскомъ управленіи всѣхъ крестьянъ сѣкли кро-

мѣ трехъ. Двое крестьянъ умерли послѣ того, но не очень скоро, и отчего—не знаю.

Защитникъ Я. О. Поповъ просилъ присяжныхъ засѣдателей замѣтить, что Грачевъ вызванъ въ свидѣтели обвинительною властью.

Свидѣтель, сельскій староста Василій Гурьевъ. Крестьяне не шли на переселеніе, всѣ смѣшались, находили въ новой данной имъ землѣ неудобства. Послѣ сломки ихъ строеній, крестьяне дѣйствительно жили въ земляпушкахъ. У нихъ при сломкѣ строеній случился пожаръ; загорѣлось вдругъ, сзади. Ломали такъ: крючьями разкачаютъ строеніе, оно и рухнетъ (свидѣтель разводитъ руками). Коли строеніе кирпичное конечно кирпичъ при паденіи расколется. Въ землянкахъ живя, крестьяне приловчились тамъ устроить печи, это они сдѣлали. Когда въ первый разъ ломали крестьянскіе избы,—дома у нихъ не были готовы, это я навѣрное, навѣрное помню.

Управляющій Нечаевъ. Телятинскіе крестьяне сопротивлялись властямъ, но по недоразумѣнію. Теперь они живутъ хорошо, я ни разу въ послѣднее время на нихъ не жаловался. Они прекрасно ведутъ себя. При переселеніи ихъ, власти допустили сломку строеній, ибо крестьяне сопротивлялись. Уполномоченные крестьянъ ходили въ Петербургъ; адвокатъ Спасскій обнадеживалъ крестьянъ, что ихъ не переселятъ. Когда было приступлено къ сломкѣ строеній, крестьянамъ уже было отказано въ жалобѣ ихъ, поданной въ Сенатъ. Новая земля, которую отводили крестьянамъ, не была хуже. Ломали строеніе, кажется, одинъ разъ, нѣкоторые изъ крестьянъ послѣ того жили въ земляпушкахъ, но болѣе по упорству. Самъ я не слышалъ, чтобы Алимпіевъ и Василій Яковлевъ подбивали крестьянъ къ неповиновенію, или сообщали завѣдомо ложныя свѣдѣнія или были зачинщиками. Крестьяне Телятинскіе находятся на издѣльной повинности. Огородныя мѣста, находящіяся подъ прежними поселеніями крестьянъ, ны-

нѣ отдаются мною въ годъ по 25 р. сер. за десятину (ощущеніе между присяжными), такого ли достоинства новая земля, отведенная крестьянамъ, и всѣ ли земли приносятъ по 25 р. сер. въ годъ съ десятины, я опредѣлительно сказать не могу. Я убѣжденъ, что все вышло по недоразумѣнію. Крестьяне Телятинскіе —примѣрные люди.

Свидѣтель Александръ Пименовъ Касательно уголовнаго дѣла крестьянъ я ничего не знаю; я не ихъ половины; жалѣю ихъ по человѣколюбію, что они добровольно подвергли себя суду. Вообще относительно нравственности и поведенія Телятинскихъ крестьянъ замѣчу, что ко мнѣ они всегда были почтительны, ревностны къ церкви, и почтительны къ высшимъ особамъ.

Затѣмъ предъявленъ присяжнымъ засѣдателямъ планъ с. Телятинки, причемъ обнаружено, что усадьба помѣщика находилась среди крестьянскихъ угодій, почему для удобства помѣщика признано необходимымъ переселить крестьянъ къ одной сторонѣ.

По окончаніи судебнаго слѣдствія, было приступлено къ преніямъ сторонъ.

Товарищъ Прокурора (И. Е. Жуковскій) въ пространной обвинительной рѣчи произнесъ: Мм. Гг.! Опредѣленіемъ Московской Судебной Палаты крестьяне с. Телятинки, въ числѣ двадцати человѣкъ, преданы суду по 273 ст. улож. о наказ. Въ статьѣ этой сказано: „если и безъ всякаго явнаго возстанія или сопротивленія властямъ, отъ правительства установленнымъ, нѣсколько человѣкъ согласятся не исполнять какое либо предписаніе сихъ властей, то за сіе подвергаются такому то наказанію“. Чтобы вы могли рѣшить вопросъ, на сколько это обвиненіе касается подсудимыхъ, я долженъ обратиться къ обстоятельствамъ этого дѣла. Судебное слѣдствіе раскрыло передъ вами, что въ 1865 г. въ с. Телятинкѣ происходило разверстаніе угодій крестьянъ; явилась для помѣщика необходимость переселить одну слободу съ одного конца

деревни на другой. Переселеніе крестьянъ, проектированное мировымъ посредникомъ, было утверждено Мировымъ Съѣздомъ, рѣшеніе котораго за необжалованіемъ онаго вошло въ окончательную законную силу. Крестьянамъ было внушено, чтобы они готовились къ переселенію. Переселяли ту именно слободу, представители которой находятся здѣсь на лицо, и сидятъ, на скамьѣ подсудимыхъ! Но крестьяне объявили посреднику и исправнику, что они переситься несогласны и не перейдутъ на новое мѣсто. Такъ шло время, прошелъ и трехлѣтній срокъ, назначенный для переселенія. Въ эти три года мировой посредникъ Заварзинъ, чтобы побудить крестьянъ къ переселенію, прибѣгалъ къ убѣжденіямъ, но убѣжденія его не дѣйствовали, всѣ крестьяне объявили, что не желаютъ переселиться, ибо новая отведенная имъ земля неудобна для поселенія. Между крестьянами выдѣлились нѣсколько крестьянъ болѣе энергическихъ и болѣе развитыхъ, нежели другіе: эти личности увѣряли крестьянъ въ общественныхъ разговорахъ, что можно подать жалобы въ высшія инстанціи. Крестьяне выбрали ходаковъ, которые ходили въ Петербургъ приносить жалобу, но всѣ ихъ хлопоты остались безъ послѣдствій, ибо первоначально крестьянами на обжалованіе рѣшенія Съѣзда Мировыхъ Посредниковъ былъ пропущенъ срокъ. Но тѣмъ не менѣе эти энергическія личности поддерживали въ крестьянахъ увѣренность, что переселеніе можетъ несостояться. Между тѣмъ со стороны мироваго посредника послѣдовало распоряженіе—принять принудительныя мѣры для переселенія крестьянъ. Явился посредникъ. Когда они отвѣчали отказомъ переселиться, то было приступлено къ сломкѣ ихъ строеній. Нынѣ крестьяне, претерпѣвъ различныя лишенія, о которыхъ вѣроятно много будутъ говорить защитники, наконецъ переселились. Въ концѣ концевъ я полагаю, что между подсудимыми не было подстрекателей, въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это законъ. Всѣ подсудимые являются по этому дѣ-

лу одинаково виновными, Василій Яковлевъ, Антонъ Алимпіевъ, Николай Павловъ, должны быть обвинены въ простомъ неповиновеніи властямъ. Всякое общество крестьянъ имѣло и имѣетъ 2—3 крестьянъ болѣе энергическихъ нежели другіе, болѣе другихъ отстаивающихъ его права; судебнымъ слѣдствіемъ нисколько не доказано, чтобы упомянутые три крестьянина сообщили ложные слухи своимъ односельцамъ, съ цѣлію подстрекать ихъ къ неповиновенію.

Въ заключеніе Товарищъ Прокурора энергически поддерживалъ обвиненіе противъ всѣхъ подсудимыхъ въ неповиновеніи законнымъ властямъ. Всякая административная власть, по его мнѣнію, отвѣчаетъ за свои дѣйствія и распоряженія, но мы обязаны повиноваться ея предписаніямъ, совершенно независимо отъ того, справедливы или несправедливы сіи послѣднія.—Крестьяне с. Телятинки несомнѣнно оказали неповиновеніе властямъ. Обязанность повиноваться властямъ есть неизбѣжное, коренное начало благоустройства въ государствѣ, въ противномъ случаѣ возникнутъ безпорядки, а безпорядки порождаютъ общее зло. Товарищъ Прокурора требовалъ отъ присяжныхъ произнесенія обвинительнаго приговора.

Защитникъ (А. Д. Любавскій) произнесъ: гг. присяжные засѣдатели! я являюсь защитникомъ Василія Яковлева, обвиняемаго прокурорскою властью „въ неповиновеніи законнымъ требованіямъ властей, „отъ правительства установленныхъ“. Такъ какъ Товарищъ Прокурора не обвиняетъ Яковлева въ подстрекательствѣ, то вина Яковлева совершенно однозначуща съ виною прочихъ подсудимыхъ, и сообразно съ этимъ и защита моя должна измѣниться: я постараюсь изложить передъ вами всѣ обстоятельства этого дѣла въ такой формѣ и въ такомъ систематическомъ порядкѣ, который представлялъ бы наибольшую возможность вѣрнаго и безпристрастнаго пониманія всѣхъ доводовъ за и противъ.—Крестьянамъ с. Телятинки, Богородицкаго

уѣзда, было объявлено, чтобы они готовились къ переселенію и заранѣе распредѣлили свои усадьбы.— Мировой посредникъ и исправникъ, получивъ донесеніе, что крестьяне на переселеніе согласія не изъявляютъ, отправились въ с. Телятинку, приказали своею властью *разломать* принадлежащія крестьянамъ строенія, *а затѣмъ уже* (*удивительно отчего не ранѣе*), донесли о семъ бывшему начальнику Тульской губерніи; сверхъ того Приставъ 1-го стана послалъ донесеніе, что крестьяне оказали ослушаніе его воспрещенію обработывать прежнія ихъ поля.

Обращаясь къ разсмотрѣнію внутренней стороны изложенныхъ обстоятельствъ, оказывается, что отъ крестьянъ с. Телятинки потребовали, чтобы они переселились на новое мѣсто, чтобы они оставили свои прежнія усадьбы, мѣста гдѣ жили они, ихъ родители, ихъ семейства. По словамъ Карамзина „родина мила сердцу не яснымъ небомъ, не прекраснымъ климатомъ, но „пріятными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества“. Это чувство въ общихъ его чертахъ есть чувство священное, составляетъ нравственный капиталъ народа, и оно то поддержало и спасло Россію въ великія годины испытаній и несчастій, въ 1613 и 1812 годахъ, во время нашествія враговъ иноплеменныхъ.—И такъ всякому человѣку свойственно быть привязаннымъ къ мѣсту своей родины; но въ частности, въ особенности, „чувство привязанности къ извѣстному мѣсту“ бываетъ сильно въ простолюдинѣ. Простолюдинъ самъ обработываетъ свою землю, онъ стоитъ ближе къ природѣ, онъ не живетъ кабинетною и книжною жизнію, ему недоступны общія теоретическія понятія, идеи космополитизма. И отъ этихъ то простолюдиновъ—крестьянъ потребовали, чтобы они оставили свою землю.

Никто болѣе меня не сочувствуетъ Высочайшему указу 19 февраля 1861 года; но на землѣ нѣтъ такого предначертанія, сколь бы геніально и необходи-

мо оно ни было, котораго бы исполненіе для нѣкоторыхъ лицъ не было сопряжено съ извѣстными неудобствами въ переходное время. Подобное неудобство является для тѣхъ лицъ, которыхъ, противъ ихъ желанія, переселяютъ съ одного мѣста на другое. По положенію 19 февраля таковое переселеніе есть крайняя мѣра; это вполнѣ естественно: должно пройдти лѣтъ 10—20 пока крестьяне на новомъ мѣстѣ поправятся. Мм. гг., всѣ равны предъ закономъ! вообразите же, что чувствовалъ бы каждый изъ насъ, если бы насъ заставили сломать наши дома и самимъ выстроить эти дома на новомъ мѣстѣ! Что почувствовали бы жители г. Калуги если бы ихъ переселили въ г. Тулу и на оборотъ? Для Телятинскихъ крестьянъ переселеніе было равносильно совершенному раззоренію: земли на прежнихъ мѣстахъ были лучше, приносили 25 р. въ годъ съ десятины, (отчего между прочимъ контора помѣщика и потребовала переселенія крестьянъ), новая земля, имъ отведенная, была покрыта буграми, буераками, на 60 тяглъ крестьянъ приходилось 200 десятинъ совершенно неудобной земли. Вообще, мм. гг., переселеніе людей массами съ одного мѣста на другое представляетъ для переселяемыхъ огромное неудобство.

Въ данномъ случаѣ со стороны крестьянъ никакого сопротивленія властямъ оказано не было.

Подсудимые по сему дѣлу, бывшіе крѣпостные люди, принадлежатъ къ *крестьянскому* сословію. Они даже не подозрѣвали, что ихъ дѣйствія противозаконны и будутъ подведены подъ статью закона о неповиновеніи властямъ, они только просили дождаться разрѣшенія ихъ жалобы. Крѣпостное право (говоритъ г. Побѣдоносцевъ) развилось въ Россіи подъ вліяніемъ факта, а не юридическаго начала, и было послѣдствіемъ отношеній, въ силу которыхъ землевладѣлецъ могъ установить и расширить власть свою надъ земледѣльцемъ, богатый и сильный надъ бѣдными и слабыми, начальный надъ подвластнымъ. Власть государ-

ства сначала еще не приняла на себя роли *посредника* между сословіями. Съ тогдашней точки зрѣнія владѣніе людьми казалось дѣломъ обыкновеннымъ, обыденнымъ. Впослѣдствіи приписка людей къ землѣ и прикрѣпленіе ихъ получили форму—средства для успѣшнаго взиманія въ пользу государства налоговъ;—въ семъ смыслѣ состоялся при Петрѣ I первый манифестъ о ревизіи.—Ревизія установила связь между человѣкомъ и землею,—связь, м.м. г.г., которая даетъ себя чувствовать по своимъ послѣдствіямъ даже по настоящему дѣлу. Природа не терпитъ пустоты, такъ и наше законодательство не терпѣло людей, неприписанныхъ куда либо. При ревизіи всѣхъ таковыхъ людей приписывали въ крѣпостные; часто неграмотныхъ вписывали въ ревизскія сказки, а они этого не знали. Изъ изложеннаго мною слѣдуетъ, что въ зернѣ крѣпостнаго права лежало вотчинное право на землю, затѣмъ въ XVII ст. земля отходитъ на задній планъ, а на первый планъ становятся души; наконецъ указъ 19 февраля 1861 г. указываетъ тѣ высокія, гуманныя начала, которыхъ и вы, м.м. г.г., не можете, не держаться и которыми мы можемъ гордиться: „относиться одинаково ко всѣмъ русскимъ подданнымъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечомъ на защиту отечества, до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную, до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ“.

Затѣмъ я разсмотрю вопросъ: въ чемъ состоитъ неповиновеніе крестьянъ законнымъ требованіямъ, какія это были законныя требованія? Меня поражаетъ прежде всего тотъ фактъ, что уѣздныя власти приказали разломать принадлежащія крестьянамъ строенія; именно созвали 12 старшинъ съ крестьянами, до 1600 человѣкъ и объявили крестьянамъ, что будутъ ломать ихъ строенія. Ломали ихъ дома крючьями и топорами, попортили строительные матеріалы; сначала сломали 12

дворовъ, затѣмъ и остальные.—Телятинскіе крестьяне порыли себѣ землянушки (ямы въ землѣ) и въ нихъ зимовали, дѣти у нихъ перемерли въ огромномъ количествѣ; люди жили въ „землянушкахъ“—какъ кроты, сурки или медвѣди. Это распоряженіе напоминаетъ мнѣ административныя мѣры, встрѣчающіяся въ „Русской правдѣ“ Ярослава 1050 г.: „отдачу на потокъ или на бой, а имущества на разграбленіе“.—Съ своей стороны я замѣчу, что дома крестьянъ не строятся и не разрушаются какъ карточные домики въ одинъ день (присяжные улыбаются); можно-ли ломать строенія мужика, когда для него не выстроенъ другой уже совершенно готовый домъ? Гдѣ же должны были ночевать крестьяне въ слѣдующую ночь, гдѣ они ночевали въ слѣдующій мѣсяцъ, въ землянушкахъ. Я не прокуроръ, и не мое дѣло возводить обвиненія, но я прибавлю: что меня удивляютъ кротость и смиреніе подсудимыхъ, крестьянъ подлежащихъ вашему сужденію. Существуетъ поговорка: „въ законахъ все спасеніе“, и я бы очень желалъ чтобы мнѣ указали законъ, который говоритъ: „дома крестьянъ подлежатъ сломкѣ въ 24 часа“!—

Чтобы побудить крестьянъ къ переселенію ихъ наказывали розгами. По словамъ г. Побѣдоносцева вообще удары бича, раздающіеся въ народѣ, служатъ лучшимъ доказательствомъ неразвитія общества. По моему убѣжденію тѣлесныя наказанія убиваютъ достоинство человѣка, поражая въ немъ всякое чувство чести, и поддерживаютъ въ немъ неуваженіе къ своей и чужой личности.—Вообще ни одинъ юристъ, ни одинъ судья не сочувствуетъ наказанію розгами въ административномъ порядкѣ, экзекуціи. По закону число ударовъ розогъ опредѣлено съ точностью, при административномъ же сѣченіи сѣкутъ неограниченно, до тѣхъ поръ, пока физическая боль не восторжествуетъ надъ волею человѣка и разумомъ. Вотъ какъ наказали двухъ подсудимыхъ Яковлева и Алимпіева: перваго сѣкли въ

полицейскомъ управленіи, дали розогъ сколько влѣзло, (по выраженію Яковлева), дали отдохнуть, и потомъ опять начали сѣчь; черезъ годъ его опять высѣкли, сѣкли и его сына Прохора, приговаривая: „отъ отца откажись"; Антона Алимпіева также сѣкли два раза, приговаривая: „переселись на новое мѣсто". Сѣкли и другихъ.

Сверхъ того въ то время, когда законныя власти побуждали крестьянъ переселиться, произошло одно необычайное обстолтельство: нѣсколько разъ загорались дома крестьянъ, подлещащіе сломкѣ. Я понимаю, что къ этому предположенію нужно относиться съ осторожностью, но вотъ что произошло: сельскій староста Грачевъ ушелъ со сходки крестьянъ съ братомъ на огородъ, а черезъ нѣсколько секундъ загорѣлся его собственный дворъ. Его дворъ былъ плохой, ничего не стоилъ, закуты (по словамъ крестьянъ) не было. Отъ того сгорѣло десять другихъ дворовъ, это было 7 сентября; послѣ того ровно черезъ недѣлю, на Покровъ, сгорѣло еще три двора.

Юридическая сторона этого дѣла состоитъ въ слѣдующемъ: по статьѣ 273 уложенія, Василій Яковлевъ судится какъ *зачинщикъ* неповиновенія законнымъ требованіямъ властей отъ правительства установленныхъ. Воззрѣнія судебныхъ учрежденій на это дѣло измѣнялись нѣсколько разъ. Сначала Московская Судебная Палата нашла, что въ этомъ дѣлѣ заключается только „ослушаніе законныхъ требованій Мироваго Посредника безъ предварительнаго соглашенія крестьянъ" и что дѣло это подсудно, по 29 ст. уст. о наказ., —Мировому Судьѣ. Но мѣстныя уѣздныя власти (тѣ самыя, которыя ломали дома крестьянъ), на томъ основаніи, что крестьяне обработывали прежнія поля— увеличили размѣры этого дѣла и къ дѣлу примѣнена была Московскою Судебною Палатою ст. 273 уложенія, въ которой сказано: „если *нѣсколько человѣкъ согласятся* не исполнять какое либо предписаніе вла-

стей, то подвергаются такому-то наказанію". По моему убѣжденію, тутъ не было такого соглашенія, и нѣтъ преступленія, предусмотрѣннаго упомянутымъ закономъ. Наконецъ, нынѣ г. Товарищъ Прокурора отказался отъ обвиненія Антона Алимпіева, Василія Яковлева и Николая Павлова въ подстрекательствѣ другихъ крестьянъ, и доказываетъ, что вина всѣхъ подсудимыхъ одинакова: уже эта измѣнчивость, эта шаткость обвиненія, показываютъ что сіе послѣднее можетъ быть уподоблено зданію, построенному на пескѣ, неимѣющему прочнаго фундамента.—Настало судебное слѣдствіе, раскрылась передъ нами истина,—и обвиненіе рушилось.

Сверхъ того вовсе не доказано, чтобы Антонъ Алимпіевъ и Василій Яковлевъ были *зачинщиками*; напротивъ того, общество крестьянъ заочно избрало ихъ, какъ своихъ лучшихъ людей, быть за нихъ ходатаями и уполномоченными, идти въ Петербургъ подавать жалобу. Подвергать отвѣтственности этихъ лицъ за то, что они приняли на себя ходатайство за своихъ односельцевъ, было бы также несправедливо, какъ обвинить адвоката за то, что онъ принялъ на себя защиту подсудимыхъ. Право избирать защитниковъ основано на самыхъ простыхъ началахъ здраваго смысла и справедливости; оно есть не болѣе какъ необходимое и непререкаемое право самообороны. Если мы не дозволимъ крестьянамъ защищать ихъ честь, ихъ свободу, ихъ собственность, когда они могутъ или хотятъ сдѣлать это—тогда мы извратимъ священный законъ природы и справедливости и испортимъ всѣ отношенія общественнаго порядка.

Къ этому я прибавлю, что требовать отъ *неграмотныхъ* крестьянъ въ ихъ дѣйствіяхъ полнаго соблюденія всѣхъ формальностей и законности—невозможно уже потому, что крестьяне и не могутъ знать этихъ формальностей. Знай крестьяне законы—они обжаловали бы въ установленный срокъ дѣйствія Миро-

ваго Посредника и Исправника; но они законовъ не знали, пропустили срокъ, имъ объявили, что рѣшеніе вошло въ законную силу и велѣли переселиться. Но съ другой стороны вспомните, м.м. г.г., что крестьяне не суть безсловесныя животныя, что они люди.

Г.г. присяжные засѣдатели! Въ настоящее время телятинскіе крестьяне уже съ 1867 года, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, переселены на новыя мѣста; никакихъ смутъ, волненій, и безпокойствъ между ними не происходитъ. Дѣло это вовсе не требуетъ излишней строгости: не пугайтесь призракомъ волненія крестьянъ; освобожденіе крестьянъ прошло въ нашемъ отечествѣ мирно, счастливо и служитъ блестящимъ подтвержденіемъ здраваго смысла, спокойствія и политическаго такта русскаго народа! Только посланники иностранныхъ государствъ въ незабвенный день 19 февраля 1861 г. ожидали въ Петербургѣ возмущенія народа, они поѣхали по городу—и увидѣли, что народъ мирно и спокойно прохаживается по улицамъ и наполняетъ церкви.—И такъ государственныя и общественныя соображенія по настоящему дѣлу вовсе не требуютъ обвиненія подсудимыхъ.

Наконецъ по настоящему дѣлу., м.м. г.г., я долженъ сказать страшныя слова: относительно главныхъ подсудимыхъ по настоящему дѣлу вы безсильны: какой бы ни былъ вашъ приговоръ, даже если бы онъ былъ оправдательный, по приговору общества крестьянъ Яковлевъ, Алимпіевъ и Павловъ присуждены къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь, тогда какъ прежде общество крестьянъ выбрало ихъ своими ходатаями для подачи жалобы въ С.-Петербургѣ, какъ своихъ лучшихъ людей. Упомянутые Яковлевъ, Алимпіевъ и Павловъ сидятъ въ тюрьмѣ по распоряженію Губернскаго Правленія; они находились въ тюрьмѣ, ожидая вашего суда, съ 24 декабря 1869 года. Я прошу васъ только не усугубить вашимъ обвинительнымъ приговоромъ страданій этихъ несчастныхъ.

Защитникъ подсудимаго Николая Павлова (А. М. Краевскій) произнесъ: Николай Павловъ и другіе подсудимые обвиняются въ неповиновеніи законнымъ требованіямъ властей. Первый вопросъ, возникающій въ этомъ дѣлѣ, есть тотъ: были ли вполнѣ законны эти требованія? Только при законности этихъ требованій подсудимые могутъ быть обвинены. Впрочемъ къ дѣйствіямъ этихъ властей я буду относиться съ полнымъ уваженіемъ: въ 1865 г., 15 сентября, посредникъ объявилъ крестьянамъ, что они должны готовиться къ переселенію. По закону вновь отведенныя крестьянамъ земли, по качеству, должны соотвѣтствовать прежнимъ землямъ, между тѣмъ этого въ настоящемъ дѣлѣ исполнено не было. Сверхъ того вознагражденіе за прежнія земли по закону должно быть опредѣлено третейскимъ судомъ, вопреки сего закона третейскаго суда назначено не было. Крестьяне принесли жалобу на постановленіе по сему предмету Съѣзда Мировыхъ Посредниковъ—вдругъ получаютъ они предписаніе Мироваго Посредника—въ теченіи недѣли переселиться на новыя мѣста. Это требованіе было физически невыполнимо. Крестьяне заявили, что они не могутъ исполнить сего рѣшенія. 3 августа прибылъ Мировой Посредникъ и распорядился сломать крыши крестьянскихъ жилищъ; остались однѣ стѣны; случившійся вслѣдъ затѣмъ пожаръ довершилъ раззореніе крестьянъ. Николай Павловъ очутился безъ жилища; холодъ, дождь, не имѣніе крова для своего ребенка и семейства побудили его починить крышу; нравственныя соображенія стали выше закона. Сломка строеній крестьянъ не только противна была нравственному чувству, но и не согласовалась съ ст. 85 мѣстнаго Полож. о крест., въ которой прямо постановлено, что власти, установившія переселеніе крестьянъ, принимаютъ мѣры, чтобы крестьяне не оставались безъ жилищъ (ощущеніе). Въ это же время потребовали отъ крестьянъ исполненія издѣльной повинности, имъ было объяснено, что въ про-

тивномъ случаѣ будутъ проданы ихъ обгорѣлыя и разоренныя жилища съ публичнаго торга. Между тѣмъ нашъ крестьянинъ такъ привыкъ подчиняться властямъ, что Николай Павловъ не оказалъ сопротивленія сему распоряженію. Горе, смерть ребенка,—все это не помѣшало ему съ покорностью исполнять барскую повинность. Гдѣ дѣло шло о его трудѣ—Николай Павловъ не отказался отъ исполненія своихъ обязанностей. По закону во время обязательнаго переселенія крестьянъ (и въ такомъ именно положеніи находились Телятинскіе крестьяне) имъ дается 3-хъ мѣсячная льгота отъ барщины, и этого правила не было соблюдено въ отношеніи подсудимыхъ. Наконецъ я коснусь вопроса о срокѣ, можно ли было приводить въ исполненіе рѣшеніе о переселеніи крестьянъ. Крестьяне жаловались Министру Внутреннихъ Дѣлъ, имъ было объявлено, что они должны жаловаться въ Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и въ Сенатъ. Изъ представляемой мной нынѣ справки, (читаетъ) оказывается, что рѣшеніе Съѣзда Посредниковъ приводилось въ исполненіе 3 и 7 августа 1867 года, между тѣмъ указъ Сената въ разрѣшеніе жалобы крестьянъ послѣдовалъ лишь 21 октября, а объявленъ крестьянамъ 8 ноября сего же года. Тульское Губернское по Крестьянскимъ Дѣламъ Присутствіе долго не принимало понудительныхъ мѣръ, оно предписывало Посреднику пытаться уладить дѣло мирнымъ образомъ. Между тѣмъ уѣздныя власти, (Посредникъ и Исправникъ) сами собой еще за долго то этого приняли самыя рѣшительныя мѣры. Вмѣсто постепеннаго перенесенія избъ крестьянъ въ теченіи 3-хъ мѣсячнаго срока, даваемаго закономъ на переселеніе, всѣ избы крестьянъ были сломаны; 3-хъ мѣсячный срокъ истекалъ только 15 сентября 1868, но уже до сего времени дома крестьянъ были разрушены. И такъ уѣздныя власти предъявили свои требованія крестьянамъ слишкомъ рано. Оканчивая мою рѣчь гг. присяжные засѣдатели, я прошу

васъ припомнить, что во всякомъ случаѣ защищаемый мною Николай Павловъ долженъ быть сосланъ въ Сибирь въ порядкѣ административномъ, я прошу васъ не усугубить его отвѣтственности, постановить оправдывающій приговоръ.

Защитникъ Антона Алимпіева (П. П. Зуровъ) произнесъ: гг. присяжные засѣдатели! Вы выслушали по сему дѣлу три рѣчи: рѣчь г. Любавскаго вѣроятно запала въ ваше сердце, и возбудило ваше состраданіе, ваше сочуствіе къ подсудимымъ; рѣчь г. Краевскаго указала вамъ на неправильность дѣйствія властей уѣздныхъ. Я прошу васъ произнесть оправдательный приговоръ относительно Антона Алимпіева. На судебномъ слѣдствіи я разъяснилъ, что Антонъ Алимпіевъ вовсе не подстрекалъ крестьянъ къ сопротивленію, не вовлекалъ ихъ въ обманъ сообщеніемъ ложныхъ свѣдѣній—слѣдовательно это обвиненіе какъ само по себѣ, такъ и по отказу Товарища Прокурора поддерживать оное—упадаетъ. За тѣмъ въ отношеніи Антона Алимпіева, какъ и въ отношеніи другихъ подсудимыхъ—долженъ быть произнесенъ оправдывающій приговоръ. Г. Краевскій въ своей рѣчи чрезвычайно ясно, логично и точно доказалъ, что просьба крестьянъ—пріостановиться ихъ переселеніемъ,—имѣла свою долю основательности, что приговоръ о семъ крестьянскихъ учрежденій не вошелъ въ окончательную законную силу. Настоящее дѣло имѣло послѣдствіемъ наказаніе крестьянъ въ экономическомъ отношеніи, раззореніе крестьянъ, и многіе изъ крестьянъ имѣвшіе прежде каменные дома, стоившіе сотни руб., теперь живутъ въ лачужкахъ, многіе прежде богатые крестьяне теперь ходятъ въ рубищѣ, въ дырявомъ платьѣ, какъ могутъ усмотрѣть гг. присяжные, взглянувъ на подсудимыхъ. Защитникъ окончилъ свою рѣчь словами: вы не усугубите вашимъ обвинительнымъ приговоромъ несчастіе тѣхъ, которые и безъ того находятся въ несчастіи.

Защитникъ остальныхъ подсудимыхъ (Я. О. Поповъ) произнесъ: Гг. присяжные! Я рѣшительно рискую утомлять ваше вниманіе, продолжая по примѣру моихъ товарищей по защитѣ подробно разсматривать каждое изъ обстоятельствъ этого дѣла. Рѣчи предшествовавшія уже разъяснили намъ вполнѣ всѣ факты этого многознаменательнаго процесса: всѣ подсудимые, я увѣренъ, будутъ вами оправданы; для нихъ достаточнымъ несчастіемъ служитъ уже и то, что они своими руками скрѣпили приговоръ о ссылкѣ въ Сибирь трехъ ихъ односельцевъ, которыхъ они прежде въ своемъ приговорѣ признали своими лучшими и благонадежнѣйшими людьми.

Подсудимые въ свое оправданіе ничего прибавить не пожелали.

Присяжнымъ засѣдателямъ были предложены для разрѣшенія слѣдующіе вопросы: 1) совершилось ли событіе, заключающееся въ томъ, что крестьяне сельца Телятинки, Богородицкаго уѣзда, въ числѣ 20 человѣкъ, по общему между собою согласію, отказались исполнять требованія Мироваго Посредника, отъ 26 іюля 1867 года, о переселеніи на новое мѣсто, согласно разверстанію угодій по сельцу Телятинки, утвержденному Съѣздомъ Мировыхъ Посредниковъ, не смотря на многократныя вразумленія и разобраніе ихъ прежнихъ построекъ, а также вторичнаго требованія, 29 августа 1869 г., Пристава 1 стана Богородицкаго уѣзда, не обрабатывать прежнія ихъ поля?—Если событіе означенное въ 1-мъ вопросѣ совершилось, то виновны ли въ ономъ подсудимые крестьяне сельца Телятинки: 2) Семенъ Прохоровъ 65 лѣтъ, 3) Семенъ Семеновъ 40 л., 4) Афанасій Дмитріевъ 27 л., 5) Петръ Евстигнѣевъ 38 л., 6) Алексѣй Васильевъ 30 л., 7) Иванъ Артемьевъ 50 л., 8) Николай Павловъ 50 л., 9) Петръ Дмитріевъ 52 л., 10) Федоръ Леоновъ 47 л., 11) Андрей Алексѣевъ 60 л., 12) Степанъ Андреевъ 35 л., 13) Антонъ Ильинъ 50 л.,

14) Борисъ Федоровъ 50 л., 15) Абрамъ Сергѣевъ 61 г., 16) Никифоръ Петровъ 50 л., 17) Тимофѣй Петровъ 46 л., 18) Егоръ Лукьяновъ 50 л., 19) Василій Павловъ 47 л. 20) Если Василій Павловъ виновенъ, то былъ ли онъ лицомъ возбуждающимъ и подговаривавшимъ вышеозначенныхъ крестьянъ къ совершенію поступка означеннаго въ 1-мъ вопросѣ? 22) Если онъ виновенъ, то виновенъ ли также и въ поступкѣ, изложенномъ въ 20 вопросѣ, т. е, въ возбужденіи и подговорѣ вышеозначенныхъ крестьянъ къ неповиновенію распоряженіямъ власти? 23) Виновенъ ли въ дѣяніи опредѣленномъ въ 1-мъ вопросѣ крестьянинъ Василій Яковлевъ 51 г.? 24) Если виновенъ, то виновенъ ли онъ также и въ дѣяніи, поименованномъ въ вопросѣ 20? 25) Если событіе, означенное въ 1-мъ вопросѣ не совершилось, то виновенъ ли подсудимый крестьянинъ Василій Павловъ лишь въ томъ, что онъ отказался исполнять требованіе законное Мироваго Посредника о переселеніи на другое мѣсто, согласно разверстанію угодій утвержденному Съѣздомъ Мировыхъ Посредниковъ? Виновны ли въ томъ же самомъ преступленіи подсудимые крестьяне: 26) Антонъ Алимпіевъ, 27) Василій Яковлевъ, 28) Семенъ Прохоровъ, 29) Семенъ Семеновъ, 30) Афанасій Дмитріевч., 31) Петръ Евстигнѣевъ, 32) Алексѣй Васильевъ, 33) Иванъ Артемьевъ, 34) Николай Павловъ, 35) Петръ Дмитріевъ, 36) Федоръ Леоновъ, 37) Андрей Алексѣевъ, 38) Степанъ Андреевъ, 39) Антонъ Ивановъ, 40) Борисъ Федоровъ, 41) Абрамъ Сергѣевъ, 42) Никифоръ Петровъ, 43) Тимофѣй Петровъ, 44) Егоръ Лукьяновъ, 45) Василій Павловъ?

По подписаніи Судьями вопроснаго листа, Предсѣдатель, между прочимъ, сдѣлавъ оцѣнку доказательствъ за и противъ подсудимыхъ и возстановивъ неправильно изложенныя обстоятельства сторонами, объяснилъ присяжнымъ, какъ они должны понимать преступленіе, опредѣленное 273 ст. Улож. и 29 ст. Уст. Мир.,

познакомилъ ихъ съ мѣстнымъ положеніемъ о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной повинности, а также о срокахъ переселенія, добавивъ, что по настоящему дѣлу срокъ для переселенія наступилъ вслѣдъ за вступленіемъ постановленія Съѣзда Мировыхъ Посредниковъ въ законную силу, какъ это опредѣлено въ самомъ постановленіи, а потому 3-хъ мѣсячный срокъ, о которомъ упоминалъ одинъ изъ гг. защитниковъ, не имѣетъ мѣста. Наконецъ, поставивъ на видъ значеніе института присяжныхъ вообще, основанія по которымъ слѣдуетъ отвѣчать виновенъ или не виновенъ, Предсѣдатель сказалъ: вы должны всегда помнить, что нравственное значеніе вашего приговора зависитъ отъ его справедливости, вашъ приговоръ прежде всего долженъ быть справедливъ, а затѣмъ милостивъ, и милостивъ только въ смыслѣ снисхожденія, если вы признаете подсудимыхъ заслуживающими того.

Послѣ полутора часоваго совѣщанія присяжные засѣдатели отвѣчали: на первый вопросъ: „да, событіе совершилось“, на слѣдующіе вопросы до 23 включительно, „нѣтъ не виноватъ“, а прочіе вопросы оставлены безъ отвѣта.

Тульскій Окружной Судъ, выслушавъ дѣло о крестьянахъ с. Телятинки: Василіѣ Павловѣ, Антонѣ Алимпіевѣ, Василіѣ Яковлевѣ, Семенѣ Прохоровѣ, Семенѣ Семеновѣ, Афанасіѣ Дмитріевѣ, Петрѣ Евстигнѣевѣ, Алексѣѣ Васильевѣ, Иванѣ Артемьевѣ, Николаѣ Павловѣ, Петрѣ Дмитріевѣ, Федорѣ Леоновѣ, Андреѣ Алексѣевѣ, Степанѣ Андреевѣ, Антонѣ Ильинѣ, Борисѣ Федоровѣ, Абрамѣ Сергѣевѣ, Никифорѣ Петровѣ, Тимофеѣ Петровѣ и Егорѣ Лукъяновѣ, обвиняемыхъ первые трое, какъ зачинщики, а остальные какъ сообщники неповиновенія законнымъ требованіямъ властей, отъ Правительства установленныхъ,—опредѣлилъ: всѣхъ вышеозначенныхъ крестьянъ, на основ. 1 п. 771 ст.

Уст.. Угол. Суд., считать по суду оправданными, судебныя по сему дѣлу издержки отнести на счетъ казны.

III.

Дѣло о Губернскомъ Секретарѣ Алексѣѣ Протопоповѣ, сужденномъ за кражу шапки.

(Засѣданіе Тульскаго Окружнаго Суда, въ г. Бѣлевѣ, 14 мая 1871 г. Предсѣдательствовалъ: Товарищъ Предсѣдателя П. А. Васильевъ, члены: членъ суда П. И. Курносовъ и Почетный Мировой Судья А. С Пересвѣтовъ; обвинялъ Товарищъ Прокурора В. А. Соколовъ, защищалъ А. Д. Любавскій).

Обвинительный актъ по сему дѣлу состоялъ въ слѣдующемъ: (*)

„Отставной Губернскій Секретарь Алексѣй Ивановъ Протопоповъ, похитивъ 4 февраля 1869 г. изъ прихожей комнаты Бѣлевской Городской Думы шапку, принадлежащую писцу 2 разряда Громову, продалъ ее въ тотъ же день въ г. Бѣлевѣ крестьянину Пимену Ширину за 50 коп. сер.

„Хотя Протопоповъ въ кражѣ не сознался, объяснивъ, что ничего не помнитъ, но изобличается въ томъ показаніями: сторожа Думы Щербакова, писца Громова, канцелярскаго служителя Кондратьева, (которые показали, что Протопоповъ 4 февраля входилъ въ прихо-

---

(*) Подсудимый небольшаго роста, имѣетъ 36 лѣтъ отъ роду, но совершенно посѣдѣлъ во время пребыванія въ тюрьмѣ. Волосы на его головѣ сдѣлались сѣдыми. Одѣтъ онъ бѣдно, лицо его истомленное и блѣдное; онъ выражается правильно и толково; видно что онъ получилъ довольно хорошее образованіе.

жую Городской Думы, и затѣмъ когда онъ вышелъ, то шапка Громова оказалась похищенною) и крестьянъ— Ширина, Малютина и солдатскаго сына Степанова, подтвердившихъ обстоятельство продажи Протопоповымъ шапки Громова крестьянину Ширину.

„На основаніи вышеизложеннаго, отставной Губернскій Секретарь Протопоповъ обвиняется въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 1656 ст. уложенія о нак. и 169 ст. уст. о наказ. нал. мир. суд., и подлежитъ, согласно 201 ст. уст. угол. суд., суду, Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей".

На вопросъ, „признаетъ ли онъ себя виновнымъ", подсудимый Протопоповъ отвѣчалъ: шапку я взялъ и продалъ ее за 50 коп. сер., но при такихъ обстоятельствахъ, что я не считаю себя преступнымъ. Я шелъ изъ г. Воронежа въ г. Козельскъ (Калужской губ.) къ своей матушкѣ, на пятой или шестой недѣли великаго поста. Я пришелъ на постоялый дворъ въ пяти верстахъ отъ г. Бѣлева. Утромъ я всталъ рано, и подошелъ къ рѣкѣ, къ перевозу. Въ это время шелъ ледоходъ, не скоро перевозили и я два часа ждалъ у рѣки: на мнѣ было ватное пальто, и я перезябъ. Чувствуя необходимость согрѣться, я вошелъ въ харчевню и выпилъ тамъ водки, стаканъ два— три. За тѣмъ я вошелъ въ городъ Бѣлевъ. Тутъ я въ кабакѣ еще выпилъ и мнѣ хотѣлось спать. Соснувши, я проснулся въ кабакѣ и увидѣлъ, что во время сна съ меня сняли мое пальто, и что у меня нѣтъ аттестата. Съ горя я еще выпилъ, и почувствовалъ себя больнымъ. У меня родилась мысль пойдти въ Полицію. Я пошелъ въ Полицію или Думу, тутъ не помня себя, мгновенно, подъ вліяніемъ какой то болѣзненной идеи, схватилъ шапку и бросился вонъ. Меня арестовали, и съ 6 февраля 1869 года я сижу въ тюрьмѣ. У меня въ Воронежѣ жена и двое дѣтей, одному сыну 14 лѣтъ и другому 3 года. Я и въ прежнее время страдалъ бѣлой горячкой. Съ деньгами, ко-

торыя я взялъ за шапку (45 или 50 коп. сер.) я былъ арестованъ. Деньги эти отъ меня отобраны.

Товарищъ Прокурора нашелъ нужнымъ приступить къ судебному слѣдствію.

Затѣмъ былъ произведенъ допросъ свидѣтелей, которые показали:

Чиновникъ Иванъ Громовъ (лицо потерпѣвшее). Часу въ 9-мъ зашелъ я въ Думу, сидѣлъ тамъ часъ за работой. Хочу идти, ищу шапки—шапки нѣтъ. Припомнили, что въ прихожей Думы сидѣлъ неизвѣстный мужчина, бывшій немного выпивши, но онъ ушелъ. На него пало подозрѣніе, мы его искать, нигдѣ его нѣтъ. Черезъ четверть часа пришелъ канцелярскій служитель Кондратьевъ и говоритъ: неизвѣстный человѣкъ, который былъ здѣсь, теперь находится въ кабакѣ. Мы пошли въ кабакъ и нашли тамъ Протопопова. Послѣдній на наши вопросы отвѣтилъ, что шапки онъ не бралъ, но хозяинъ заведенія, услыша нашъ разговоръ, объяснилъ намъ, что при немъ Протопоповъ продалъ шапку трепачамъ. Когда мы распрашивали Протопопова, онъ сказалъ намъ, что пришелъ проситься въ больницу.

Чиновникъ Илья Кондратьевъ. Въ февралѣ, будучи въ Думѣ, я замѣтилъ, что въ прихожей сидитъ неизвѣстная личность. Человѣкъ этотъ посидѣлъ, и ушелъ, я видѣлъ это черезъ растворенную дверь. Послѣ этого Громовъ сталъ искать шапки—ея не нашли. Я отправился въ „бѣлую харчевню“ для свиданія съ знакомыми, и увидѣлъ тамъ упомянутую, бывшую въ Думѣ, неизвѣстную личность, которая оказалась Протопоповымъ. По моимъ указаніямъ Протопопова и задержали. (Отвѣчая на вопросы защитника). Въ то время когда я видѣлъ Протопопова въ Думѣ и въ кабакѣ, въ наружности его было что-то болѣзненное, я въ то время хорошо разсмотрѣлъ его наружность. Теперь онъ перемѣнился (смотритъ на подсудимаго) у него теперь противу прежняго совершенно посѣдѣли волосы.

Защитникъ. Я прошу гг. присяжныхъ засѣдателей

обратить вниманіе на тотъ ужасающій фактъ, что Протопоповъ посѣдѣлъ въ тюрьмѣ, имѣя всего 36 лѣтъ отъ роду. Какія же онъ долженъ былъ перенесть мученія! (Сильное ощущеніе между присяжными).

Сторожъ Несторъ Щербаковъ. Меня послали въ Думу, вижу въ передней вотъ онъ (указываетъ пальцемъ на Протопопова) сидитъ на сундукѣ. Потомъ онъ ушелъ; шапки Громова не нашли. Мы взяли Протопопова въ кабакѣ и призвали въ Думу, его арестовали.

Прочтено показаніе крестьянина Пимена Ширина. Я шелъ въ г. Бѣлевѣ, по Козельской улицѣ, когда подошелъ ко мнѣ неизвѣстный человѣкъ и сталъ продавать шапку. Я купилъ эту шапку за 50 коп. сер. Мы зашли для расплаты въ кабакъ, тутъ я размѣнялъ деньги, отдалъ ему 50 коп. затѣмъ пришелъ писарь Громовъ и сказавъ мнѣ, что у него украли шапку, шапку отобралъ отъ меня.

Защитникъ. Я прошу гг. присяжныхъ замѣтить, что г. Громовъ не потерпѣлъ никакого убытка по этому дѣлу и что ему возвращена въ цѣлости его шапка (присяжные улыбаются).

Изъ формуляра Протопопова оказалось, что онъ 17 лѣтъ состоялъ на государственной службѣ, служилъ въ разныхъ губерніяхъ, въ штрафахъ, подъ слѣдствіемъ и судомъ не былъ.

Прочтенъ актъ свидѣтельствованія Протопопова въ отношеніи его умственныхъ способностей въ особомъ присутствіи Тульскаго Окружнаго Суда, отъ 5 мая 1870 г. Заключеніе этого акта состоитъ въ томъ „что нынѣ „по психическому состоянію Протопопова судить о со- „стояніи умственныхъ способностей, во время совершe- „нія имъ преступленія, невозможно“.

Защитникъ. Прошу гг. присяжныхъ засѣдателей замѣтить, что по этому дѣлу Протопоповъ былъ освидѣтельствованъ въ умственныхъ способностяхъ черезъ годъ послѣ похищенія имъ шапки, когда уже онъ могъ придти въ нормальное состояніе.

Товарищъ Прокурора (В. А. Соколовъ) произнесъ: гг. присяжные засѣдатели! Какъ въ настоящемъ, такъ и во всякомъ другомъ уголовномъ дѣлѣ, возникаютъ три вопроса, подлежащіе вашему обсужденію: 1) произошелъ ли извѣстный преступный фактъ? 2) кто сосовершилъ оный? и 3) можно ли вмѣнить фактъ (поставить въ вину) лицу, его совершившему? Въ настоящемъ дѣлѣ первые два вопроса разрѣшаются безспорно: похищена шапка Громова, это похищеніе произведено Протопоповымъ

Единственный вопросъ (о которомъ будутъ происходить судебныя пренія по настоящему дѣлу), состоитъ въ томъ: можетъ ли быть вмѣнено въ вину Протопопову похищеніе имъ шапки? Я разрѣшаю утвердительно этотъ вопросъ. Протопоповъ объяснилъ, что онъ совершилъ кражу будто бы безсознательно. Но послѣднее опровергается всѣми обстоятельствами дѣла. Протопоповъ былъ свидѣтельствованъ въ отношеніи его умственныхъ способностей Тульскимъ Окружнымъ Судомъ и было признано, что нѣтъ данныхъ, доказывающихъ его безсознательное состояніе при совершеніи кражи. И такъ, все основано на одномъ голословномъ показаніи самого Протопопова, интересы котораго требуютъ, чтобы онъ былъ признанъ дѣйствовавшимъ безсознательно. Самыя обстоятельства, сопровождавшія кражу, нисколько не доказываютъ, чтобы Протопоповъ дѣйствовалъ нелогично, непослѣдовательно; придя въ Думу, онъ не сейчасъ схватилъ шапку, (что возбудило бы подозрѣніе), онъ посидѣлъ не много, и когда увидѣлъ, что на него не устремлено вниманіе, выбравъ удобную минуту, онъ незамѣтно скрылся съ шапкой. Онъ не бросилъ шапки на улицу, онъ не поступилъ какъ человѣкъ страждущій бѣлой горячкой: онъ сталъ продавать украденную шапку, онъ получилъ деньги, онъ выразилъ намѣреніе, цѣль: воспользоваться плодомъ похищеннаго. Продажу Протопоповъ совершилъ весьма ловко: онъ продалъ шапку на дорогѣ, безъ свидѣтелей, и

только тому случаю, что у покупщика не было мелкихъ денегъ, обязаны мы тѣмъ, что они для размѣна денегъ пошли въ кабакъ и попались. И такъ безсознательное состояніе Протопопова при совершеніи кражи опровергается всѣми фактами, раскрытыми передъ нами. Два обстоятельства въ этомъ дѣлѣ, по видимому, говорятъ въ пользу подсудимаго: малоцѣнность похищеннаго предмета и долгое состояніе Протопопова подъ стражею. Но малоцѣнность не имѣетъ значенія, ибо въ преступленіи кражи важна не цѣнность предмета, а преступность воли; долгое нахожденіе Протопопова подъ стражею можетъ имѣть вліяніе только на признаніе его нами заслуживающимъ снисхожденія. И такъ обстоятельства дѣла уличаютъ Протопопова въ кражѣ и на основаніи ихъ намъ слѣдуетъ постановить обвинительный приговоръ.

Защитникъ (А. Д. Любавскій) возразилъ слѣдующее: „Мм. гг.! Прокурорская власть обвиняетъ губернскаго секретаря Алексѣя Протопопова въ кражѣ шапки, цѣною въ 50 коп. сер. Ожидая вашего рѣшенія, Протопоповъ съ 6 февраля 1869 года, то есть въ теченіи двухъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ, и по настоящее время находился въ тюрьмѣ; онъ въ теченіи 810 дней испыталъ всѣ ужасы тюремнаго заключенія!

Уже изъ этого вы можете усмотрѣть, что настоящее дѣло выходитъ изъ ряда другихъ: въ немъ представляется много такого, что затрогиваетъ наше сердце, нашу совѣсть, что возбуждаетъ наше состраданіе къ подсудимому.

Губернскій Секретарь Протопоповъ, въ томъ убѣжденіи, что откровенное передъ вами изложеніе всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ его проступокъ, нежеланіе черезъ запирательство усложнить это дѣло, есть лучшее средство тронуть ваше сердце,—учинилъ чистосердечное сознаніе.

Мой долгъ, какъ защитника, (но защитника, для котораго истина безъ прикрасъ стоитъ на первомъ планѣ)

воспрещаетъ мнѣ оспаривать то, что не подлежитъ сомнѣнію. Протопоповъ сознается, что путешествуя и проходя изъ г. Воронежа въ г. Козельскъ, гдѣ находится его семейство, очутился въ г. Бѣлевѣ. На пути онъ былъ болѣнъ въ Ефремовѣ и пролежалъ въ больницѣ. Въ Бѣлевѣ Протопоповъ ожидаетъ, во время ледохода черезъ рѣку Оку, перевоза въ теченіи двухъ часовъ; Протопоповъ шелъ по недостаточности средствъ, зимою (въ февралѣ) пѣшкомъ, на немъ было ватное пальто; онъ сильно продрогъ, озябъ и почувствовалъ необходимость согрѣться. Для этого онъ выпилъ водки въ одномъ кабакѣ, потомъ въ другомъ, наконецъ дошелъ до болѣзненнаго состоянія, въ которомъ прежде часто находился, до бѣлой горячки; онъ пошелъ въ Думу, и унесъ шапку при тѣхъ обстолтельствахъ, о которыхъ вы уже слышали.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что совершая кражу, Протопоповъ былъ въ состояніи бѣлой горячки (delirium tremens). Продолжительное употребленіе горячихъ напитковъ производитъ постоянно вредныя послѣдствія для души и тѣла человѣка. Мерещеніе, обманы чувствъ происходятъ отъ измѣненія чувственной жизни, отъ расширенія кровоносныхъ сосудовъ мозга. Больному бѣлой горячкой слышится звонъ и шумъ, человѣческіе голоса, онъ видитъ привидѣнія и собственный призракъ, ему кажется, что по немъ бѣгаютъ животныя и проч., человѣкъ страждетъ томительной безсонницей въ его душѣ происходитъ разстройство, представленія становятся шатки, игра воображенія дика и запутана. Припадки этой горячки появляются внезапно, и внезапно исчезаютъ, но было бы ошибочно думать, что во время ихъ человѣкъ совершенно лишается всякаго сознанія: только воля его дѣлается слаба и онъ можетъ въ это время полусознательно совершить такое дѣяніе, отъ котораго въ другае время онъ бы съ ужасомъ отвернулся.

Что эти соображенія относительно Протопопова не

суть плодъ моей фантазіи, доказывается тѣмъ, что фактъ похищенія Протопоповымъ (чиновникомъ), шапки въ 50 коп., даже Тульскимъ Окружнымъ Судомъ былъ признанъ за ненормальный, и Протопоповъ былъ свидѣтельствованъ въ семъ Судѣ въ состояніи его умственныхъ способностей. Эксперты врачи, производившіе это освидѣтельствованіе черезъ годъ послѣ кражи, нашли, что нынѣ по психическому состоянію Протопопова судить о состояніи его умственныхъ способностей во время совершенія преступленія,—невозможно". Но врачи и не отвергли возможности того, чтобы Протопоповъ, годъ тому назадъ, совершая кражу, находился въ ненормальномъ состояніи.

Въ пользу Протопопова говоритъ его предшествовавшая жизнь: онъ сынъ чиновника, онъ Губернскій Секретарь, въ теченіи 17 лѣтъ онъ состоялъ на государственной службѣ, не былъ подъ слѣдствіемъ и судомъ.

Затѣмъ невозможно предположить, чтобы чиновникъ, безупречно прослужившій 17 лѣтъ, могъ въ нормальномъ состояніи украсть шапку въ 50 коп. сер.

Г. Товарищъ Прокурора доказывалъ намъ, что цѣнность похищеннаго не имѣетъ никакого значенія; но если принять эту теорію, то и взятіе безъ спросу стальнаго пера или полулиста бумаги было бы кражею, что противно практическимъ понятіямъ жизни.

По настоящему дѣлу, мм. гг., оканчивая мою защиту и вручая вамъ судьбу подсудимаго, я приведу одно соображеніе: передъ тѣмъ фактомъ, что за кражу шапки въ 50 коп. чиновникъ, (прежде небывшій подъ судомъ) просидѣлъ въ тюрьмѣ, ожидая вашего рѣшенія 810 дней и ночей, во мнѣ исчезаетъ всякое соображеніе о томъ, чтобы вы могли за столь ничтожный проступокъ, еще совершенный въ состояніи бѣлой горячки, обвинить Протопопова, подвергнуть его новымъ мученіямъ. Наказаніе есть зло или страданіе, которое терпитъ преступникъ за совершенное имъ злодѣ-

яніе. Проступокъ Протопопова столь ничтоженъ, а послѣдствія для Протопопова, (у котораго во время пребыванія въ тюрьмѣ посѣдѣли волосы) столь ужасны, что я вижу въ Протопоповѣ не преступника, а жертву; человѣколюбіе беретъ во мнѣ верхъ предъ другими соображеніями, и я увѣренъ, что вашъ приговоръ не усугубитъ страданій Протопопова, возвратитъ ему свободу. (Сильное ощущеніе между присяжными).

Послѣ того Товарищъ Прокурора и защитникъ подсудимаго еще разъ обмѣнялись возраженіями.

Присяжнымъ засѣдателямъ Судомъ предложены были для разрѣшенія слѣдующіе вопросы: 1) виновенъ ли подсудимый, отставной Губернскій Секретарь Алексѣй Ивановъ Протопоповъ, 36 лѣтъ, въ томъ, что онъ въ г. Бѣлевѣ, 4 февраля 1869 года, въ зданіи Городской Думы тайно похитилъ шапку, принадлежащую писцу 2 разряда Громову? 2) Если подсудимый виновенъ въ означенномъ преступленіи, то цѣна похищенной шапки превышаетъ ли 50 коп.?

На первый вопросъ присяжные засѣдатели отвѣчали: „нѣтъ, не виновенъ“, а второй вопросъ оставленъ ими безъ отвѣта.

Тульскій Окружный Судъ опредѣлилъ: подсудимаго отставнаго Губернскаго Секретаря Алексѣя Ивановича Протопопова (36 л.), по 1 п. 771 ст. уст. уг. суд., считать по суду оправданнымъ; 2) судебныя по сему дѣлу издержки возложить на счетъ казны. (*)

(*) По закрытіи засѣданія, лицами, находящимися въ Судѣ и гг. присяжными засѣдателями, сдѣлана подписка въ пользу Протопопова, чтобы дать ему средства возвратиться на родину, ему собрано 15 руб. 90 коп. Когда старшиною былъ объявленъ оправдывающій приговоръ присяжныхъ засѣдателей, подсудимый отъ радости заплакалъ.

IV.

Дѣло о дворянинѣ Василіѣ Егоровичѣ Астрецовѣ, обвиняемомъ въ кражѣ.

(Засѣданіе Тульскаго Окружнаго Суда, отъ 21 сентября 1871 года, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Предсѣдатель: членъ Суда И. А. Тѣсинскій, члены: А. В. Мясновъ и П. И. Куриосовъ, обвинялъ Товарищъ Прокурора И. Е. Жуковскій, защищалъ А. Д. Любавскій). (*)

Обвинительный актъ, измѣненный Судебною Палатою, состоялъ въ слѣдующемъ:

„Утромъ 15 декабря 1870 г. въ дер. Харинѣ, Тульскаго уѣзда, дворянинъ Егоръ Афанасьевъ Безпятовъ вмѣстѣ съ работниками, при усадьбѣ г-жи Раевской, крестьянами Гуріемъ Федоровымъ Ѳоминымъ, Федоромъ Егоровымъ Щабловымъ и Марѣемъ Петровымъ Беребневымъ замѣтили, что изъ запертой риги украдено около 3 мѣръ овсяныхъ озатковъ стоющихъ 45 коп.

„При осмотрѣ риги оказалось, что похищеніе было совершенно чрезъ существовавшее еще прежде отверстіе, въ соломенной крышѣ, заткнутое потомъ пучкомъ соломы. Отъ этого отверстія видѣнъ былъ слѣдъ валеныхъ сапогъ къ дорогѣ, гдѣ на недавно выпавшемъ снѣгѣ остался слѣдъ саней и некованой лошади, который привелъ Безпятова и Ѳомина въ село Щенилова къ дому дворянина Василія Астрецова. У него на дворѣ они нашли тогда некованую лошадь

(*) Наружность подсудимаго обращаетъ на себя вниманіе: онъ бѣлокуръ, съ добрыми, умными глазами, очень моложавъ, носитъ обстриженную короткую бѣлокурую бороду и усы, одѣтъ въ тулупъ (разорванный на правомъ плечѣ и висящій лохмотьями) и высокіе мужицкіе сапоги. По наружному виду Астрецовъ ничѣмъ не отличается отъ мужиковъ, говоритъ наивно и простодушно.

въ хомутѣ, она ѣла овсяные озатки сходные съ украденными, а форма валеныхъ сапогъ Астрецова совпала со слѣдомъ оставленнымъ у риги.

„Дворянинъ Василій Астрецовъ, утверждая принадлежность ему найденныхъ озатковъ, показалъ, что ночью на 15 декабря онъ ѣздилъ съ рожью на мельницу, гдѣ, по случаю безвѣтрія, долго оставался съ крестьяниномъ Мартыномъ Ефимовымъ Бѣляничевымъ, а перемоловъ рожь, отправился домой. При повѣркѣ этого показанія, допросомъ содержателя мельницы, крестьянина Николая Андреева Сысоева и Мартына Бѣляничева, оно не подтвердилось.

„Разсмотрѣвъ вышеизложенное и принимая во вниманіе, что хотя дворянинъ Астрецовъ и не сознается въ взводимомъ противъ него преступленіи, но уличается въ томъ: а) сходствомъ оставленныхъ близь риги г-жи Раевской слѣдовъ, совпадшихъ съ формою сапогъ Астрецова; б) сбивчивостію его показанія относительно встрѣчи на мельницѣ крестьянина Сысоева съ крестьяниномъ Бѣляничевымъ, гдѣ онъ будто бы, по случаю безвѣтрія долго оставался съ послѣднимъ, что не подтвердилось спросомъ Сысоева и Бѣляничева, и в) найденными въ саняхъ его, Астрецова, овсяными озатками, которыми по показанію Безплятова и Ѳомина кормилась некованная лошадь Астрецова, и что слѣдъ оставленный близъ мѣста совершенія кражи былъ дѣйствительно слѣдъ некованной лошади, Судебная Палата признала въ обнаруженныхъ по сему дѣлу обстоятельствахъ достаточныя основанія къ преслѣдованію дворянина Василія Астрецова, по обвиненію его въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1656 ст. улож. о нак.; вслѣдствіе сего Палата опредѣлила: дворянина Василія Егорова Астрецова, 26 лѣтъ, предать, на основ. 200 и 201 ст. уст. угол. суд., суду Тульскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей“.

Подсудимый Астрецовъ, отвѣчая на вопросы предсѣдателя, виновнымъ себя не призналъ.

Посему было приступлено къ допросу свидѣтелей.

Дворянинъ Егоръ Возпятовъ. Я пришелъ въ ригу, и вижу, что пропали овсяные озатки, только что выпалъ снѣгъ и у риги образовался слѣдъ. Мы шли по слѣду, и дошли до самаго двора Астрецова. Отверстіе въ сараѣ было прежде, такъ что взлома не было. Были слѣды лошади некованной. Подсудимый Астрецовъ вообще велъ дурную компанію.

Свидѣтель Николай Сысоевъ. Я живу на мельницѣ; былъ ли у меня въ день кражи дворянинъ Астрецовъ, я запомнить не могу, дальше я ничего не знаю.

Крестьянинъ Марей Веребневъ. Мы шли отъ риги по слѣду; слѣдъ дошелъ до дома Астрецова, валенки, которыми сдѣланъ слѣдъ, были съ заостренными мысами; такіе валенки мы нашли у Астрецова, слѣды были отъ некованной лошади, лошадь Астрецова оказалась некована.

Свидѣтель Гурій Фоминъ. Слѣды по снѣгу были произведены новыми, необмятыми валенками, такія валенки найдены нами у Астрецова. Овсяные озатки, которые мы нашли у Астрецова, мы сравнивали съ озатками, похищенными изъ риги—они оказались совершенно схожи, тѣ и другіе краснаватаго цвѣта. Когда мы по слѣду пришли къ Астрецову, послѣдній былъ дома, лошадь его была въ хомутѣ. Прежде Астрецовъ въ кражѣ не судился.

Федоръ Щабловъ. Слѣды по снѣгу были произведены валенками, которыхъ носочки были востренькіе, такія именно валенки найдены у Астрецова.

Свидѣтель Мартинъ Егоровъ. Про это дѣло я ничего не знаю, Астрецовъ при своей бѣдности и не могъ водить компанію съ помѣщиками, онъ водилъ компанію съ мужиками. У Астрецова есть земля, не болѣе одной десятины. Что сѣялъ на этой десятинѣ Астрецовъ, мнѣ неизвѣстно.

Затѣмъ прочтено увѣдомленіе Тульскаго дворянскаго депутатскаго собранія, изъ котораго видно, что Васи-

лій Егоровичъ Астрецовъ въ дворянскую родословную книгу Тульской губерніи не внесенъ; отецъ же его Егоръ Матвѣевичъ Астрецовъ, хотя по опредѣленію сего Собранія 25 января 182[illegible] года, имѣя въ то время 15 лѣтъ, внесенъ въ шестую часть дворянской родословной книги, но опредѣленіе это не утверждено по неимѣнію при дѣлѣ доказательствъ о переходѣ отъ предка рода Астрецовыхъ Асса къ сыну Ивану, а отъ сего послѣдняго къ потомству въ томъ числѣ и къ Егору Астрецову—недвижимыхъ имѣній, состоящихъ въ жеребьи деревни Досенокъ, (Астрецово тожъ) и въ жеребьи деревни Чебыркиной.

Изъ справки о судимости оказалось, что прежде Астрецовъ подъ судомъ не состоялъ.

Товарищъ Прокурора (И. К. Жуковскій) въ пространной обвинительной рѣчи указалъ на то, что дѣло это подлежитъ разсмотрѣнію Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, а не Мироваго Судьи, ибо подсудимый есть дворянинъ. Затѣмъ Прокуроръ выразилъ свое несомнѣнное убѣжденіе въ виновности дворянина Астрецова, который уличается и нахожденіемъ у него поличнаго—овсяныхъ озатковъ, и тѣмъ что слѣдъ шелъ до его двора; и сходствомъ его валенокъ со слѣдомъ, оставленнымъ на снѣгѣ, и тѣмъ что лошадь Астрецова оказалась некованною, тогда какъ на снѣгѣ слѣдъ именно сдѣланъ былъ некованною лошадью. Въ заключеніе Прокуроръ, разобравъ въ подробности юридическое значеніе уликъ, какъ доказательства, просилъ постановить относительно Астрецова обвинительный приговоръ.

Защитникъ (А. Д. Любавскій) произнесъ: Мм. гг.! Дворянинъ Василій Егоровичъ Астрецовъ обвиняется Прокурорскою властью въ кражѣ овсяныхъ озатковъ, стоющихъ 45 к. с.—Г. Товарищъ Прокурора началъ свою рѣчь съ заявленія, что г. Астрецовъ преданъ вашему суду, а не суду мировыхъ учрежденій, только потому что онъ дворянинъ; по нашимъ законамъ дво-

ряпинъ за кражу подлежитъ болѣе строгой наказуемости, нежели простолюдинъ. И такъ, вотъ исходная точка настоящаго дѣла: позвольте мнѣ ознакомить васъ съ личностію подсудимаго и его обстановкою, вы тогда только будете въ состояніи правильно разрѣшить это дѣло. Г. Астрецовъ дворянинъ 6 книги, принадлежитъ къ нашему древнему, родовому дворянству; между тѣмъ обратите, мм. гг., вниманіе на личность Астрецова: онъ одѣтъ въ тулупѣ, въ крестьянскихъ сапогахъ и по наружности, по платью, ничѣмъ не отличается отъ крестьянъ. Разгадка этого явленія очень проста: Астрецовъ почти нищій; ему принадлежитъ только одна десятина земли. Отецъ его умеръ, когда онъ имѣлъ едва нѣсколько лѣтъ отъ роду. Мать воспитала его, (какъ выразился мнѣ подсудимый) „сумою“, она почти жила подаяніемъ. Сначала г. Астрецова отдали въ пастухи, а потомъ въ работники. Въ молодыхъ годахъ Астрецовъ женился, нынѣ у него жена и двое дѣтей. Я обращу ваше вниманіе, мм. гг., на тотъ ужасающій фактъ, что подсудимый (потомственный дворянинъ Астрецовъ) не знаетъ вовсе грамоты, онъ не обученъ читать и писать; его не научили даже молитвамъ. И такъ по странной насмѣшкѣ судьбы Астрецовъ съ одной стороны принадлежитъ къ высшимъ, привиллегированнымъ классамъ нашего отечества, есть потомокъ тѣхъ людей, которые отличались въ древности „качествомъ и добродѣтелями, начальствова„ли надъ другими, почему, обращая свою службу въ „заслугу, пріобрѣли своему потомству званіе благород„ное“. Съ другой стороны Астрецовъ неграмотенъ, почти нищій, имѣетъ только одну десятину земли, въ лохмотьяхъ и слѣдовательно всякій богатый мужикъ находится въ болѣе счастливой матеріальной и умственной обстановкѣ, нежели Астрецовъ. Между тѣмъ подсудимый человѣкъ не развращенный, онъ прежде не судился. Уже изъ изложенныхъ обстоятельствахъ явствуетъ, какое значеніе имѣетъ отзывъ дворянина Без-

пятова, что Астрецовъ велъ „дурную компанію“. Водить хорошую компанію, быть въ гостяхъ у помѣщиковъ, у другихъ дворянъ 6 книги, г. Астрецовъ не могъ уже потому, что онъ ходилъ въ тулупѣ, въ лохмотьяхъ, въ личныхъ, мужицкихъ сапогахъ (между присяжными движеніе).

Затѣмъ защитникъ подробно разсмотрѣлъ улики, собранныя Прокурорскою властью, доказывалъ что „неличнаго“ собственно по этому дѣлу нѣтъ, ибо ничѣмъ не доказана „тождественность“ овсяныхъ озатковъ, найденныхъ у Астрецова, съ овсяными озатками пропавшими изъ риги; цѣнность похищенныхъ будто бы озатковъ (45 коп. с.) такъ ничтожна, что почти можетъ быть приравнена ко взятію безъ спроса листа бумаги, или стальнаго пера, тогда какъ для наличности преступленія кражи необходимо тайное похищеніе предмета, имѣющаго извѣстную денежную цѣнность. Сходство слѣдовъ есть признакъ случайный, никто не снималъ мѣрку съ слѣдовъ; сбивчивости показаній Астрецова на судебномъ слѣдствіи не обнаружено; всѣ овсяные озатки похожи между собою. Всякое сомнѣніе истолковывается въ пользу подсудимаго, а по этому дѣлу нѣтъ несомнѣнныхъ доказательствъ.

Защитникъ окончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: гг. присяжные засѣдатели, я прошу васъ оправдать потомственнаго дворянина Астрецова, находящагося въ нищетѣ и несчастіи, поставленнаго судьбою въ ужасное положеніе: принадлежать къ высшимъ классамъ общества и не знать грамоты, не знать молитвъ, находиться въ нищетѣ. По недостаточности доказательствъ, собранныхъ по настоящему дѣлу, я прошу васъ произнесть оправдывающій приговоръ.

Послѣ того стороны (Товарищъ Прокурора и защитникъ) еще разъ обмѣнялись возраженіями.

Присяжнымъ засѣдателямъ для разрѣшенія былъ поставленъ слѣдующій вопросъ: „виновенъ ли неслужащій дворянинъ Василій Егоровъ Астрецовъ, 26 лѣтъ,

въ тайномъ похищеніи въ ночь 15 декабря 1870 г. изъ риги г. Раевскаго въ деревни Харино овсяныхъ озатковъ, стоющихъ менѣе 50 коп?“

На этотъ вопросъ присяжные послѣ совѣщанія, непродолжавшагося и пяти минутъ, отвѣчали: „нѣтъ не виновенъ“.

Тульскій Окружной Судъ опредѣлилъ: неслужащаго дворянина Василія Егорова Астрецова, 26 лѣтъ, на основаніи 1 п. 771 ст. угол. суд., считать по суду оправданнымъ.

V.

Дѣло о потомственномъ дворянинѣ Алексѣѣ Ивановичѣ Адамовѣ (*), сужденномъ за кражу.

(Засѣданіе Тульскаго Окружнаго Суда, отъ 27 апрѣля 1871 года. Предсѣдатель: членъ Суда А. В. Мясновъ, члены: Д. В. Лутковъ и П. П. Куриосовъ, обвинялъ Товарищъ Прокурора В. К. Фонъ-Шлеве, защищалъ А. Д. Любавскій).

Обвинительный актъ, изчѣненный Судебною Палатою, состоялъ въ слѣдующемъ:

„Крестьянинъ Василій Пановъ заявилъ Полицеймейстеру г. Тулы, что въ ночь съ 30 на 31 іюля 1870 года въ переулкѣ между Барановой и Остроженской улицами съ него спяты были серебряные глухіе часы

(*) Подсудимый средняго роста съ блѣднымъ истомленнымъ лицомъ, не производящимъ особенно благопріятнаго впечатлѣнія, глаза его тусклы и безжизненны; одѣтъ онъ въ нанковое пальто, зачиненное во многихъ мѣстахъ и покрытое заплатками. Весь костюмъ отличается нищетою, производитъ непріятное, отталкивающее ощущеніе.

и похищенъ узелокъ съ бѣльемъ. Въ показаніи, данномъ по этому предмету мѣстному Судебному Слѣдователю, Панов добавилъ, что онъ въ то время былъ въ безчувственномъ отъ опьяненія состояніи, а потому и не можетъ узнать въ лицо похитителя.

„По сдѣланнымъ Полиціей розыскамъ оказалось, что 31 числа того же іюля, утромъ, Коллежскій Секретарь Алексѣй Ивановъ Адамовъ приносилъ продавать означенные часы часовыхъ дѣлъ мастеру Леонову, а затѣмъ заложилъ ихъ за 5 руб. рядовому Юрову. Выкупая эти часы у Юрова для продажи купеческому сыну Катасонову, (*) послѣдній долженъ былъ доплатить Адамову недостающую до 9 руб. сумму, съ тѣмъ однако, чтобы предварительно показать часы часовщику Милованову.—Когда они затѣмъ обратились къ сему послѣднему, то онъ часы представилъ въ Полицейское Управленіе.

„Привлеченный къ дѣлу с му, въ качествѣ обвиняемаго, Коллежскій Секретарь Адамовъ (по происхожденію изъ потомственныхъ дворянъ) не отвергая того, что означенные часы принадлежатъ Панову, показалъ, что находятся они у него съ 30 іюля, по какимъ путемъ перешли къ нему, онъ не помнитъ,—такъ какъ въ этотъ день былъ пьянъ,—тогда какъ изъ показаній Титулярнаго Совѣтника Струкова и брата подсудимаго Коллежскаго Регистратора Сергѣя Иванова Адамова видно, что Адамовъ говорилъ первому, что тѣ часы подарилъ ему, проѣзжающій съ Кавказа, дядя его, а второму, что получилъ ихъ за ходатайство по дѣламъ.

„Принимая во вниманіе, что Коллежскій Секретарь Алексѣй Ивановъ Адамовъ по обст[illegible] настоящаго дѣла достаточно уличается въ кражѣ у находящагося въ безчувственномъ отъ опьяненія состояніи крестьянина Василія Панова часовъ, которые вскорѣ

(*) Такъ въ подлинномъ.

послѣ кражи приносилъ продавать часовщику Леонову, и затѣмъ заложилъ ихъ рядовому Кузьмѣ Юрову, при чемъ о пріобрѣтеніи часовъ этихъ Адамовъ далъ разразпорѣчивыя показанія, Адамовъ признанъ, подлежащимъ уголовному преслѣдованію, по обвиненію его въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1656 ст. Улож. о Нак., а потому Московская Судебная Палата опредѣлила: Коллежскаго Секретаря Алексѣя Иванова Адамова на основ. 200 и 201 ст. Уст. Угол. Суд., предать суду Тульскаго Окружнаго Суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей".

Подсудимый Адамовъ, на вопросъ Предсѣдателя о томъ, „признаетъ ли онъ себя виновнымъ", отвѣчалъ слѣдующее: я признаю себя виновнымъ, совершилъ кражу часовъ, отъ голода. Я потерялъ службу послѣ того, какъ 12 лѣтъ служилъ въ Казенной Палатѣ. Послѣ отставки я все прожилъ, все продалъ.... Когда я укралъ, я передъ этимъ не пилъ, не ѣлъ. Семейство мое состоитъ изъ жены и двухлѣтней дочери. Я часы взялъ, они лежали около спящаго Панова, свѣсились изъ кармана, на другой день я заложилъ эти часы. Крайность меня выпудила, на службу меня не принимаютъ, въ услуженіе къ частному лицу я не могъ поступить. Узелка я не похищалъ, я его и не видѣлъ.

Затѣмъ было приступлено къ допросу свидѣтелей.

Братъ подсудимаго Сергѣй Ивановичъ Адамовъ не пожелалъ давать показанія и былъ отъ сего Судомъ уволенъ (ст. 705 Уст. Угол. Суд.).

Василій Пановъ (лице потерпѣвшее, показываетъ безъ присяги). 30 іюля встрѣтился я съ знакомымъ машинистомъ, который и пригласилъ меня идти съ нимъ выпить, я служу на желѣзной дорогѣ. Мы выпили пива и водки, и отъ смѣшенія ихъ я совершенно опьянѣлъ. Я пошелъ домой, въ рукахъ у меня была палка и узелокъ съ бѣльемъ, ибо я выходилъ изъ бани. Дойдя до Остроженской улицы, я почувствовалъ себя совершенно дурно. Тѣмъ не менѣе я дошелъ до своей

квартиры, но тутъ мнѣ сдѣлалось совѣстно: я подошелъ къ забору и сѣлъ; затѣмъ я забылся. Прошло времени, я думаю, около часу. Я пришолъ къ себя и слышу разговоръ своихъ домашнихъ, а идти домой не могу. Тутъ меня увидѣлъ братъ, Алексѣй Пановъ, и говоритъ „а часы твои гдѣ? у тебя ихъ срѣзали". Мнѣ это было очень досадно; въ карманахъ у меня все было цѣло, ничего не пропало; на другой день я пошелъ къ часовщику Леонову, спрашивать, не приносили ли ему продавать мои часы? Онъ мнѣ сказалъ, что у него съ часами былъ какой то неизвѣстный чиновникъ. На моихъ часахъ я еще раньше сдѣлалъ ножемъ, выразалъ буквы *В.* и *А.* Я пошелъ къ часовщику Порохову, но тотъ ничего не зналъ. Я опять вернулся къ Леонову. Потомъ мнѣ въ питейномъ заведеніи сказали, что человѣкъ, который укралъ мои часы—Адамовъ, что онъ заходилъ въ питейное заведеніе просить въ долгъ водки. Я подалъ объявленіе о пропажѣ у меня часовъ. Послѣ того Леоновъ далъ мнѣ знать на желѣзную дорогу, что ему вторично приносили продавать мои часы. Шнурокъ на моихъ часахъ былъ обрѣзанъ, а не оборванъ.—Домашніе мнѣ говорили, что они видѣли меня лежащимъ у забора, но не узнали меня; думали, что это посторонній; они прибавили, что видѣли какъ ко мнѣ подходилъ какой то человѣкъ, который вертѣлся нѣкоторое время около меня, когда я лежалъ; на меня падала тѣнь отъ забора, и разглядѣть меня было трудно.

Унтеръ-офицеръ Кузьма Юровъ. Братъ ихній (показываетъ на Адамова) заказывалъ мнѣ часы за 5 р. 50 к., выкупилъ ихъ у меня вотъ онъ, Алексѣй Адамовъ, о прежней жизни Адамова ничего не знаю.

Часовщикъ Алексѣй Леоновъ. Мнѣ Адамовъ приносилъ продавать часы, я ихъ не купилъ. Потомъ приходитъ Пановъ и говоритъ, что эти часы у него украдены. Черезъ нѣсколько времени я узналъ, гдѣ

краденые часы, и далъ знать о семъ Панову на желѣзную дорогу. Прежде Адамова я не зналъ; былъ ли на приносимыхъ мнѣ часахъ шнурокъ обрѣзанъ, я забылъ.—

Алексѣй Пановъ. Я поднялъ брата въ пьяномъ видѣ на улицѣ; шнурокъ на часахъ у него былъ отрѣзанъ; это доказывается тѣмъ, что гайка на часахъ не соскочила. Шнурокъ былъ тонкій, шелковый.

Затѣмъ былъ прочтенъ формулярный списокъ подсудимаго, изъ коего видно, что Алексѣй Адамовъ происходитъ изъ потомственныхъ дворянъ; съ 1857—1868 г., служилъ Канцелярскимъ чиновникомъ въ Тульской Казенной Палатѣ; получилъ послѣдовательно чины Коллежскаго Регистратора, Губернскаго Секретаря и Коллежскаго Секретаря. Въ 1868 г. вышелъ въ отставку, въ штрафахъ и подъ судомъ не былъ. Имѣнія не имѣетъ. Женатъ. Жалованья въ послѣднее время получалъ 120 р. въ годъ.

Изъ справки о судимости видно, что Алексѣй Адамовъ подъ судомъ никогда не былъ.

Товарищъ Прокурора (В. К. Фонъ-Плеве) въ главныхъ основаніяхъ произнесъ слѣдующее: Мм. Гг.! Опредѣленіемъ Московской Судебной Палаты, которое прочитано передъ вами, подсудимый Коллежскій Секретарь Адамовъ преданъ суду по обвиненію въ кражѣ часовъ съ безчувственно пьянаго человѣка, Панова. Основаніемъ къ обвиненію послужило то, что часы на другой день послѣ ихъ пропажи оказались у Адамова, который относительно способа ихъ пріобрѣтенія далъ сбивчивыя и разнорѣчивыя показанія. Высшая обвинительная власть признала нужнымъ предать Адамова суду, и на судѣ предъ вами Адамовъ сознался въ учиненіи имъ кражи.—Такимъ образомъ въ настоящемъ дѣлѣ вопросъ: „учинилъ или нѣтъ Адамовъ кражу,“ не можетъ быть затронутъ, обвиненіе мое нынѣ основано на собственномъ сознаніи подсудимаго.—Но за устраненіемъ этого вопроса, защитою вѣроятно

будетъ затронутъ вопросъ о причинахъ и поводахъ кражи. (Ощущеніе между присяжными). Защитникъ, какъ я могу заключить изъ словъ подсудимаго, вѣроятно будетъ объяснять, что Адамовъ находился въ такой крайности, что не могъ удержаться отъ преступленія. Прошедшая жизнь подсудимаго не представляетъ въ этомъ отношеніи никакихъ фактовъ, говорящихъ въ его пользу; мы не знаемъ, почему онъ былъ уволенъ въ отставку. Въ показаніи Панова есть косвенное указаніе на то, что въ питейномъ домѣ онъ узналъ, кто такой Адамовъ, а это не говоритъ въ пользу послѣдняго.—Посему, отказываясь вѣрить правдоподобію показаній Адамова о томъ, что онъ не по своей винѣ лишился мѣста, находился въ крайности, и отъ голода, а не для удовлетворенія своимъ порочнымъ наклонностямъ совершилъ кражу, я поддерживаю во всей строгости обвиненіе противъ Адамова въ кражѣ часовъ съ безчувственно-пьянаго человѣка, каковая кража по способу ея совершенія есть фактъ въ высшей степени безнравственный. (Ощущеніе).

Рѣчь защитника (А. Д. Любавскаго): Мм. гг.! Не безъ нѣкотораго волненія приступаю я къ защитѣ подсудимаго, потомственнаго дворянина Алексѣя Ивановича Адамова, для котораго нынѣ насталъ въ жизни рѣшительный часъ, и судьба котораго всецѣло, безусловно зависитъ отъ васъ. Вы можете извергнуть Адамова изъ общества, признавъ его виновнымъ; но вы имѣете право и оправдать его! Во всякомъ случаѣ въ вашемъ рѣшеніи вы ни передъ кѣмъ не обязаны отчетомъ, такова воля закона, и я заранѣе преклоняюсь передъ вашимъ вердиктомъ.

Чистосердечное признаніе подсудимаго Адамова, учиненное имъ передъ вами на судѣ, его нежеланіе запирательствомъ, ложью запутать и осложнить обстоятельства дѣла, его довѣріе въ то, что откровенность передъ вами, сознаніе въ своей неправотѣ,—есть луч-

шее средство тронуть ваше сердце, все это весьма облегчаетъ мнѣ изложеніе фактической стороны дѣла.

Да, мм. гг., Адамовъ, потомственный дворянинъ, Коллежскій Секретарь, съ 1857 по 1868 г., то есть въ теченіи 11 лѣтъ, безупречно состоявшій на государственной службѣ, не бывшій подъ судомъ и слѣдствіемъ, сынъ честнаго отца, принадлежащій къ незапятнанному семейству— укралъ часы. Этотъ фактъ возстаетъ передъ вами во всей его ужасающей, потрясающей наготѣ.

Но для васъ, мм. гг., представителей общества, жителей данной мѣстности, русскихъ согражданъ, этого факта еще недостаточно: необходимо разъяснить себѣ, что могло побудить дворянина и чиновника Адамова учинить этотъ поступокъ, совершенно несовмѣстный съ званіемъ дворянина?

Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ краткое изложеніе передъ вами жизни подсудимаго, ознакомленіе васъ съ личностью Адамова.

Адамовъ принадлежитъ къ честному и незапятнанному, но бѣдному семейству: отецъ его въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ архиваріусомъ Казенной Палаты. Онъ старался дать сыну образованіе, но денежныя средства его не дозволяли ему этого.—Алексѣй Ивановичъ Адамовъ по окончаніи курса наукъ въ Тульскомъ Уѣздномъ Училищѣ, какъ видно изъ его формуляра, поступилъ на службу въ Казенную Палату канцелярскимъ чиновникомъ и прослужилъ здѣсь честно, безупречно 11 лѣтъ, съ 1857 г. по 1868 г.; что онъ служилъ аккуратно видно изъ того, что онъ ни разу не перемѣнилъ мѣста службы, и что получаемое имъ денежное жалованіе было прогрессивно съ теченіемъ времени увеличиваемо. Я, можетъ быть, заставлю васъ, мм. гг., (не смотря на ваше состраданіе къ подсудимому) улыбнуться, указавъ вамъ какое жалованье онъ получалъ: сначала ему положили въ мѣсяцъ 3 р., а черезъ 6 лѣтъ службы онъ сталъ по-

лучать 10 р. с., въ мѣсяцъ. Впрочемъ незначительность денежныхъ окладовъ, даваемыхъ въ прежнее время кинцелярскимъ чиновникамъ, всѣмъ извѣстна, и остается только удивляться, что люди могли жить на такія незначительныя денежныя средства, могли имѣть мундиръ, одѣваться прилично, и терпѣливо нести свои многотрудныя служебныя обязанности, безъ ропота, безъ надежды на повышеніе. Исторія нашего бывшаго служебнаго класса, на которомъ при прежнемъ порядкѣ до учрежденія земства, лежало почти все губернское управленіе съ его многосложными формами дѣлопроизводства и его многотомною перепискою, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя вниманіе общества.

Адамовъ—потомственный дворянинъ. Преобразованія настоящаго Царствованія: освобожденіе дворовыхъ людей отъ крѣпостной зависимости, реформы въ управленіи, сокращеніе штатовъ присутственныхъ мѣстъ, все это отразилось на судьбѣ подсудимаго Адамова. Здѣсь я позволяю себѣ замѣтить, мм. гг., что на землѣ самыя благія, самыя полезныя предначертанія всегда сопровождаются для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей невыгодными послѣдствіями: такъ, освобожденіе крестьянъ ввергло въ бѣдность многія дворянскія семейства; реформы въ судахъ и въ администраціи-лишили средствъ къ жизни многочисленный классъ прежнихъ чиновниковъ, неимѣющихъ никакихъ иныхъ спеціальныхъ свѣдѣній, не привыкшихъ ни къ какой иной профессіи. Мы должны преклоняться передъ этими реформами; но мы можемъ также удѣлить частичку нашего состраданія тѣмъ немногимъ отдѣльнымъ личностямъ, тѣмъ жертвамъ искупленія прежняго порядка вещей, которыя потерпѣли отъ новаго строя нашего общества, которыя впали въ нищенство.

Въ жизни Адамова два происшествія имѣли сверхъ того рѣшительное вліяніе на его судьбу: 1) онъ вступилъ въ бракъ по любви, съ благословенія своихъ родителей, и 2) отецъ его умеръ. Никто изъ насъ

безъ сомнѣнія, мм. гг., не броситъ укоромъ въ Алексѣя Ивановича Адамова за то, что онъ вступилъ въ бракъ: въ каждомъ человѣкѣ есть потребность быть любимымъ, имѣть свою семью, дѣтей. Семья есть основа общества и государства.

Отецъ Адамова умеръ, этимъ пресѣклась и та денежная помощь, которую Адамовъ получалъ отъ отца, и служебная поддержка.

Адамовъ очутился съ женою и тремя малолѣтними дѣтьми, изъ которыхъ нынѣ жива двухлѣтняя дѣвочка. Послѣ этого Адамову оставалось только нищенствовать, жить Христа ради! Легко переносить лишенія, голодъ, холодъ, когда человѣкъ одинъ, но это гораздо труднѣе, невыносимѣе, когда у человѣка есть жена, ребенокъ....

И такъ, вотъ та обстановка, среди которой совершился фактъ—кража часовъ Адамовымъ. Онъ не могъ вынести, что его семейство терпитъ отъ голода и холода.

Званіе дворянина только мѣшало Адамову на жизненномъ поприщѣ, послѣ того какъ онъ потерялъ мѣсто. Въ IX Т (ст. 14) находится слѣдующее опредѣленіе дворянства: „дворянское названіе есть слѣдствіе, истекающее изъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами: чѣмъ, обращая самую службу въ заслугу, пріобрѣли потомству своему наричаніе благородное“. Но одного названія недостаточно. И въ то время, когда крестьяне пріобрѣли поземельную собственность,— Адамовъ является пролетаріемъ, которому никто не отведетъ земли, потомкомъ дворянъ, неимѣющимъ куска хлѣба, и лишеннымъ служебныхъ занятій, обремененнымъ семействомъ, по самому званію своему дворянина не могущимъ наняться въ услуженіе къ частному лицу!

Гг. присяжные засѣдатели! Я считаю для подсудимаго Адамова особымъ счастіемъ, что это дѣло предоставлено разсмотрѣнію вашему, а не обсужденію старыхъ

судовъ! Ваша высокая задача состоитъ въ томъ, чтобы въ вашихъ приговорахъ согласить строгость закона съ христіанскимъ человѣколюбіемъ и справедливостью. Въ каждомъ дѣлѣ нужно отыскивать истину, а не виновность подсудимаго. Вашими приговорами вы сообщаете закону ту необходимую гибкость, при которой онъ всегда является справедливою нормою; вы вносите въ суды свѣжую струю народной жизни. Нынѣ отжило правило: „да исполнится законъ, если бы даже міру пришлось погибнуть.„ Законъ безусловно предоставляетъ вамъ опредѣлить вину или невинность подсудимаго по вашему внутреннему убѣжденію; вы разрѣшаете не только вопросъ, „совершилось ли извѣстное дѣяніе“, но „и виновно ли лицо, его совершившее“; самъ законъ имѣлъ въ виду предоставить вамъ право оправдывать подсудимаго, если ваша совѣсть, ваше состраданіе склоняются на его сторону, если шесть изъ васъ признаютъ подсудимаго невиннымъ. Въ этомъ и состоитъ отличіе суда присяжныхъ, (суда—по совѣсти), отъ прежняго суда—суда казеннаго, по мертвящей буквѣ закона. Вспомните, что Адамовъ житель одной съ вами мѣстности, что его прежняя безпорочная жизнь не показываетъ въ немъ человѣка развращеннаго, что съ его судьбой тѣсно связана судьба его жены и ребенка.—Гг. присяжные засѣдатели, будьте милосердны и человѣколюбивы къ потомственному дворянину, находящемуся въ нищетѣ и несчастіи. Я прошу васъ произнести относительно Алексѣя Ивановича Адамова оправдывающій приговоръ.

Затѣмъ товарищъ прокурора и защитникъ еще разъ обмѣнялись возраженіями.

Присяжнымъ были постановлены для разрѣшенія слѣдующіе вопросы: 1) виновенъ ли отставной коллежскій секретарь Алексѣй Ивановъ Адамовъ, 31 года, въ томъ, что въ ночь съ 30 на 31 іюля 1870 г., въ переулкѣ между Барановою и Остроженскою улицами, тайно похитилъ у крестьянина Василія Харито-

нова Панова, бывшаго въ безчувственномъ отъ опьяненія состояніи, серебряные часы, стоющіе менѣе 300 руб.? 2) Если виновенъ, то не совершилъ ли онъ это дѣяніе по крайности и неимѣнію никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ?

Присяжные Засѣдатели отвѣчали на первый вопросъ: „да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія“; а на второй вопросъ—„да, по крайности.“(*)

Судъ опредѣлилъ: подсудимаго отставнаго коллежскаго секретаря Алексѣя Иванова Адамова, 31 года, лишивъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, заключить въ тюрьму на полтора мѣсяца. Приговоръ сей, по вступленіи въ законную силу, представить чрезъ Министра Юстиціи на усмотрѣніе Императорскаго Величества.

VI.

Дѣло о крестьянинѣ Иванѣ Золотухинѣ, совершившемъ кражу со взломомъ.

(Засѣданіе Временнаго Уголовнаго Отдѣленія Тульскаго Окружнаго Суда 18 января 1871 г. Предсѣдалъ Членъ Суда П. Н. Шепелевъ; Члены: П. И. Куриосовъ и мѣстный почетный Мировой Судья А. Ф. Ларіоновъ, обвинялъ Товарищъ прокурора К. Е. Березинъ, защищалъ А. Д. Любавскій)

Обвинительный актъ состоялъ въ слѣдующемъ; „1869 г. 25 мая, проживающій въ услуженіи у помѣщика Картавцева, въ селѣ Стрѣльниковѣ, Павелъ Черенковъ, отправясь спать въ чуланъ, гдѣ находились его вещи, замѣтилъ, что замокъ у него сломанъ и изъ чулана унесены три тулупа.

(*) Присяжные засѣдатели состояли изъ купцовъ и мѣщанъ; въ числѣ ихъ не было ни одного дворянина, ни одного чиновника.

„При осмотрѣ чулана, отстоящаго отъ господскаго дома приблизительно въ 48 саж., въ немъ никакихъ поврежденій не оказалось, но у висячаго замка было отбито дно.

„Подозрѣніе въ совершеніи кражи пало на крестьянина Ивана Золотухина, еще за годъ передъ тѣмъ высказывавшаго Черенкову намѣреніе похитить тулупы и въ день кражи безъ всякой надобности проходившаго мимо чулана, а въ послѣдующіе дни пьянствовавшаго болѣе обыкновеннаго (*).

„Уличенный поличнымъ, крестьянинъ Иванъ Афанасьевъ Золотухинъ сознался въ похищеніи полушубковъ изъ чулана Черенкова.

„На основаніи сего, Иванъ Золотухинъ обвиняется въ похищеніи изъ чулана трехъ полушубковъ Черенкова, со взломомъ при этомъ висячаго замка,—что составляетъ преступленіе предусмотрѣнное 1647 ст. Улож. о нак.“

Подсудимый, отвѣчая на вопросъ Предсѣдателя о томъ: „виновенъ ли онъ“, отвѣчалъ: „мы ходили съ Мальцевымъ полушубки воровать, онъ сломалъ замокъ, а я досталъ полушубки и унесъ ихъ. Потомъ Мальцевъ самъ донесъ на меня.

Свидѣтель Черенковъ объяснилъ: у меня пропали полушубки, и поврежденъ при кражѣ замокъ; замокъ когда я пришелъ, валялся у меня подъ ногами на полу, Иванъ (Золотухинъ) мнѣ до прежде, годомъ раньше, говаривалъ, „меня Мальцевъ научаетъ у васъ по-

---

(*) Затѣмъ въ обвинительномъ актѣ слѣдуетъ пространное изложеніе того, какъ бывшіе рядовые Даниличевъ и Мальцевъ приняли на себя обязанность розыскать пропавшіе тулупы и уговорили Золотухина показать имъ эти тулупы, подъ предлогомъ покупки ихъ у него.

лушубки украсть“, (Отвѣчая на вопросы защитника). Про Ивана Золотухина, который долго служилъ скотникомъ со мной, ничего дурнаго я не замѣчалъ, онъ былъ парень хорошій, не баловался. Объ этомъ я такъ и Слѣдователю показывалъ.

Свидѣтель Мальцевъ: меня просили слѣдить за Золотухинымъ послѣ кражи. Въ питейномъ заведеніи, разговорился съ Золотухинымъ, догадался я, что полушубки у него. Я захотѣлъ обличить его, и просилъ его продать ихъ мнѣ. Въ уговоренный часъ Золотухинъ вынесъ полушубки; Черенковъ былъ спрятанъ, онъ выскочилъ и мы накрыли вора. (Отвѣчая на вопросы защитника). Я не состою сыщикомъ, въ полиціи или у жандармовъ я не служу, а я по совѣсти хотѣлъ розыскать тулупы; но я не занимаюсь ремесломъ сыщика, хотя розыскивалъ чужіе тулупы (присяжные улыбаются).

Золотухинъ (возражая на это показаніе). Полушубки меня самъ вонъ Мальцевъ позвалъ красть; онъ мнѣ сказалъ: „пойдемъ украсть“; онъ мнѣ старшій родственникъ. Когда я утащилъ тулупы, мы ихъ положили въ солому. Когда пошли слухи, Мальцевъ велѣлъ мнѣ принести ему тулупы, я принесъ; тутъ на меня бросились и схватили съ тулупами.

Свидѣтель Даниличевъ. Я уговаривалъ Золотухина продать мнѣ краденые полушубки; онъ согласился. Меня не было, какъ поймали Золотухина съ полушубками.

Затѣмъ былъ прочтенъ на Судѣ „актъ осмотра“ поврежденій замка, и по распоряженію Предсѣдателя предъявленъ присяжнымъ засѣдателямъ самый замокъ, находящійся въ Судѣ какъ вещественное доказательство.

Изъ справки о судимости оказалось, что Золотухинъ прежде нигдѣ не судился.

На судебномъ слѣдствіи разъяснено, что Мальцевъ, по оговору Золотухина въ подстрекательствѣ его къ

кражѣ, былъ преданъ Суду; по заключеніемъ Московской Судебной Палаты, отъ 22 сентября 1869 г., освобожденъ отъ Суда „ибо онъ, Мальцевъ, не заподозрѣнъ никѣмъ въ совмѣстномъ совершеніи кражи, а напротивъ содѣйствовалъ возвращенію Черенкову похищенныхъ у него полушубковъ".

Товарищъ Прокурора энергически поддерживалъ обвиненіе, указавъ на безнравственность преступленія кражи, то есть похищенія чужой собственности, на отягчающее обстоятельство взлома, на то, что Золотухинъ, на пріобрѣтенныя черезъ кражу деньги предавался пьянству въ кабакахъ, на то, что Золотухинъ сознался въ преступленіи и пойманъ съ поличнымъ. (Рѣчь эта произвела на присяжныхъ сильное впечатлѣніе).

Защитникъ (А. Д. Любавскій) произнесъ: гг. присяжные засѣдатели Новосильскаго Судебнаго Округа! Прежде всего я васъ прошу отрѣшиться отъ соображеній о томъ, что кража есть опасное и вредное преступленіе, могущее быть направленнымъ противъ собственности каждаго изъ насъ, что настоящая сессія переполнена дѣлами о кражѣ. Золотухинъ нисколько не виноватъ въ томъ, что 10 другихъ людей воровали до него, и будутъ воровать послѣ него, никто не обязанъ отвѣчать за чужую вину. И такъ вина Золотухина опредѣляется не какими либо предвзятыми соображеніями, а лишь обстоятельствами настоящаго дѣла, въ которомъ наша собственность нисколько не заинтересована. Я считаю необходимымъ остановить ваше вниманіе на внутренней сторонѣ обнаружившихся передъ вами фактовъ: Мальцевъ подстрекалъ своего родственника, несовершеннолѣтняго Золотухина, (имѣвшаго въ то время 16-ть лѣтъ и 7 мѣсяцевъ отъ роду) совершить у Черенкова кражу полушубковъ; огромное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что показаніе о семъ дано Черенковымъ, то есть самимъ потерпѣвшимъ лицемъ, которое скорѣе должно быть не расположено къ Золотухину; этому показанію мы должны безусловно

вѣрить. Судебная практика изобилуетъ случаями, что лице взрослое, но нравственно-развращенное, не желая само рисковать быть пойманнымъ при совершеніи преступленія, подстрекаетъ несовершеннолѣтняго учинить это дѣяніе съ тѣмъ, чтобы затѣмъ безнаказанно воспользоваться плодами похищеннаго. Васьма часто подстрекатель, видя, что преступленіе раскрыто, чтобы отстранить отъ себя подозрѣніе, самъ предупреждаетъ правосудіе и указываетъ на несовершеннолѣтняго, какъ на преступника. Подобный фактъ обнаружился и по настоящему дѣлу; только по недостатку уликъ Мальцевъ не привлеченъ къ отвѣтственности Московскою Судебною Палатою. Благодаря своей ловкости онъ избѣгъ человѣческаго правосудія, но это не причина, чтобы погубить безвозвратно судьбу Золотухина. Настоящее дѣло представляетъ и другія стороны, которыя затрогиваютъ мою совѣсть, мое нравственное чувство: Мальцевъ и Даниличевъ, не будучи, какъ они объясняютъ, заинтересованы въ настоящемъ дѣлѣ,—въ сущности приняли на себя роль „сыщиковъ“. Они уговариваютъ Золотухина, и затѣмъ выдаютъ его. Учрежденіе сыщиковъ, мм. гг.. есть учрежденіе обоюдо—острое и весьма опасное для чести и спокойствія отдѣльныхъ лицъ. По дѣлу о похищеніи денегъ изъ „экспедиціи заготовленія государственныхъ кредитныхъ билетовъ“ въ С.-Петербургѣ, въ 1869 г. на Судѣ разъяснилось, что сыщикъ, желавшій отличиться передъ другими, подучилъ работника экспедиціи украсть кредитные билеты, и затѣмъ самъ донесъ на этого работника, такъ что преступленіе оказалось продуктомъ дѣятельности сыщиковъ. Не поощряйте, гг. присяжные, (представители общественнаго мнѣнія), подобныхъ фактовъ; приведу еще то соображеніе, что Золотухинъ, подлежа вліянію Мальцева, могъ быть исполнителемъ чужихъ мыслей. Золотухинъ еще не окончательно развращенъ—освободивъ его нынѣ изъ тюрьмы, вы спасете его отъ паденія; само правительство

признаетъ, что тюрьмы наши, (въ которыхъ преступники находятся въ обществѣ съ болѣе развращенными злодѣями), не служатъ школою улучшенія нравовъ; нынѣ существуетъ особая Коммисія для переустройства нашихъ тюремъ по началамъ пенитенціарной системы. Глубоко убѣжденный, что вы не склонитесь безусловно на сторону обвиненія, не взвѣсивъ доводовъ защиты, и принимая во вниманіе малолѣтство Золотухина, показаніе его, что не онъ дѣлалъ взломъ, подстрекательство Золотухина со стороны Мальцева, неразвитость и неграмотность Золотухина, (который не знаетъ даже что существуетъ Божія заповѣдь „не укради“),—я прошу васъ, мм. гг., постановить по настоящему дѣлу оправдывающій приговоръ.

Затѣмъ стороны еще два раза обмѣнялись рѣчами.

Присяжнымъ засѣдателямъ были предложены для разрѣшенія слѣдующіе вопросы: 1) виновенъ ли подсудимый, Иванъ Золотухинъ, по 17 году, въ томъ, что 25 мая 1869 г. въ селѣ Стрѣльниковѣ изъ запертаго чулана тайно похитилъ три полушубка, принадлежащіе крестьянину Черенкову, для совершенія чего былъ сломанъ замокъ, коимъ былъ запертъ тотъ чуланъ? 2) если Золотухинъ виновенъ по первому вопросу, то дѣйствовалъ ли онъ при томъ съ полнымъ разумѣніемъ?

На первый вопросъ присяжные засѣдатели отвѣчали: „да, виновенъ, но безъ взлома“, на второй вопросъ: „нѣтъ, безъ полнаго разумѣнія“.

Временное Отдѣленіе Тульскаго Окружнаго Суда опредѣлило: „подсудимаго Ивана Золотухина, имѣвшаго во время совершенія преступленія 16 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ, подвергнуть аресту при полиціи на 10 дней“.

VII.

Дѣло о крестьянинѣ Семенѣ Гульинѣ, сужденномъ за разорваніе своей долговой росписки.

(Засѣданіе Тульскаго Окружнаго Суда 7 мая 1871 г. Предсѣдательствовалъ членъ Суда П. А. Тѣпинскій; члены: П. Н. Шепелевъ и В. Д. Лутковъ —Обвинялъ Товарищъ Прокурора В. А. Соколовъ; защищали подсудимаго совмѣстно: А. Д. Любавскій и П. П. Зуровъ).

Дѣло это возбудило любопытство публики: подсудимый высокаго роста, съ необыкновенно умнымъ, добрымъ и краснымъ лицомъ, одѣтъ прилично. Держитъ себя съ достоинствомъ, и, повидимому, внимательно слѣдитъ за допросомъ свидѣтелей.

Обвинительный актъ, измѣненный Московскою Судебною Палатою, состоялъ въ слѣдующемъ: „Епифанскій 2-й гильдіи купеческій сынъ Алексѣй Савельевъ заявилъ 7 апрѣля 1866 г., что крестьянинъ села Каркадинова Семенъ Терентьевъ Гульинъ, состоявшій ему должнымъ по простой росписке 70 руб., вырвалъ у него изъ рукъ эту росписку и разорвалъ ее, не заплативъ по ней, должныхъ ему денегъ.

"Гульинъ, сознаваясь въ разорваніи росписки, объяснилъ, что росписка та безденежная, и выдана была Савельеву за ходатайство объ уничтоженіи составленнаго волостнымъ старшиной акта о безпатентной торговлѣ виномъ, въ домѣ его Гульина, и что самъ Савельевъ состоитъ ему должнымъ 147 руб. сер., по двумъ роспискамъ, которыя впрочемъ были имъ, Савельевымъ, у него обманнымъ образомъ взяты и разорваны; по этому, продолжаетъ Гульинъ, ему жаль было платить Савельеву деньги, и онъ вознамѣрился уничтожить росписку, вырвавъ оную у сего послѣдняго.

„Сознаніе въ разорваніи росписки находитъ себѣ подтвержденіе въ показаніи крестьянина свидѣтеля Кузьмы Астафьева Воронцова.

„Изложенныя обстоятельства найдены Московскою Судебною Палатою достаточными къ преслѣдованію крестьянина Гульина по обвиненію его въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1656 ст. улож. о наказ., почему упомянутый Гульинъ преданъ суду Тульскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей".

На вопросъ Предсѣдателя, „признаетъ ли онъ себя виновнымъ", Гульинъ отвѣчалъ: росписку я разорвалъ; по себя преступнымъ и виновнымъ я не могу признать. Вѣдь росписку эту съ меня Савельевъ взялъ обманомъ: подослали ко мнѣ въ гости двухъ мужиковъ, которымъ я поставилъ вина; пришли со старшиной и писаремъ и составляли актъ, что я безъ патента торгую виномъ, потомъ меня стали стращать уголовнымъ судомъ, и предложили разорвать актъ осмотра, если я выдамъ Савельеву на себя долговой документъ (между присяжными ощущеніе), такъ я и выдалъ росписку въ 70 руб., и сверхъ того возвратилъ Савельеву обязательство его брата по долгу мнѣ 147 р. с. Росписку въ 70 р. я выдалъ за то, чтобы уничтожить актъ. По этой роспискѣ я уплатилъ Савельеву 20 р., но когда онъ сталъ прижимать меня и требовать, безъ отсрочки, платежа остальныхъ 50 р., мнѣ стало обидно отдавать остальные 50 р., мнѣ всѣ сосѣди говорили, какъ ты согласился выдать на себя росписку, такъ всѣ грабители дѣлаютъ, какъ Савельевъ. Я рѣшился разорвать росписку, ужъ очень было обидно.

Затѣмъ было приступлено къ перекрестному допросу свидѣтелей.

Иванъ Савельевъ (братъ лица потерпѣвшаго). Въ прежнее время я часто бралъ деньги у Гульина, бывалъ долженъ рублей за 60, за 70. Я выдавалъ ему и росписки, но на какія суммы, не помню. Я содержалъ питейное заведеніе въ селѣ Каркадиновѣ; это дѣйствительно я донесъ волостному старшинѣ, что

Гульинъ безпатентно торгуетъ виномъ. При обыскѣ у Гульина меня не было. Гульинъ человѣкъ достаточный: онъ арендуетъ у князя Вяземскаго до 200 дес. земли. Гульинъ всегда разсчитывался со мной честно. Послѣ обыска у Гульина всѣ лица, производившія обыскъ, зашли ко мнѣ въ питейное заведеніе, и братъ мой ихъ угощалъ; былъ ли въ это время въ питейномъ заведеніи Гульинъ, я не помню.

Гульинъ (возражая). Когда я пришелъ въ питейное заведеніе, Иванъ Савельевъ тамъ былъ, и при немъ братъ его началъ разговоръ о томъ, чтобы склонить меня къ миру.

Алексѣй Савельевъ: Гульинъ разорвалъ росписку на 70 р. при мнѣ. По этой роспискѣ я получилъ отъ него прежде 20 руб. Эту росписку онъ мнѣ выдалъ послѣ того, какъ я далъ ему взаймы денегъ. Но деньги я ему уплатилъ (останавливается) въ домѣ крестьянина Астафьева. Росписку онъ разорвалъ въ сѣняхъ, куда мы вышли для переговора; тогда я закричалъ „караулъ“, и ухватилъ одинъ клочекъ разорванной росписки. Обыскъ у Гульина о продажѣ вина сдѣланъ былъ по донесенію Ивана Савельева, моего брата. Я былъ при обыскѣ, и видѣлъ происходившее: у Гульина сидѣли въ гостяхъ два мужика; на столѣ передъ ними стояли: бутылка въ виномъ, двѣ рюмки, чай, самоваръ. Составленъ былъ актъ, писанный писаремъ. Потомъ мы вышли всѣ въ кабакъ моего брата Ивана.—Послѣ того, я написалъ записку (письмо) старшинѣ, въ которой я говорилъ „что я ни во что не вхожу, что не моя надобность продолжать дѣло о торговлѣ виномъ Гульина“. Помню, что при обыскѣ въ домѣ Гульина, вина у него не найдено. Это по нашему наущенію были посланы два мужика къ Гульину, чтобы поймать его въ продажѣ вина (въ публикѣ сильное движеніе, и отчасти говоръ). Я знаю только то, что я просилъ старшину прекратить дѣло о винѣ, но за это я ничего не взялъ съ Гульина. (Отвѣчая не во-

просъ старшины присяжныхъ) росписка въ 70 р. была писана мною, и только подписана Гульинымъ.

Гульинъ (возражал): 70 р. денегъ я у Алекѣя Савельева не занималъ и ихъ отъ него не получалъ. Эту росписку отъ меня выманили, за окончаніе дѣла миромъ, и разорваніе акта о продажѣ вина.

Козьма Астафьевъ. Въ моей избѣ находились Алексѣй Савельевъ и Гульинъ. Они ушли въ сѣни. Вдругъ я слышу крикъ Алексѣя Савельева: „Астафьевъ! грабятъ“! Я вхожу, и вижу, что Савельевъ собираетъ лоскутки разорванной росписки. Я не думаю, чтобы Гульинъ занималъ деньги у Савельева, онъ гораздо богаче послѣдняго. Гульинъ у насъ „церковный староста“; онъ человѣкъ честный, онъ арендуетъ 250 дес. земли и раздаетъ по участкамъ мужикамъ, не требуя отъ послѣднихъ впередъ денегъ.

Товарищъ Прокурора проситъ показать г.г. присяжнымъ засѣдателямъ разорванную росписку. Судъ исполняетъ это требованіе.

Гульинъ, по предъявленіи ему разорванной росписки объясняетъ, что это его росписка, но денегъ онъ по ней никогда не получалъ.

Волостной старшина Сажовъ. Иванъ Савельевъ позвалъ меня дѣлать обыскъ у Гульина, который, по его словамъ, торговалъ безъ патента. Я взялъ съ собою писаря. Мы у Гульина въ домѣ застали двухъ мужиковъ; на столѣ передъ ними стояли: самоваръ, чашки, чай, отъ 5—6 крендельковъ, бутылка вина и 2 рюмки. Въ домѣ мы вина не нашли, а отыскали бочку дегтю. Объ обыскѣ писарь „карандашемъ“ написалъ актъ. Потомъ мы вышли въ кабакъ къ Ивану Савельеву пить чай и наливку. (Отвѣчая на вопросы А. Д. Любавскаго). Гульинъ тутъ показывалъ намъ двѣ долговыя росписки, но какія это росписки, я по своему неграмотству не знаю. Потомъ мнѣ Савельевъ написалъ записку, что они помирились съ Гульинымъ. Тогда я разорвалъ актъ осмотра (въ пуб-

ликѣ и между присяжными ропотъ). Я неграмотный. Для обыска я не бралъ съ собой добросовѣстныхъ.

Крестьянинъ Панкратъ Алексѣевъ. При мнѣ въ 1869 г., на второй недѣли поста, Иванъ Савельевъ просилъ въ займы 100 р. у Гульина. Послѣдній сказалъ ему: вѣдь ты мнѣ долженъ еще 47 р. с. Объ обыскѣ на счетъ вина у Гульина я знаю: всѣ въ деревнѣ сожалѣли, что онъ сдѣлался жертвою такого обмана. Чтобы замять это дѣло, Гульина заставили дать росписку въ 70 р. Савельеву и разорвать свои росписки на Савельевыхъ. Это знаетъ наша вся деревня. Гульинъ теперь уже 9 й годъ у насъ староста церковный: онъ человѣкъ хорошій.

Волостной писарь Салововъ (старикъ). Меня пригласили сдѣлать обыскъ у Гульина: вина въ домѣ и ничего незаконнаго мы не нашли. Я „карандашемъ“ написалъ актъ осмотра. Потомъ мы пошли въ питейное заведеніе къ Ивану Савельеву. Тутъ Гульинъ, придя къ намъ, показывалъ двѣ долговыя росписки, я не помню кѣмъ были подписаны эти росписки. Чрезъ нѣсколько дней Алексѣй Савельевъ, написалъ старшинѣ письмо, въ которомъ говорилъ, что помирился съ Гульинымъ, мы разорвали актъ осмотра. Я слышалъ стороной, что за окончаніе дѣла миромъ Савельевъ получилъ отъ Гульина росписку.

Защитникъ А. Д. Любавскій: я усматриваю разнорѣчіе въ показаніи свидѣтеля Соловова: Судебному Слѣдователю онъ объяснилъ, что самъ Алексѣй Савельевъ говорилъ ему, что за окончаніе дѣла миромъ онъ, Савельевъ, получилъ отъ Гульина росписку въ 70 р. Теперь же Салововъ говоритъ, что слышалъ стороной, и не знаетъ цифры росписки. Я прошу прочесть прежнее показаніе Саловова, (на л. 49 подлиннаго дѣла).

Судъ постановилъ: прочесть прежнее показаніе свидѣтеля Саловова.

Показаніе это читается на Судѣ и состоитъ въ слѣдующемъ: я Салововъ самъ слышалъ отъ Алексѣя

Савельева, что ему Гульинъ подписалъ росписку въ 70 р. за прекращеніе дѣла о продажѣ вина незаконно. За это я тогда назвалъ Гульина дуракомъ (движеніе между присяжными).

Изъ справки о судимости оказалось, что Гульинъ прежде подъ судомъ не состоялъ.

Товарищъ Прокурора (В. А. Соколовъ), произнесъ обвинительную рѣчь: Мм. Гг.! Крестьянинъ Семенъ Гульинъ обвиняется въ разорваніи долговой росписки, выданной имъ Алексѣю Савельеву на 70 р. с. Для того, чтобы въ этомъ дѣяніи заключались признаки преступленія (ст. 1657 улож. о наказ.), необходимо: 1) чтобы документъ былъ разорванъ, поврежденъ, и 2) чтобы при этомъ лице, уничтожающее документъ, руководствовалось корыстною цѣлью, желаніемъ доставить себѣ противозаконную выгоду. Разсматривая съ этой точки зрѣнія настоящее дѣло, оказывается: что Гульинъ долженъ быть обвиненъ, ибо: 1) росписка на 70 р., выданная имъ Савельеву, и по которой онъ уже уплатилъ 20 р., была разорвана Гульинымъ, послѣдній въ этомъ сознался и вы на судѣ, мм. гг., видѣли клочки этой росписки; 2) разрывая эту росписку Гульинъ имѣлъ въ виду достиженіе своей выгоды: онъ этимъ освобождался отъ обязанности уплатить остальные должные имъ 50 р., слѣдовательно, тутъ заключалось желаніе доставить себѣ противозаконную выгоду. Затѣмъ Товарищъ Прокура пространно разъяснилъ, что всѣ оправданія Гульина не имѣютъ основанія и не уничтожаютъ содѣяннаго имъ проступка: не доказано, чтобы Алексѣй Савельевъ дѣйствительно разорвалъ двѣ росписки на 147 р., по которымъ будто бы братъ его Иванъ Савельевъ былъ долженъ Гульину; да и это обстоятельство не имѣетъ существеннаго значенія для дѣла. Показаніе свидѣтелей о разорваніи волостнымъ старшиной и писаремъ акта осмотра объ обыскѣ въ домѣ Гульина—можетъ служить основаніемъ лишь къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія противъ стар-

шины и писаря или Савельева, если бы даже росписка въ 70 р. и была безденежна. Гульинъ не имѣлъ права разорвать ее, а долженъ былъ дѣйствовать въ порядкѣ, указанномъ законами: онъ долженъ былъ просить судъ гражданскій о признаніи росписки безденежною. Такимъ образомъ, по мнѣнію Товарища Прокурора, при доказанности факта преступленія Гульина, послѣдній долженъ быть обвиненъ.

Защитникъ (А. Д. Любавскій) возразилъ: Гг. присяжные засѣдатели! Настоящее дѣло принадлежитъ къ числу тѣхъ, разсмотрѣніе которыхъ можетъ быть предоставлено только вамъ, какъ представителямъ общественнаго мнѣнія. Одно лишь формальное разсмотрѣніе дѣянія Гульина, по тѣмъ правиламъ, которыми руководствовались наши прежніе суды, (нынѣ отмѣненные правительствомъ), было бы осужденіемъ невиннаго! Наше правительство, желая отмѣнить недостатки прежняго судопроизводства, (именно: лишеніе судей всякой самостолтельности, систему формальныхъ доказательствъ, устраненіе въ судьяхъ элемента личнаго убѣжденія)— ввело въ Россіи учрежденіе присяжныхъ засѣдателей. Ваше назначеніе, мм. гг., (въ составѣ новыхъ судебныхъ учрежденій) и состоитъ именно въ томъ, чтобы формальному разсмотрѣнію дѣла судомъ, предшествовалъ безбоязненный, безапелляціонный приговоръ, основанный исключительно на внутреннемъ убѣжденіи, на томъ понятіи о справедливомъ и несправедливомъ, которое находится въ душѣ каждаго изъ насъ, и вслѣдствіе котораго вы никогда не пожертвуете судьбою вашего ближняго—узкимъ юридическимъ соображеніямъ: вы прежде разсмотрите вопросъ, дѣйствительно ли виновенъ вашъ ближній, дѣйствительно ли нужно подвергнуть его наказанію (мученію)?

Подсудимый Гульинъ учинилъ сознаніе, что онъ разорвалъ долговую росписку въ 70 р., по которой уже уплатилъ 20 р. с. Но онъ прибавилъ, что эта росписка получена была отъ него черезъ вымогатель-

ство, почти въ видѣ лихоимства, при содѣйствіи должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, при самомъ явномъ нарушеніи законовъ, такъ какъ актъ осмотра по уголовному дѣлу былъ разорванъ за извѣстную денежную сумму, которую Гульинъ обязался уплатить Савельеву.

И такъ въ этомъ дѣлѣ мы должны остановиться на томъ: есть ли Гульинъ человѣкъ преступный, или же напротивъ того, пострадавшій отъ преступленія другихъ лицъ?

Гульинъ несомнѣнно есть жертва преступленія другихъ лицъ и самъ г. Товарищъ Прокурора говоритъ, что можетъ возникнуть вопросъ о преданіи этихъ лицъ уголовному суду. По этому дѣлу—ясно какъ день, какъ свѣтъ, какъ истина—на судебномъ слѣдствіи разъяснилось, что Гульинъ никогда не получалъ по росписке 70 р. отъ Савельева, что росписка эта была имъ выдана при вымогательствѣ другихъ лицъ, составившихъ для достиженія сей цѣли какъ бы незаконное сообщество. Писарь Салововъ Судебному Слѣдователю и вамъ, мм. гг., заявилъ, что самъ Алексѣй Савельевъ говорилъ ему, что росписка въ 70 р. получена имъ, Савельевымъ, отъ Гульина за окончаніе миромъ дѣла о продажѣ вина. И такъ мы имѣемъ въ семъ сознаніе обвинителя. Крестьянинъ Алексѣевъ объяснилъ вамъ, что вся деревня жалѣла Гульина, который выдалъ росписку въ 70 р. безденежно, и сдѣлался жертвою обмана. Писарь Салововъ даже назвалъ „дуракомъ“ Гульина за то, что онъ выдалъ росписку Савельеву.

Обстоятельства, предшествовавшія выдачѣ Гульинымъ долговой росписки, могутъ возбудить негодованіе всякаго честнаго человѣка. Иванъ Савельевъ занимаетъ деньги у Гульина и дѣлаетъ на него доносъ, что онъ безпатентно торгуетъ виномъ. Какъ проговорился передъ вами Алексѣй Савельевъ, онъ самъ подославъ къ Гульину двухъ мужиковъ, которые бы подъ видомъ

гостей, содѣйствовали уличенію его. Но это коварство, эта хитрость, не удались вполнѣ: по пятамъ подосланныхъ гостей, (ругающихся надъ добродѣтелью нашего народа—гостепріимствомъ)—врываются въ домъ Гульина: старшина, писарь и Алексѣй Савельевъ. На столѣ у Гульина стояли самоваръ, чай, кренделя, бутылка вина. Очевидно, что тутъ не могло возникнуть и тѣни обвиненія въ продажѣ вина, ибо кто можетъ быть лишенъ права угостить виномъ и чаемъ своихъ гостей, въ домѣ Гульина вина не найдено, даже подосланные мужики—и тѣ ничего преступнаго не могли найти, тѣмъ не менѣе старшина и писарь составляютъ незаконный актъ, они угрожаютъ Гульину уголовнымъ судомъ, громаднымъ штрафомъ—и вымогаютъ у него этимъ выдачу росписки, которую Гульинъ и разорвалъ обуреваемый чувствомъ негодованія, столь свойственнымъ всякому человѣку, сдѣлавшемуся жертвою обмана, подвергнутому незаконнымъ преслѣдованіямъ, психически насилуемому.

И какой примѣръ могъ по этому дѣлу почерпнуть Гульинъ изъ дѣйствія законныхъ властей: эти власти дѣлаютъ у него незаконный обыскъ, безъ понятыхъ составляютъ неправильный актъ, незаконно разрываютъ этотъ актъ; эти лица даже не были преданы уголовному преслѣдованію!

Гульинъ не обманщикъ, онъ богатый землевладѣлецъ и имѣетъ въ арендѣ 250 дес. земли, онъ уже 9 лѣтъ состоитъ въ своемъ селѣ церковнымъ старостою, онъ никогда не состоялъ подъ судомъ, его односельцы уже произнесли надъ этимъ дѣломъ свой приговоръ—„они жалѣли Гульина, который сдѣлался жертвою обмана“. Вы оправдаете Гульина, мм. гг, и этимъ докажете, что вы признаете его не развращеннымъ и преступнымъ злодѣемъ, а человѣкомъ, пострадавшимъ отъ неправды другихъ лицъ.

Защитникъ (П. П. Зуровъ) произнесъ: Гг. присяжные засѣдатели! Обстоятельства этого дѣла, сокрытыя

причины дѣйствій Гульина, неправды и обманы лицъ, дѣлавшихъ у Гульина обыскъ, настолько разъяснились, что безъ сомнѣнія истина вполнѣ раскрылась передъ вами, а истина состоитъ въ томъ, что невозможно обвинить Гульина, не обвинивъ невиннаго! Гульинъ невиноватъ въ томъ, что относительно его нарушили законы, сдѣлавъ у него незаконный обыскъ, подослали къ нему коварныхъ гостей, запугали его (честнаго и малограмотнаго крестьянина) уголовнымъ судомъ, лихоимственно получили отъ него росписку въ 70 р. и незаконно разорвали составленный актъ. Всѣ эти предшествовавшія неправды, совершенно извиняютъ и разъясняютъ поступокъ Гульина. Я вполнѣ согласенъ съ моимъ досточтимымъ товарищемъ по защитѣ, что можетъ быть на скамьѣ подсудимыхъ слѣдовало бы сидѣть не Гульину, а тѣмъ лицамъ, которыя были нравственные и умственные виновники его дѣянія, которые составили противъ него нѣчто въ родѣ заговора съ цѣлью, подъ прикрытіемъ закона, поживиться отъ Гульина. Но я не Прокуроръ, мм. гг., обвиненіе другихъ лицъ не составляетъ моей обязанности, не можетъ быть для меня пріятно, я оставляю этотъ предметъ въ сторонѣ.

Я приведу вамъ одинъ доводъ, который говоритъ въ пользу оправданія Гульина: такъ какъ на судѣ доказано, что Гульинъ не получалъ въ дѣйствительности никакихъ денегъ по роспискѣ отъ Савельева, то черезъ разорваніе росписки онъ не присвоивалъ себѣ чужихъ денегъ, росписка, основанная на лихоимственныхъ изворотахъ, (ст. 1529 Т. X, ч. I, зак. гр.), какъ недѣйствительная и преступная по существу своему, въ силу закона, въ глазахъ его не могла имѣть никакихъ юридическихъ послѣдствій. И такъ и по чувству правды, и по чувству совѣсти, и во вниманіе къ тому, что Гульинъ своими односельцами признается человѣкомъ достойнымъ и честнымъ, и уже 9-й годъ

церковный староста, я прошу васъ произнесть оправдывающій приговоръ.

Послѣ того стороны, (въ особенности Товарищъ Прокурора и П. П. Зуровъ), еще разъ обмѣнялись возраженіями.

На предложенный гг. присяжнымъ засѣдателямъ для разрѣшенія вопросъ: „виновенъ ли крестьянинъ Семенъ Терентьевъ Гульинъ въ томъ, что разорвалъ росписку въ 70 р., выданную имъ купеческому сыну Алексѣю Савельеву,—съ цѣлью присвоенія должныхъ по ней 50 р. денегъ“—Присяжные засѣдатели отвѣчали: „нѣтъ не виновенъ“.

Тульскій Окружной Судъ постановилъ: крестьянина Семена Терентьева сына Гульина считать по суду оправданнымъ.

VIII.

Дѣло о шести лѣсныхъ стражахъ, обвиняемыхъ въ употребленіи на свои надобности казеннаго лѣса.

(Засѣданіе Тульскаго Окружнаго Суда, въ г. Новосили, отъ 27 января 1871 года. Предсѣдалъ Членъ Суда П. Н. Шепелевъ, члены: П. И. Курносовъ, и Почетный Мировой Судья А. Ф. Ларіоновъ; обвинялъ Товарищъ Прокурора К. Е. Березинъ; защищалъ А. Д. Любавскій).

Обвинительный актъ состоялъ въ слѣдующемъ:

»Въ апрѣлѣ 1866 года, въ лѣсной дачѣ, при с. Казари, Ямской слободы и д. Орловкѣ, Новосильскаго уѣзда, была открыта самовольная порубка 986 дубовыхъ деревъ, на сумму 1377 р. 50 коп. Изъ числа ихъ только 395 дубовъ и 6 возовъ хвороста, стоимостью на 782 руб. 82½ коп., отысканы у крестьянъ поименованныхъ селеній.

„По этому Управленіе Государственныхъ Имуществъ возбудило преслѣдованіе противъ лѣсной стражи, у которой, при описи имущества, оказались постройки и деревья, указывавшія на умышленное допущеніе поруб-

ки и употребленіе лѣса въ свою пользу. Такъ у полѣсовщика Ивана Худякова найдены двѣ избы, клѣть, закромъ и доски изъ дубоваго дерева и до 40 дубовъ; у полѣсовщика Захара Соскова—двѣ дубовыя избы и 50 деревъ; у Алексѣя Тарасова—изба и срубъ изъ дуба; у пожарнаго старосты Блудова—срубъ изъ сыраго дубоваго лѣса, дубовые полозья, 30 дер. и 66 дубовъ.

„На предварительномъ слѣдствіи, пожарный староста Блудовъ и полѣсовщики: Агашковъ, Гречихинъ, Сосковскій, Тарасовъ, Рединкинъ и Худяковъ показали, что за лѣсною дачей, находящейся близь селенія, они бдительно зимою и въ дурную погоду слѣдить не могли, но сами лѣсомъ не пользовались и рубить не дозволяли. Найденныя же у нихъ постройки возведены изъ выданнаго имъ лѣса отводимой ежегодно обществу очередной лѣсосѣки и изъ деревъ, полученныхъ ими за исполненіе обязанностей лѣсной стражи.

„Волостной старшина Алпатовъ и сельскіе старосты—Павелъ Зубовъ и Андрей Брусовъ объяснили, что лѣсная стража имъ о порубкахъ не доносила.

„Такъ какъ изъ изложеннаго видно: 1), что часть построекъ лѣсной стражи оказалась новою и изъ сыраго дерева; 2) что въ виду количества найденныхъ дубовъ, объясненія лѣсной стражи, о способѣ пріобрѣтенія ихъ, представляются неправдоподобными; 3) что, судя по размѣрамъ открытой лѣсничимъ порубки и величинѣ деревъ, нельзя допустить, чтобы она была произведена безъ вѣдома лѣсной стражи; 4) что относительное небольшое пространство лѣсной дачи въ 431 дес. 1102 саж., существованіе тамъ караулки, выстроенной осенью 1863 г., и численность стражи дѣлали надзоръ вполнѣ возможнымъ и 5), что о порубкахъ никому заявляемо не было, но поименованная лѣсная стража обвиняется въ употребленіи на свои надобности ввѣреннаго имъ по должности лѣса и въ небрежномъ храненіи его, что предосмотрѣно 351 и 354 ст. улож. о наказ,

„Вслѣдствіе сего пожарный староста Александръ Федоровъ Блудовъ, 65 лѣтъ, полѣсовщики: Михаилъ Варламовъ Агашковъ, 57 лѣтъ, Захаръ Гурѣевъ Сосковскій, 36 лѣтъ, Трофимъ Тихоновъ Рединкинъ, 33 лѣтъ и Иванъ Архиповъ Худяковъ, 36 лѣтъ, предаются, на основаніи 201 ст. уст. угол. суд., суду Тульскаго Окружнаго Суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей".

Подсудимые, отвѣчая на вопросы Предсѣдателя, виновными себя не признали.

Судебное слѣдствіе подтвердило вполнѣ обстоятельства, изложенныя въ обвинительномъ актѣ, и сверхъ того разъяснило, что каждому лѣсному сторожу въ годъ выдавалось изъ дачи по два дерева.

Товарищъ Прокурора въ главныхъ основаніяхъ привелъ, что дѣло это отличается отъ всѣхъ тѣхъ, которыя были разсмотрѣны Присяжными Засѣдателями въ эту сессію. Предметъ его составляютъ противузаконные поступки должностныхъ лицъ, лѣсныхъ сторожей, которые небрежно хранили лѣсъ и употребляли его на свои надобности. Дѣянія эти сопряжены съ вредомъ для государства, для казны. Казна оказала довѣріе лѣснымъ сторожамъ, довѣрила имъ храненіе лѣса,—а они злоупотребили этимъ довѣріемъ, учинили преступное расхищеніе лѣса. Изъ описи имущества подсудимыхъ видно, что каждый изъ нихъ бралъ себѣ лѣсъ. Въ заключеніе Товарищъ Прокурора, ссылаясь на подробности, изложенныя въ обвинительномъ актѣ и подтвержденныя судебнымъ слѣдствіемъ, требовалъ обвиненія всѣхъ подсудимыхъ.

Защитникъ (А. Д. Любавскій) произнесъ: „Не безъ волненія, мм. г.г., приступаю я къ защитѣ настоящаго дѣла въ виду огромнаго числа обвинительныхъ приговоровъ, постановленныхъ вами въ настоящую сессію. И такъ, общественная безопасность, устрашеніе преступниковъ, законъ возмездія достигнуты вашими рѣшеніями: нынѣ вы имѣете право, отложивъ, предвзятыя соображе-

нія о необходимости наказанія, безпристрастно разсмотрѣть въ настоящемъ дѣлѣ, какъ обстоятельства обвиняющія подсудимыхъ, такъ и обстоятельства ихъ оправдывающія. Величіе учрежденія присяжныхъ и состоитъ именно въ томъ, что вы можете по внушенію вашей совѣсти, ничѣмъ не стѣсняемому, взвѣсить доводы за и противъ, и постановить вашъ безпристрастный, безапелляціонный приговоръ.

Подсудимые обвиняются: 1) въ небрежномъ храненіи лѣса, и 2) въ употребленіи лѣса на свои нужды.

Небрежное храненіе лѣса есть преступленіе, которое въ нашемъ отечествѣ представляетъ свой роковой, самобытный, своеобразный характеръ. Россія имѣетъ огромную территорію, значительныя пространства которой покрыты лѣсами. Лѣсное хозяйство еще находится у насъ на низшей степени развитія. Причиною тому и огромное протяженіе лѣсныхъ дачъ, и немногочисленность населенія и отсутствіе мѣръ къ сбереженію лѣсовъ. Казна не можетъ сама охранять лѣса отъ порубокъ и прибѣгла къ слѣдующей мѣрѣ: она предоставляетъ крестьянскимъ обществамъ сберегать общественные лѣса, для достиженія сей цѣли общества назначаютъ изъ среды себя лѣсныхъ сторожей. Положеніе сихъ послѣднихъ не разъ обращало на себя вниманіе нашей литературы: никто изъ крестьянъ не идетъ добровольно въ лѣсные сторожа въ виду огромной отвѣтственности, сопряженной съ сей должностью, ибо лѣсной сторожъ отвѣчаетъ передъ казною за всякое пропавшее въ лѣсу дерево. Охранять лѣсъ вполнѣ нѣтъ никакой возможности, ибо можно ли въ дачѣ въ 431 дес. лѣсу, ежеминутно усмотрѣть за порубкой каждаго дерева. Отъ этого происходитъ слѣдующее печальное явленіе: общество крестьянъ избираетъ людей, у которыхъ нѣтъ поддержки въ средѣ общества, и подъ угрозою отдачи ихъ въ рекруты возлагаетъ на нихъ обязанности полѣсовщиковъ, (жертвъ искупленія) то есть такія обязанности, вслѣдствіе которыхъ они непремѣнно разъ въ каждые три года должны состоять подъ судомъ за каждое пропав-

шее въ лѣсу дерево. Въ этомъ статистическомъ выводѣ я убѣдился изъ моей судебной практики. И такъ, передъ вами, м.м. г.г., не преступники, а люди, на которыхъ общество возложило, такъ сказать, обязанность при всякой пропажѣ лѣса быть подсудимыми, козлами отпущенія грѣховъ за другихъ. Сверхъ того обратите вниманіе, на то, что лѣсные сторожа обвиняются какъ чиновники, какъ лица должностныя, между тѣмъ посмотрите на подсудимыхъ: они въ лаптяхъ; что имѣютъ они общаго съ чиновниками, въ которыхъ мы привыкли видѣть образованіе, достаточность, авторитетъ власти, строгое и соизмѣримое съ ихъ силами распредѣленіе ихъ обязанностей? Говоря по совѣсти, м.м. г.г., я вижу на скамьѣ подсудимыхъ почти крѣпостныхъ ради лѣснаго хозяйства, мучениковъ, въ которыхъ наше переходное законодательство послѣ указа 19 февраля 1861 г. хочетъ видѣть своихъ чиновниковъ.

Обращаюсь затѣмъ къ обвиненію подсудимыхъ въ употребленіи лѣса на свои нужды. Самое важное и единственное доказательство противъ нихъ состоитъ въ томъ, что у нихъ найдены постройки изъ новаго лѣса и лѣсной матеріалъ. Но если бы у каждаго изъ крестьянъ Новосильскаго уѣзда сдѣлать обыскъ, то оказалось бы, что у него есть деревянныя постройки и лѣсной матеріалъ. Лѣсъ могъ быть купленъ, вымѣненъ у другихъ лицъ; вообще тутъ мы впадаемъ въ область предположеній, неимѣющихъ никакой силы для судебнаго дѣла. Въ виду этого я прошу васъ, м.м. г., произнесть относительно подсудимыхъ—этихъ жертвъ лѣснаго хозяйства—оправдывающій приговоръ (ощущеніе).

Послѣ того стороны еще два раза обмѣнялись возраженіями.

Судъ постановилъ къ разрѣшенію присяжныхъ засѣдателей слѣдующіе вопросы: 1) виновенъ ли Александръ Блудовъ въ употребленіи на свои надобности казеннаго лѣса, 2) виновенъ ли въ томъ же Михаилъ Агашковъ; 3) виновенъ ли въ томъ Захаръ Сосковскій;

4) виновенъ ли въ томъ Алексѣй Тарасовъ; 5) виновенъ ли въ томъ Трофимъ Рединкинъ; 6) виновенъ ли въ томъ Иванъ Худяковъ. 7) Виновенъ ли Александръ Блудовъ въ небрежномъ храненіи ввѣреннаго по службѣ ему казеннаго лѣса; 8, 9, 10, 11, 12, виновны ли въ этомъ Агашковъ, Сосковскій, Тарасовъ, Рединкинъ, Худяковъ? 13, Если подсудимый Блудовъ виновенъ по первому вопросу, то возратилъ ли онъ взятый или растраченный имъ лѣсъ? 14, 15, 16, 17, 18, тѣже вопросы относительно другихъ подсудимыхъ.

На каждый изъ первыхъ 12 вопросовъ присяжные отвѣтили „нѣтъ, не виновенъ“; а остальные вопросы оставили безъ отвѣта.

Судъ постановилъ: подсудимыхъ Блудова, Агашкова, Сосковскаго, Тарасова, Рединкина и Худякова, на основаніи 1 п. 771 ст. уст. уг. суд., считать по суду оправданными; 2) судебныя издержки по сему дѣлу отнести на счетъ казны.

IX.

Дѣло о подложномъ составленіи духовнаго завѣщанія мѣщанки Натальи Сысоевой.

(Шесть подсудимыхъ) (*).

(Засѣданіе Временнаго Уголовнаго Отдѣленія Тульскаго Окружнаго Суда 20 мая 1871 г., въ г. Бѣлевѣ. Предсѣдательствовалъ Товарищъ Предсѣдателя Н. Ал. Васильевъ; Члены: Н. И Куриосовъ и почетный Мировой Судья А. С. Пересвѣтовъ; обвинялъ Товарищъ Прокурора В. К. Фонъ-Плеве; защищали А. Д. Любавскій и Е. Д. Тихомировъ.

Обвинительный актъ по сему дѣлу состоялъ въ слѣдующемъ:

(*) Настоящее дѣло привлекло къ слушанію его многочисленную публику, болѣе 200 человѣкъ; въ заднихъ рядахъ зрители становились на скамейки, чтобы лучше видѣть. Подсудимые всѣ люди пожилые, бывшіе чиновники, нынѣ служащіе по найму. Между ними подсудимый Кондратьевъ поражаетъ своею приличною наружностью и манерами.

„Жена Бѣлевскаго 2 гильдіи купца Марья Васильевна Баранова, 18 мая 1866 года, представила въ Тульскую Палату Гражданскаго Суда для засвидѣтельствованія духовное завѣщаніе своей матери Натальи Федоровной Сысоевой. Завѣщаніе писано 18 февраля 1866 г. Бѣлевскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Николаевымъ Рождественскимъ, за безграмотствомъ Сысоевой подписано коллежскимъ регистраторомъ Дорименфонтомъ Ивановымъ Сахаровымъ, въ качествѣ свидѣтелей подписались: коллежскій регистраторъ Николай Петровъ Непарокомовъ, канцелярскій служитель Илья Андреевъ Кондратьевъ и Бѣлевскій мѣщанинъ Сергѣй Андреевъ Кательниковъ. Въ этомъ завѣщаніи Сысоева отказывала своей дочери, Марьѣ Барановой, свой деревянный домъ, съ тѣмъ чтобы она, Баранова, выдѣлила своему брату Федору 50 руб. и внучкѣ Сысоевой Аннѣ Васильевой 50 руб.

„Противъ этого завѣщанія сыновья Сысоевой, Федоръ и Алексѣй Васильевы Сысоевы, изъявили споръ, доказывая, что завѣщаніе составлено уже послѣ смерти ихъ матери; доказательства свои Сысоевы основывали главнымъ образомъ на томъ: 1) что завѣщаніе, какъ значится, писано 18 февраля 1866 года, по просьбѣ Сысоевой, Бѣлевскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Николаевымъ Рождественскимъ, между тѣмъ Рождественскій 17 февраля былъ въ Бѣлевской Лѣчебницѣ на излѣченіи; 2) что мужъ Барановой, купецъ Барановъ, дня за два до смерти Сысоевой, обращался къ духовнику ея, священнику Бѣлевской Единовѣрческой церкви и просилъ его написать духовное завѣщаніе отъ Сысоевой въ пользу Барановой, предлагая за это 15 руб., но священникъ отказался; 3) что одинъ изъ свидѣтелей, Непарокомовъ, подписывалъ духовное завѣщаніе уже въ маѣ 1866 года въ канцеляріи Бѣлевскаго Магистрата, куда ему приносилъ завѣщаніе Бѣлевскій мѣщанинъ Ивановскій,—все это видѣлъ чиновникъ Магистрата Воскресенскій.

„По опредѣленію Тульской Палаты Гражданскаго Суда споръ, предъявленный противъ духовнаго завѣщанія Сысоевой, признанъ былъ уважительнымъ; духовное завѣщаніе уничтожено и дѣло о составленіи этого завѣщанія обращено къ производству въ уголовномъ порядкѣ.

„Слѣдствіемъ были обнаружены слѣдующія обстоятельства:

„Мѣщанинъ Иванъ Николаевъ Рождественскій, писавшій завѣщаніе, находился на излѣченіи въ Бѣлевской Лѣчебницѣ съ 14 января 1866 года по 12 марта, а умеръ 14 августа. Фельдшеръ Лѣчебницы Михаилъ Егоровъ Птицынъ удостовѣрилъ, что во время болѣзни къ Рождественскому приходили, но только мужчины; изъ женщинъ же онъ, Птицынъ, никого не видалъ, кто бы приходилъ къ Рождественскому. Духовнаго завѣщанія, находясь въ больницѣ, Рождественскій никому не писалъ.

„Священникъ Единовѣрческой въ г. Бѣлевѣ церкви Матвѣй Васильевъ Казанскій, духовникъ Сысоевой, показалъ, что незадолго до смерти Сысоевой (умершей 25 апрѣля) къ нему приходилъ купецъ Григорій Барановъ, мужъ дочери Сысоевой Марьи Васильевой, и просилъ составить духовное завѣщаніе о томъ, что Сысоева отказываетъ въ пользу жены его домъ, но онъ составить такое завѣщаніе не согласился. Предъ смертію, Сысоева, по показанію этого свидѣтеля, положительно лишена была разсудка; при немъ, свидѣтелѣ, когда Сысоева уже лежала въ постели, она на вопросъ дочери, кому она оставляетъ домъ, отвѣчала: „тебѣ“; потомъ когда къ ней подходилъ сынъ ея Федоръ Сысоевъ и спрашивалъ, кому она оставляетъ домъ, то отвѣчала: „вамъ съ братомъ“.

„Губернскій секретарь Николай Сергѣевъ Воскресенскій, чиновникъ Бѣлевскаго Городскаго Магистрата, показалъ, что весною 1866 г., въ Магистратъ приходилъ служившій тамъ Николай Петровъ Ненаро-

комовъ и Бѣлевскій мѣщанинъ Николай Михайловъ Ивановскій; послѣдній вынулъ изъ кармана какую то бумагу и подалъ ее Ненарокомову, а тотъ сталъ ее подписывать. Онъ, свидѣтель, подошелъ къ столу, на которомъ сидѣлъ Ненарокомовъ и, стоя сзади, видѣлъ, что Ненарокомовъ подписываетъ духовное завѣщаніе мѣщанки Сысоевой. Зная, что Сысоева уже дней девять, какъ умерла, онъ свидѣтель, замѣтилъ Ненарокому: „Николай Петровичъ, что ты дѣлаешь?“ на это Ненарокомовъ отвѣтилъ: это дѣло мое.

„По показанію бывшаго Бѣлевскаго купца, а нынѣ мѣщанина Григорія Михайлова Баранова, покойная Сысоева пришла къ нему въ домъ на второй недѣли великаго поста 1866 г., принесла съ собою духовное завѣщаніе и просила его засвидѣтельствовать. Онъ, Барановъ, пошелъ за свидѣтелями въ Магистратъ; дорогой на базарѣ встрѣтилъ Сахарова, котораго попросилъ придти къ нему въ домъ. Въ Магистратѣ онъ нашелъ Ненарокомова и Кондратьева, которыхъ также пригласилъ въ свидѣтели. Когда онъ возвратился домой, то нашелъ тамъ Ненарокомова, Кондратьева и Сахарова, не доставало еще одного свидѣтеля. Въ это время мимо дома шелъ мѣщанинъ Кательниковъ, котораго онъ также пригласилъ зайти къ нему. Всѣхъ свидѣтелей Сысоева сама просила подписаться на завѣщаніи. Мѣщанинъ Ивановскій въ этомъ дѣлѣ никакого участія не принималъ и въ то время въ домѣ у него не былъ.

„Жена Баранова, Марья Васильева Баранова, подтвердивъ, въ главномъ, показаніе мужа, добавила, что Ивановскому покойная ея мать даже и не открывалась въ томъ, что она составила духовное завѣщаніе; при подписи завѣщанія свидѣтелями, Ивановскаго не было.

„Коллежскій регистраторъ Доремедонтъ Ивановъ Сахаровъ, подписавшійся на завѣщаніи за Сысоеву, показалъ, что на второй недѣли великаго поста 1866 г.,

онъ проходилъ часовъ въ 11 или 12 мимо дома Барановыхъ; Барановъ, увидя его, пригласилъ къ себѣ подписаться на духовномъ завѣщаніи Сысоевой за безграмотствомъ ея. Войдя въ домъ къ Баранову, онъ, Сахаровъ, увидѣлъ тамъ только Баранова, жену его и старуху Сысоеву. Вслѣдъ за нимъ вошелъ Ненарокомовъ, Ненарокомовъ также подписалъ духовное завѣщаніе послѣ него, Сахарова, и сейчасъ же ушелъ. Изъ посторонннихъ при Ненарокомовѣ никого не было кромѣ одного Ивановскаго, который пришелъ вмѣстѣ съ Ненарокомовымъ. Послѣ ухода Непарокомова онъ, Сахаровъ, остался еще нѣсколько времени въ домѣ Баранова и при немъ вошли Кондратьевъ и Кательниковъ.

„Коллежскій регистраторъ Николай Петровъ Непарокомовъ, подписавшійся на завѣщаніи въ качествѣ свидѣтеля, показалъ, что на второй недѣли великаго поста 1866 г., Барановъ часовъ въ 8 или 9 утра, встрѣтилъ его при входѣ въ Магистратъ и просилъ придти подписаться на духовномъ завѣщаніи Сысоевой; вслѣдъ за Барановымъ къ нему пришелъ мѣщанинъ Ивановскій и тоже приглашалъ къ Барановымъ. Часу въ первомъ онъ, Ненарокомовъ, вошелъ къ Барановымъ. Тамъ засталъ онъ Сахарова и Сысоеву. Барановъ при немъ входилъ и выходилъ нѣсколько разъ изъ дому, такъ какъ хлопоталъ о свидѣтеляхъ. Онъ, свидѣтель, также можетъ утвердительно сказать, что видѣлъ Ивановскаго тогда въ домѣ Барановыхъ. Подписавъ завѣщаніе, онъ ушелъ къ себѣ домой, и выходя встрѣтилъ Кондратьева и Кательникова.

„Канцелярскій служитель Илья Андрѣевъ Кондратьевъ, подписавшійся на завѣщаніи въ качествѣ свидѣтеля, показалъ, что въ февралѣ мѣсяцѣ 1866 г. часу въ 9 утра, когда онъ шелъ на службу, встрѣтился онъ съ мѣщаниномъ Ивановскимъ, который просилъ его зайти въ домъ Барановыхъ и подписаться свидѣтелемъ на духовномъ завѣщаніи Сысоевой; по знакомству съ Ивановскимъ онъ, Кондратьевъ, согласился и

тотчасъ же вмѣстѣ съ Ивановскимъ вошелъ къ Барановымъ, Сысоевой онъ не зналъ. Ни Сахарова, ни Ненарокомова, у Баранова въ то время не было. Въ домѣ Барановыхъ Ивановскій указавъ на какую то старуху, сказалъ; „вотъ завѣщательница“. Прочтя духовное завѣщаніе онъ, Кондратьевъ, обратился къ той старухѣ съ вопросомъ „такъ ли“, на что она кивнула головой, но ничего не сказала. Подписавъ завѣщаніе, онъ, Кондратьевъ, тотчасъ же ушелъ къ себѣ домой. При выходѣ отъ Барановыхъ ни Сахарова, ни Ненарокомова онъ не видалъ, а также и Кательникова. Когда же подписывалъ завѣщаніе, то оно было уже подписано и Сахаровымъ и Ненарокомовымъ.

„Мѣщанинъ Сергѣй Алексѣевъ Кательниковъ (умершій 27 апрѣля 1869 г.), подписавшійся также на завѣщаніи въ качествѣ свидѣтеля, показалъ, что 18-го февраля проходилъ онъ около полудни мимо дома Баранова и былъ приглашенъ имъ подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи Сысоевой; у Баранова онъ засталъ Ненарокомова, Кондратьева и мѣщанина Ивановскаго. Завѣщаніе было уже подписано рукоприкладчикомъ Сахаровымъ и свидѣтелями Ненарокомовымъ и Кондратьевымъ.

„Бѣлевскій мѣщанинъ Николай Михайловъ Ивановскій показалъ, что онъ въ 1866 г. жилъ въ домѣ Натальи Федоровой Сысоевой; на второй недѣли великаго поста 1866 г., идя на службу въ Магистратъ, встрѣтилъ онъ Баранова, который передалъ ему, что онъ пригласилъ къ себѣ въ тотъ день Ненарокомова и Кондратьева, чтобы они подписались свидѣтелями на духовномъ завѣщаніи его тещи, Сысоевой, и просилъ его напомнить имъ, чтобы они пришли. При выходѣ изъ Магистрата онъ напомнилъ имъ объ обѣщаніи зайти къ Баранову и часу въ 1-мъ пошелъ къ Баранову съ Ненарокомовымъ. Вслѣдъ за ними пришелъ Кондратьевъ; часа черезъ два Барановъ позвалъ къ себѣ Кательникова, въ это время ни Сахарова, ни

Непарокомова, ни Кондратьева не было въ домѣ Барановыхъ. Предъ приходомъ Кательникова онъ, Ивановскій, тоже уходилъ отъ Баранова, но за нимъ тотчасъ же прислали, какъ только пришелъ Кательниковъ, чтобы указать ему, какъ нужно подписаться.

„И Кательниковъ и Ивановскій показали также, что въ домѣ Барановыхъ, когда подписывалось духовное завѣщаніе Сысоевой, свидѣтелями были двѣ родственницы Сысоевой Новиковы; но Авдотья Васильева Новикова, родная племянница Сысоевой, и Надежда Андрѣева Новикова, невѣстка Сысоевой, показали, что ни о составленіи духовнаго завѣщанія Сысоевой, ни о подписаніи его свидѣтелями въ домѣ Барановой на второй недѣли великаго поста 1866 г. имъ ничего неизвѣстно.

„Купеческая вдова Елизавета Николаева Насонова, жившая около трехъ лѣтъ у Сысоевой, Ольга Федорова Анисимова, родная сестра Сысоевой, невѣстка ея Елизавета Петрова Сысоева также показали, что о духовномъ завѣщаніи Сысоевой имъ ничего неизвѣстно и отъ Сысоевой о немъ они ничего не слыхали.

„По показанію отставнаго коллежскаго регистратора Александра Николаева Смирнова и мѣщанина Григорія Александрова Пущина, Барановъ уже послѣ смерти Сысоевой говорилъ этимъ свидѣтелямъ, что никакихъ актовъ послѣ Сысоевой относительно имѣнія ея не осталось. Барановъ призналъ, что дѣйствительно онъ говорилъ это означеннымъ свидѣтелямъ, но потому, что считалъ излишнимъ разсказывать постороннимъ о своихъ семейныхъ дѣлахъ. Мѣщанинъ Ивановскій на похоронахъ Сысоевой, на вопросъ свидѣтеля мѣщанина Василья Николаева Кочековскаго „говорятъ, что покойница оставила духовное завѣщаніе въ пользу своей дочери“, также говорилъ, что никакого духовнаго завѣщанія Сысоева не оставила. Когда же стало извѣстно, что духовное завѣщаніе Сысоевой предъявлено къ утвержденію и Кочековскій спрашивалъ Ивановскаго

объ этомъ обстоятельствѣ, то Ивановскій замѣтилъ: „я не зналъ, оно было прежде составлено“.

„Изъ обнаруженныхъ такимъ образомъ предварительнымъ слѣдствіемъ обстоятельствъ дѣла оказывается: 1) что духовное завѣщаніе мѣщанки Сысоевой писано мѣщаниномъ Рождественскимъ не 18 февраля 1866 г., какъ значится въ самомъ духовномъ завѣщаніи, а въ какое либо другое время, такъ какъ 18 февраля 1866 г., Рождественскій находился въ Бѣлевской Лѣчебницѣ и по свидѣтельству фельдшера Птицына къ нему въ больницу изъ женщинъ никто не приходилъ и духовнаго завѣщанія никому онъ не писалъ; при томъ сомнительно, чтобы Сысоева въ февралѣ 1866 г. могла выходить изъ дома, такъ какъ ей въ это время было уже 78 лѣтъ и она была очень глуха; 2) что одинъ изъ свидѣтелей, подписавшихся на духовномъ завѣщаніи, именно Ненарокомовъ, подписался на завѣщаніи не 18 февраля, когда по показанію мѣщанина Кательникова подписывалось завѣщаніе всѣми свидѣтелями, а спустя дней десять послѣ смерти Сысоевой, что было уже въ маѣ мѣсицѣ, какъ это положительно удостовѣрилъ свидѣтель Воскресенскій. Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы и остальные свидѣтели, Сахаровъ, Кондратьевъ и Кательниковъ, подписывались на духовномъ завѣщаніи Сысоевой именно въ то время, въ томъ мѣстѣ и при тѣхъ обстоятельствахъ, какъ они показываютъ. Показанія относительно этого, какъ Баранова и его жены, такъ и Сахарова, Ненарокомова, Кондратьева и Кательникова до того разнорѣчатъ между собою и относительно того, какъ они собрались въ домъ Баранова на второй недѣли великаго поста 1866 г., кто съ кѣмъ вмѣстѣ былъ тамъ, и какъ подписывались, что единственно вѣрное заключеніе изъ всѣхъ этихъ показаній можно сдѣлать только то, что всѣ эти лица показываютъ не о томъ, что дѣйствительно было, а что ими придумано было для того, чтобы изъ всѣхъ ихъ показаній выходило, что завѣщаніе Сысоевой бы-

ло подписано ими на второй недѣли великаго поста 1866 г. (между 13—20 февраля). Мѣщанинъ Кательниковъ даже точно указываетъ, что завѣщаніе подписывалось 18 февраля, что было въ Пятницу на второй недѣли великаго поста и значитъ въ самый день написанія духовнаго завѣщанія Рождественскимъ, точность отъ которой, всѣ остальные свидѣтели отказались, показывая только, что дѣло было на второй недѣли великаго поста.

3) Что никто изъ ближнихъ родственниковъ Сысоевой не зналъ о томъ, что она составила духовное завѣщаніе въ пользу своей дочери. 4) Что Барановъ незадолго до смерти Сысоевой обращался къ духовнику ея священнику Казанскому, съ просьбою написать духовное завѣщаніе отъ Сысоевой въ пользу его жены, а послѣ смерти Сысоевой скрывалъ, что послѣ нея осталось духовное завѣщаніе. 5) Что участіе мѣщанина Ивановскаго въ составленіи духовнаго завѣщанія Сысоевой, которое подтверждается и его собственнымъ показаніемъ, и показаніями свидѣтелей, подписавшихся на завѣщаніи, и показаніемъ чиновника Воскресенскаго, отвергается какъ Барановымъ, такъ и его женою; это обстоятельство служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что завѣщаніе Сысоевой составлялось какими то темными путями.

„Совокупность всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ дѣла показываетъ, что духовное завѣщаніе Сысоевой составлено не 18 февраля 1866 г., подписано свидѣтелями также не 18 февраля, и что оно не представляетъ въ себѣ никакихъ ручательствъ, что оно есть выраженіе воли завѣщательницы, а напротивъ всѣ обстоятельства, обнаруженныя слѣдствіемъ, вполнѣ доказываютъ, что это завѣщаніе составлено подложно. А такъ какъ духовное завѣщаніе составлено въ пользу дочери Сысоевой Марьи Васильевой Барановой, и участіе ея мужа въ составленіи этого духовнаго завѣщанія вполнѣ доказано, то не подлежитъ сомнѣнію, что для нихъ главнымъ образомъ и былъ интересъ въ составле-

нін подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени Сысоевой, что они и исполнили при участіи мѣщанина Рождественскаго, коллежскаго регистратора Сахарова, коллежскаго регистратора Ненарокомова, канцелярскаго служителя Кондратьева и мѣщанъ Кательникова и Ивановскаго.

„На основаніи сего Бѣлевскій мѣщанинъ Григорій Михайловъ Барановъ и жена его Марья Васильева Баранова обвиняются въ подложномъ составленіи домашняго духовнаго завѣщанія отъ имени мѣщанки Натальи Федоровой Сысоевой, преступленіи, предусмотрѣнномъ 1691 ст. улож. о наказ.; а коллежскій регистраторъ Доримедонтъ Ивановъ Сахаровъ, коллежскій регистраторъ Николай Петровъ Ненарокомовъ, канцелярскій служитель Илья Андрѣевъ Кондратьевъ и мѣщанинъ Николай Михайловъ Ивановскій въ сообщничествѣ съ Барановыми въ составленіи подложнаго завѣщанія Сысоевой,— преступленіи, предусмотрѣнномъ 1691 и 1696 ст. улож. о наказ., по обвиненію въ чемъ Григорій Барановъ, Марья Баранова, Доримендонтъ Сахаровъ, Николай Ненарокомовъ, Илья Кондратьевъ и Николай Ивановскій подлежатъ суду Тульскаго Окружнаго Суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.“

Отвѣчая на вопросы Предсѣдателя о томъ: “признаютъ ли они себя виновными“, всѣ подсудимые виновными себя не признали.

Затѣмъ было приступлено къ судебному слѣдствію.

Изъ прочтенія показанія Алекѣя Сысоева (сына умершаго) оказалось, что его мать, какъ онъ полагаетъ, за два года до смерти лишилась разсудка.

Свидѣтель рядовой Федоръ Сысоевъ: завѣщанія мать моя не оставляла при живности своей, и о составленіи сего завѣщанія мать моя мнѣ не говорила. Я послѣдніе три года жилъ въ казармѣ, и только навѣщалъ мать. За день до кончины, мать моя на вопросъ, кому она оставляетъ домъ, сказала: „домъ вамъ“. Умерла моя мать 25 апрѣля 1866 г. День 18 февраля 1866

г. я провелъ въ казармахъ до вечера. Мать моя жаловалась мнѣ на брата моего Алексѣя за непочтительность послѣдняго и говорила, что Алексѣя за сіе лишитъ наслѣдства; по просьбѣ матери я жаловался въ Думу на брата Алексѣя, за непослушаніе его матери. Дѣло кончилось ничѣмъ. Мать получала свое пропитаніе отъ Барановыхъ (въ публикѣ ощущеніе). Когда мать моя умерла, она въ разумѣ не мѣшалась.

Защитникъ Любавскій, проситъ г.г. присяжныхъ засѣдателей замѣтить, что передъ смертью Наталья Сысоева въ памяти не мѣшалась.

Свидѣтель Михаилъ Птицынъ. Рождественскій находился въ Бѣлевской Лѣчебницѣ въ бѣлой горячкѣ отъ запоя. Когда онъ сюда поступилъ, я не помню, и вышелъ онъ отсюда въ мартѣ 1866 года. Я самъ былъ въ это время боленъ, и находился въ другой камерѣ Лѣчебницы. Я не видалъ, чтобы Рождественскій писалъ завѣщаніе; при мнѣ онъ занимался перепиской бумагъ. Къ Рождественскому приходила его мать, приходили и другіе. Посѣтители допускались въ больницу болѣе послѣ обѣда.

Священникъ Казанскій (какъ видно изъ прочитаннаго на Судѣ его показанія) нашелъ въ Натальѣ Сысоевой недостатокъ умственныхъ способностей, незадолго до ея смерти. Сысоева при немъ на вопросъ, кому она оставляетъ домъ, отвѣчала Барановой: „вамъ, съ братомъ“. Прежде, она хотѣла составить завѣщаніе въ пользу сына, но завѣщаніе не состоялось. Незадолго до смерти Сысоевой Барановъ просилъ свидѣтеля участвовать въ составленіи завѣщанія въ пользу его жены, но свидѣтель на сіе не согласился.

Чиновникъ Николай Воскресенскій. Въ 1866 г. я служилъ въ Бѣлевскомъ Городовомъ Магистратѣ вмѣстѣ съ чиновникомъ Ненарокомовымъ. Къ послѣднему пришелъ Ивановскій и принесъ ему для подписи завѣщаніе Натальи Сысоевой. Мѣсяца, когда это было, я съ точностью не помню; это было дней 9 или 10 послѣ

смерти Сысоевой. Ненарокомовъ при мнѣ началъ подписываться внизу листа завѣщанія и кончилъ подпись на верхушкѣ листа. (Отвѣчая на вопросы защитниковъ) Я подсматривалъ за Ненарокомовымъ изъ любопытства, я не подкрадывался сзади, я такъ подошелъ; сыщикомъ я не состою (въ публикѣ смѣхъ).

Ненарокомовъ. Я имѣю заявить Суду, что я подалъ доносъ на Воскресенскаго, что онъ продавалъ бумагу изъ архива...

Воскресенскій. Это правда, и по этому доносу было назначено обо мнѣ слѣдствіе черезъ бургомистра; но дѣло кончилось моимъ оправданіемъ, ничего не открыто.

Свидѣтельница Авдотья Новикова. Я видѣла Сысоеву за два дня до смерти ея. Она мнѣ говорила, что домъ хочетъ оставить дочери; Сысоеву кормила Баранова. Когда я видѣла завѣщательницу Сысоеву, она была въ здравомъ разсудкѣ.

Лизавета Насонова. Сысоева при мнѣ померла; я годъ у ней стояла, нанимала квартиру. Я не знала, что она составляетъ завѣщаніе. Она говорила мнѣ, что домъ хочетъ оставить дочери: „Машѣ домъ оставляю“. Когда Сысоева умерла, она была въ памяти.

Жена купца Ольга Онисимова (старушка, подвязана платкомъ на головѣ). Я сестра покойной Сысоевой, о составленіи завѣщанія я не слышала; она мнѣ говорила, что домъ хочетъ оставить дочери.

Елизавета Сысоева. Сысоева передъ смертью говорила, я домъ дочери напишу. Про составленіе завѣщанія я не слышала.

Читается показаніе Смирнова. Послѣ смерти Сысоевой купецъ Барановъ говорилъ мнѣ: „послѣ Сысоевой никакого завѣщанія не осталось“.

Изъ прочитаннаго показанія Пущина видно: Барановъ говорилъ мнѣ, что по смерти Сысоевой завѣщанія не осталось. То же видно и изъ показанія Надежды Новиковой.

Свидѣтель Василій Кочековскій. Въ церкви при

погребеніи Сысоевой Иваповскій сказалъ мнѣ, что Сысоева завѣщанія не оставила.

Изъ справки о судимости оказалось, что подсудимые подъ судомъ не состояли, кромѣ Сахарова, который судился за оскорбленіе мироваго судьи.

Изъ скорбнаго листа о болѣзни переписчика завѣщанія Рождественскаго, видно, что послѣдній съ 14 по 30 января 1866 г. былъ въ Бѣлевской Лѣчебницѣ въ припадкахъ бѣлой горячки; 18 февраля былъ здоровъ, но пробылъ въ Лѣчебницѣ до 12 марта отъ боли въ ногахъ.

Защитникъ Тихомировъ проситъ прочесть листъ 94 подлиннаго дѣла, гдѣ изложено, что Товарищъ Прокурора Тульскаго Окружнаго Суда первоначально полагалъ прекратить это дѣло по недостаточности уликъ.

Товарищъ Прокурора Фонъ Плеве объяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ: 1) что дѣло, полагали прекратить прежде нежели было назначено дополнительное разслѣдованіе, которое раскрыло улики и 2) что нынѣ улики совершенно достаточны для обвиненія подсудимыхъ.

Было приступлено къ судебнымъ преніямъ.

Товарищъ Прокурора В. К. Фонъ Плеве въ пространной обвинительной рѣчи указалъ, что въ апрѣлѣ 1866 г. послѣдовала смерть Сысоевой; Барановы никому не объявляли о существованіи ея завѣщанія. При засвидѣтельствованіи представленнаго Барановымъ завѣщанія Сысоевой, возникъ споръ о подлинности завѣщанія, возбуждено уголовное дѣло. Къ суду были привлечены подписавшіеся на завѣщаніи: рукоприкладчикъ за Сысоеву Сахаровъ, и три свидѣтеля—Непарокомовъ Кондратьевъ и Кательниковъ, (нынѣ умершій). Завѣщаніе Сысоевой помѣчено 18 февраля 1866 г. Смерть завѣщательницы послѣдовала чрезъ два мѣсяца. 18 февраля 1866 г. завѣщаніе составлено быть не могло. Переписчикъ завѣщанія Рождественскій въ тотъ день былъ въ Бѣлевской Лѣчебницѣ, и не могъ быть на дому у завѣщательницы, уже это есть доказательство

подлога. Священникъ Казанскій показалъ, что его уговаривали составить завѣщаніе отъ имени Сысоевой, но онъ на сіе не согласился, зная, что завѣщательница не въ памяти. Воскресенскій удостовѣрилъ, что Ненарокомовъ подписался свидѣтелемъ на семъ завѣщаніи заочно, уже 9 или 10 дней послѣ смерти завѣщательницы. Сами подсудимые впали въ разнорѣчіе: Барановы показали, что завѣщаніе составлено 18 февраля 1866 г. и что Ивановскій въ семъ не участвовалъ, а остальные подсудимые—Сахаровъ, Ненарокомовъ, Кондратьевъ—объяснили, что Ивановскій былъ при составленіи завѣщанія. Родственники Сысоевой и не знали о составленіи ею завѣщанія, вотъ доказательство, что оно подложно. Все это убѣждаетъ Товарища Прокурора, что завѣщаніе было составлено послѣ смерти Сысоевой. Завѣщаніе, по ст. 1010 т. X ч. 1, есть законное выраженіе воли владѣльца о его имуществѣ на случай его смерти. По сему дѣлу воля Сысоевой вовсе не выразилась; завѣщательница была не въ памяти. Свидѣтели вовсе не видали завѣщательницы, они не могли удостовѣрить, что завѣщательница при составленіи завѣщанія находилась въ здравомъ умѣ и твердой памяти. По сему Товарищъ Прокурора обвинялъ супруговъ Григорія и Марью Барановыхъ въ подлогѣ по составленію духовнаго завѣщанія отъ имени Натальи Сысоевой, а чиновниковъ Дормидонта Сахарова, Ненарокомова, Илью Кондратьева и мѣщанина Ивановскаго въ сообщничествѣ съ Барановыми по составленію его завѣщанія.

Защитникъ (А. Д. Любавскій) произнесъ слѣдующее: гг. присяжные засѣдатели! Подсудимые, чиновники Доримендонтъ Сахаровъ, Николай Ненарокомовъ, Илья Кондратьевъ, и мѣщанинъ Николай Ивановскій избрали меня своимъ защитникомъ по обвиненію ихъ прокурорскою властью въ подложномъ составленіи завѣщанія мѣщанки Натальи Сысоевой.—Какъ раскрыто судебнымъ слѣдствіемъ, обвиненіе это первоначально показалось на столько голословнымъ, что Товарищъ Прокурора

Окружнаго Суда полагалъ: прекратить это дѣло и не предавать обвиняемыхъ уголовному Суду. Но Московская Судебная Палата встрѣтила нѣкоторыя улики противъ подсудимыхъ, улики, которыя и предоставила разрѣшить вамъ мм. гг. И такъ первое, что меня поразило въ этомъ дѣлѣ, въ виду принципа о преемственности и солидарности прокурорской власти, это то, что нынѣ Товарищъ Прокурора Окружнаго Суда на судѣ предъявляетъ обвиненіе, первоначально тою же прокурорскою властью признанное неосновательнымъ. Слѣдовательно, обвинительная власть впала въ сомнѣніе и разнорѣчіе по этому дѣлу, а всякое сомнѣніе истолковывается въ пользу подсудимыхъ. Послѣдній принципъ ясно проведенъ въ томъ правилѣ нашего законодательства, что если 6 изъ васъ подадутъ голосъ оправдывающій, а 6 голосъ обвиняющій, то подсудимый считается оправданнымъ: вотъ почему нашъ новый судъ въ самомъ Высочайшемъ указѣ 20 ноября 1864 г. названъ „судомъ правымъ, милостивымъ равнымъ для всѣхъ подданныхъ“.

При разсмотрѣніи этого дѣла я буду держаться слѣдующаго порядка: я изложу передъ вами, по возможности кратко, обстоятельства дѣла, затѣмъ коснусь юридической стороны его.

1. *Фактическая часть дѣла.*—Въ Гражданскую Палату представлено было къ явкѣ духовное завѣщаніе мѣщанки Натальи Сысоевой, писанное 18 февраля 1866 года. Въ завѣщаніи соблюдены обыкновенныя формальности и содержаніе его весьма просто, естественно: завѣщательница свой деревянный домъ, въ г. Вѣлевѣ, оцѣненный въ 300 р. сер., отказала дочери своей Марьѣ Барановой, но при томъ обязала послѣднюю уплатить сыну ея Ѳедору 50 р., и внучкѣ Аннѣ Васильевой 50 р. с.

И такъ прежде всего поражаетъ насъ по этому дѣлу то: 1) что наслѣдницей по завѣщанію назначена Баранова, дочь Сысоевой, то есть то именно лице, кото-

рое наслѣдствомъ по закону должно было получить часть имущества; 2) на дочь возложена обязанность уплатить третью часть цѣнности дома 100 р., сыну и внучкѣ завѣщательницы: уже это убѣждаетъ меня, что по этому дѣлу, при составленіи завѣщанія, подлога не было, ибо у Анны Барановой не могло быть корыстной цѣли присвоить себѣ чужое имущество.

Затѣмъ я обращусь къ внѣшней формѣ завѣщанія, возбудившей сомнѣніе по настоящему дѣлу: переписчикомъ онаго былъ Рождественскій, рукоприкладчикомъ за завѣщательницу Сахаровъ, а свидѣтелями подписались— Ненарокомовъ, Кондратьевъ и Кательниковъ. Сыновья завѣщательницы, Ѳедоръ и Алексѣй Сысоевы, подали извѣтъ, что будто бы завѣщаніе составлено послѣ ея смерти, и не могло быть писано 18 февраля 1866 года.

Прокурорскою властію собраны по этому дѣлу слѣдующія улики: 1) что переписчикъ завѣщанія, Рождественскій, 18 февраля 1866 г. находился въ лѣчебницѣ, и фельдшеръ Птицынъ удостовѣрилъ, что при немъ Рождественскій завѣщанія не писалъ; обстоятельство это (по моему мнѣнію) не доказываетъ ничего: Птицынъ, находясь какъ онъ показалъ въ другой камерѣ больницы, не могъ каждую минуту наблюдать за Рождественскимъ; неужели же въ теченіи двухъ недѣль Птицынъ не отлучился не на одинъ часъ, ни разу не зашелъ домой. Сверхъ того переписчикъ можетъ переписать завѣщаніе и въ отсутствіи завѣщательницы, и затѣмъ передать оное завѣщательницѣ. 2) Священникъ Казанскій объяснилъ, что его просили участвовать въ составленіи завѣщанія Сысоевой, которая въ то время была еще жива, слѣдовательно это показаніе служитъ въ пользу защиты; если и было составлено завѣщаніе, то при жизни завѣщательницы. 3) Чиновникъ Воскресенскій показалъ, что Ненарокомовъ въ его присутствіи (въ Бѣлевскомъ Магистратѣ) подписался свидѣтелемъ на завѣщаніи Сысоевой, въ то время уже умершей. Но во 1-хъ подсматривая за подписью бумаги, до него не

относящейся, г. Воскресенскій, руководствуясь излишнимъ любопытствомъ, могъ легко ошибиться: во вторыхъ, онъ не можетъ сказать, въ какой день и мѣсяцъ это было, а безъ этого его показаніе не имѣетъ силы; въ третьихъ, Воскресенскій подвергся доносу Ненарокомова по обвиненію въ продажѣ дѣлъ изъ архива, и очевидно могъ имѣть вражду къ Ненарокомову, слѣдовательно къ показанію г. Воскресенскаго нужно относиться съ осторожностью. 4) Прокурорская власть находитъ сомнительнымъ, чтобы свидѣтели Сахаровъ, Кондратьевъ и Кательниковъ подписывались на духовномъ завѣщаніи Сысоевой именно въ то время и въ томъ мѣстѣ, какъ они показываютъ. Но законъ нашъ и не постановляетъ, чтобы всѣ свидѣтели на завѣщаніи подписывались въ одно время и въ одномъ мѣстѣ—этого требованія въ законахъ нѣтъ. 5) То обстоятельство, что никто изъ ближнихъ родственниковъ Сысоевой не зналъ о составленіи ею завѣщанія не доказываетъ ничего: никто не обязанъ разсказывать всѣмъ и каждому про свои дѣла. Напротивъ всякій завѣщатель именно будетъ умалчивать о своихъ распоряженіяхъ, чтобы при жизни своей не подвергаться жалобамъ и вымогательствамъ обиженныхъ наслѣдниковъ; наши законы въ виду этого даже установляютъ „тайныя завѣщанія,“ (отсылаемыя на храненіе въ Опекунскій Совѣтъ) и содержаніе коихъ при жизни завѣщателя остается для всѣхъ тайною, ибо завѣщанія хранятся въ запечатанномъ пакетѣ.—6) Прокурорская власть видитъ улику и въ томъ, что Барановы говорили другимъ лицамъ, что завѣщанія Сысоевой не осталось. Но никто не только не обязанъ своихъ дѣлъ разсказывать противной сторонѣ, напротивъ того законъ запрещаетъ адвокатамъ передавать другой сторонѣ обстоятельства дѣла; слѣдовательно, нѣкоторая тайна въ семъ отношеніи требуется самою сущностью вещей, и непротивна закону.

Все вышеизложенное приводитъ меня къ убѣжденію, что, быть можетъ, при составленіи завѣщанія Сысоевой

были допущены нѣкоторыя неправильности, неточности, отступленія отъ гражданскихъ законовъ, но во всемъ этомъ не было и тѣни уголовнаго преступленія, подлога. Для Барановой почти не было интереса къ составленію завѣщанія, ибо она и безъ того была наслѣдницею завѣщательницы, а завѣщаніе, если бы оно было фальшиво, конечно, не заключало бы въ себѣ обязанности Барановой уплатить 100 р. с. сыну и внучкѣ Сысоевой.

2. Обращаюсь къ разсмотрѣнію *юридической стороны этого дѣла*—Законы гражданскіе, установивъ правила о наслѣдованіи послѣ умершаго лица его ближайшихъ родственниковъ (наслѣдство по закону), не довольствовались опредѣленіемъ того, кому должно принадлежать имущество послѣ умершаго; они дозволили собственнику самому опредѣлить это на случай своей смерти въ особомъ актѣ, духовномъ завѣщаніи (ст. 1010 т. X ч. 1). Въ послѣднемъ собственникъ можетъ посредствомъ справедливой раздачи своего имущества наградить однихъ, наказать другихъ, облегчить участь тѣхъ, которые находятся въ нищетѣ и несчастіи.

Итакъ въ силу завѣщательнаго права исключительно отъ воли завѣщателя зависитъ отказать свое имущество тому или другому лицу. Проявленіе же этой воли во внѣшности происходитъ посредствомъ „духовнаго завѣщанія,“ то есть установленнаго закономъ формальнаго акта, которымъ владѣлецъ самъ опредѣляетъ по себѣ порядокъ наслѣдованія.

Завѣщаніе, выражая собою во внѣшности волю завѣщателя, какъ и всякій другой актъ, должно имѣть и опредѣленную закономъ внѣшнюю форму. Но для завѣщаній еще болѣе, нежели для всѣхъ другихъ актовъ, необходимо установленіе строго опредѣленныхъ внѣшнихъ формъ, ибо только посредствомъ послѣднихъ можно согласить между собою и, по возможности, уравновѣсить возникающіе при семъ разнородные и нерѣдко противоположные другъ другу интересы частныхъ лицъ,

именно интересы завѣщателя, его родственниковъ и семейства, наконецъ наслѣдниковъ по завѣщанію, а также обезпечивать интересы государства и общества.

Но для завѣщаній наше законодательство установляетъ особо сложныя формы.—Во всѣхъ прочихъ актахъ лицо, выдающее актъ и отчуждающее имѣніе, руководствуется собственнымъ интересомъ, оно старается получить равноцѣнное тому, что оно даетъ. При завѣщаніи же не существуетъ подобнаго обезпеченія: ибо во первыхъ, самъ завѣщатель, при составленіи сего акта, неруководимъ своимъ интересомъ; такъ какъ имущество его должно перейти къ другому лишь послѣ его смерти, то онъ можетъ лишить онаго не себя, а своихъ наслѣдниковъ по закону; во вторыхъ, завѣщаніе можетъ быть составлено при приближеніи смерти завѣщателя, когда воля его недостаточно сильна для того, чтобы сопротивляться просьбамъ и требованіямъ лицъ, его окружающихъ, когда его силы тѣлесныя и душевныя совершенно ослабѣли, когда прекращается полное разумѣніе.

Вслѣдствіе установленія сводомъ законовъ сложныхъ формальностей для завѣщаній, наша практика наполнена дѣлами объ уничтоженіи духовныхъ завѣщаній, составленныхъ неправильно, въ нарушеніе или несоблюденіе законныхъ формъ и обрядовъ, но отсюда до подлога еще далеко. По замѣчанію одного изъ нашихъ извѣстныхъ юристовъ (С. И. Зарудnаго), если законы дозволяютъ завѣщателямъ составлять завѣщанія домашнія, то они простотою своею, ясностью, и немногосложностью предписываемыхъ формъ и обрядовъ, должны быть доступны для каждаго: поэтому установленіе для завѣщаній правилъ несовершено ясныхъ и неполныхъ можетъ быть почти равносильно запрещенію составлять завѣщанія.

Примѣняя эти соображенія къ настоящему дѣлу, къ завѣщанію Сысоевой, я повторяю, что быть можетъ свидѣтели подписывались подъ нимъ не въ одно время, быть можетъ свидѣтели у завѣщательницы не спра-

шивали подробно,—согласна ли она на завѣщаніе,—а довольствовались лишь тѣмъ, что она кивнула головою; но отсюда до подлога еще далеко; въ сводѣ законовъ ничего не говорится о томъ, чтобы лица, участвующія въ составленіи завѣщанія, (какъ то завѣщатель, рукоприкладчикъ и свидѣтели), собирались всѣ одновременно, въ одномъ мѣстѣ и въ одинъ разъ для подписанія. Изъ этого слѣдуетъ, что если бы по этому дѣлу всѣ свидѣтели и не одновременно подписали завѣщаніе, это не служитъ еще доказательствомъ подлога. Подлогъ осуществляется только во внѣшнемъ предметѣ, или создавая фальшивый предметъ, или измѣняя дѣйствительный—подлогъ документовъ, наиболѣе часто встрѣчающійся видъ подлога. Намѣреніе преступника должно быть направлено къ нанесенію вреда другому посредствомъ обмана или къ полученію выгоды для себя, или для другаго лица.

Ничего подобнаго не видно по настоящему дѣлу. Если завѣщаніе Сысоевой недѣйствительно, оно отмѣнено уже гражданскимъ судомъ; вреда для Сысоевыхъ никакого не послѣдовало; уголовнаго по этому дѣлу преступленія не было и быть не могло.—Я опровергъ Мм. Гг. улики прокурорской власти и прошу васъ постановить относительно всѣхъ подсудимыхъ оправдывающій приговоръ.

Защитникъ Григорія и Марьи Барановыхъ (Е. Д. Тихомировъ), въ своей рѣчи ссылаясь на доводы уже изложенные защитникомъ первыхъ четырехъ подсудимыхъ, дополнилъ, что, какъ видно изъ дѣла, Барановы давали пропитаніе и содержаніе Сысоевой, которая постоянно заявляла, что она хочетъ оставить домъ своей дочери своей Барановой. Слѣдовательно представленное къ дѣлу завѣщаніе не можетъ быть признаваемо подложнымъ. Разобравъ затѣмъ еще разъ въ подробности всѣ улики, собранныя Прокурорскою властью, защитникъ, по недостаточности и неполнотѣ шести ихъ обвиненій, просилъ оправдать Барановыхъ.

Послѣ того стороны еще разъ обмѣнялись возраженіями.

Присяжнымъ засѣдателямъ постановлены были для разрѣшенія слѣдующіе вопросы: 1) совершилось ли въ г. Бѣлевѣ въ 1866 г. событіе, заключающееся въ томъ, что отъ имени умершей Бѣлевской мѣщанки Натальи Ѳедоровой Сысоевой было составлено подложное домашнее духовное завѣщаніе, отъ 18 февраля 1866 г., коимъ деревянный домъ съ надворными постройками и мѣстомъ отказывался ея замужней дочери Марьѣ Васильевой Барановой? 2) Если событіе, означенное въ первомъ вопросѣ, совершилось, то виновенъ ли въ оном подсудимый Бѣлевскій мѣщанинъ Григорій Максимовъ Барановъ 56 лѣтъ? 3) Виновна ли въ томъ же самомъ преступленіи подсудимая Бѣлевская мѣщанка Марья Васильева Баранова (54 лѣтъ)? 4) Виновенъ ли подсудимый Коллежскій Регистраторъ Доримедонтъ Ивановъ Сахаровъ, 44 лѣтъ, въ томъ, что онъ послѣ смерти Бѣлевской мѣщанки Натальи Ѳедоровой Сысоевой на подложно составленномъ отъ ея имени духовномъ завѣщаніи росписался за покойную Сысоеву, по ея безграмотству? 5) Виновенъ ли подсудимый Коллежскій Регистраторъ Николай Петровъ Ненарокомовъ (48 л.) въ томъ, что онъ послѣ смерти Сысоевой на подложно составленномъ отъ ея имени духовномъ завѣщаніи росписался въ качествѣ свидѣтеля того, что Сысоева была въ здравомъ умѣ и твердой памяти? 6) Виновенъ ли подсудимый канцелярскій чиновникъ Илья Андреевъ Кондратьевъ (33 лѣтъ) въ томъ же преступленіи, изложенномъ въ пятомъ вопросѣ? и 7) виновенъ ли въ томъ же самомъ преступленіи, изложенномъ въ 5 вопросѣ, подсудимый Бѣлевскій мѣщанинъ Николай Михайловъ Ивановскій, 54 лѣтъ?

На первый вопросъ Гг. Присяжные засѣдатели отвѣчали: „нѣтъ не совершилось,“ а на каждый изъ остальныхъ 6-ти вопросовъ отвѣчали отрицательно, (то есть „нѣтъ не виновенъ,“ „не виновна“).

Тульскій Окружной Судъ опредѣлилъ: подсудимыхъ Григорія и Марью Барановыхъ, Доримедонта Сахарова, Николая Ненарокомова, Илью Кондратьева и Николая Ивановскаго, на основаніи 1 п. 770 ст. уст. угол. суд., считать всѣхъ оправданными по суду.

X.

Дѣло о Павлѣ Кулешовѣ, обвиненномъ въ грабежѣ часовъ въ гостинницѣ у вокзала Московско-Курской желѣзной дороги.

(Засѣданіе Тульскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, отъ 23 Октября 1873 г.)

Обвинительный актъ состоялъ въ слѣдующемъ:

„Въ ночь на 20-е ноября 1872 года содержатель гостинницы у вокзала Московско-Курской желѣзной дороги, купеческій сынъ Стрекопытовъ, доставилъ къ Приставу 2 части г. Тулы бывшаго дворовaго человѣка Павла Кулешова, заявивъ, что послѣдній въ гостинницѣ у него сорвалъ часы съ великобританскаго подданнаго Чарльза Люиза.

„На предварительномъ слѣдствіи потерпѣвшій отъ преступленія Люизъ показалъ, что въ упомянутый день вечеромъ, онъ, стоя у буфета гостинницы, предложилъ буфетчику чокнуться съ нимъ рюмкой водки, на что бывшій тутъ же Кулешовъ, до этого ему, Люизу, незнакомый, сказалъ: „убирайся къ чорту“; когда же онъ замѣтилъ, что это не хорошо, Кулешовъ, схвативъ его за грудь, толкнулъ въ темную комнату, такъ что онъ упалъ, и самъ навалился на него. Въ это время онъ, Люизъ, почувствовалъ, что Кулешовъ сорвалъ съ него глухіе серебряные часы, оборвавъ при этомъ цѣпочку; послѣдній же, вскочивъ поспѣшилъ убѣжать изъ гостинницы, но вскорѣ былъ задержанъ на улицѣ буфетчикомъ гостинницы Францемъ Ручинскимъ, при чемъ похищенныхъ часовъ при немъ уже не оказалось.

„Такое показаніе Люиза нашло себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ спрошенныхъ при слѣдствіи свидѣтелей Ручинскаго и Стрекопытовой, удостовѣрившихъ, между прочимъ, и то, что до столкновенія съ Кулешовымъ у Люиза были часы съ цѣпочкой; послѣ же того, какъ онъ былъ толкнутъ Кулешовымъ въ темную комнату, въ петлицѣ жилета его остался лишъ крючекъ отъ оборванной цѣпочки. Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго Павелъ Северіановъ Кулешовъ виновнымъ себя во взводимомъ на него преступленіи не призналъ, объяснивъ между прочимъ, что убѣжалъ онъ изъ гостинницы послѣ того, какъ свалилъ Люиза въ темную комнату, потому что боялся, чтобы не побили его.

„Вышеизложенныя обстоятельства дѣла достаточно изобличаютъ бывшаго дворовaго человѣка Павла Северіанова Кулешова въ томъ, что онъ послѣ того, какъ повалилъ великобританскаго подданнаго Люиза на полъ, открыто, такъ что послѣдній сознавалъ, сорвалъ съ него серебрянные часы, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1637 ст. Улож. о Наказ.. а потому, и на основаніи 201 ст. Уст. Угол. Суд., онъ, Кулешовъ, подлежитъ Суду Тульскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.“

Подсудимый Кулешовъ, на вопросъ Предсѣдателя: „признаетъ—ли себя виновнымъ,“ отвѣчалъ отрицательно.

Было приступлено къ допросу свидѣтелей.

Купецъ *Иванъ Стрекопытовъ* показалъ: я содержалъ гостиницу и отлучился изъ нея. Приходитъ ко мнѣ буфетчикъ Францъ Ручинскій и говоритъ: у насъ скандалъ въ гостиницѣ. Я спрашиваю какой? Онъ отвѣтилъ, что двое посѣтителей повалили постояльца и сорвали съ него часы; что одного изъ посѣтителей задержали, а другой убѣжалъ. Мы пошли и дорогой встрѣтили Кулешова, его привели обратно въ гостинницу. Я сейчасъ по приходѣ въ гостиницу, спросилъ товарища Кулешова Федора Максимова: ты сорвалъ

часы? Онъ отвѣтилъ: не я, а товарищъ. При арестованіи Кулешова, на немъ нашли денегъ не помню отъ 5—6 руб. сер. Кулешову связали руки и свезли въ часть. Похищенныхъ часовъ у Кулешова не нашли. Прежде въ гостинницѣ Кулешовъ не бывалъ; (отвѣчая на вопросы защитника) самъ я не видалъ драки и похищенія часовъ и пришелъ уже послѣ.

Кулешовъ (возражая). Мнѣ не было надобности заниматься этими дѣлами (сорваніемъ часовъ). Я служилъ на заводѣ, я мѣдникъ и получалъ въ мѣсяцъ 40 р. жалованья.

За тѣмъ прочтено показаніе *Люиза* (неявившагося на судъ), сущность котораго состоитъ въ слѣдующемъ: не помню въ какой день, въ 11-ть часовъ вечера, я былъ въ гостинницѣ Стрекопытова у буфета. Къ буфету подошелъ Кулешовъ и предложилъ буфетчику водки. Когда водка была налита, я предложилъ буфетчику чокнуться съ нимъ. Тогда Кулешовъ выбранилъ меня, втолкнулъ меня въ темную комнату и когда мы упали, онъ сорвалъ съ меня часы. Когда я всталъ, Кулешовъ уже ушелъ, а Францъ сказалъ мнѣ, что у меня нѣтъ часовъ. Я видѣлъ, какъ Кулешовъ утащилъ часы изъ кармана. Когда Кулешова, по задержаніи его, спросили „гдѣ мои часы“, онъ отвѣчалъ „я не бралъ“, его отвели въ Полицію. Крючекъ отъ оборванныхъ часовъ я положилъ въ карманъ, и кажется потерялъ.

Стрекопытовъ. Г. Люизъ въ моей гостинницѣ, прежде этого, мѣсяца полтора стоялъ. Онъ пилъ водку, но не былъ особенно буйнаго права.

Свидѣтельница *Пелагея Антипова*. Два молодца (Кулешовъ и Максимовъ) спросили себѣ пива. Потомъ схватились Кулешовъ и Люизъ, и упали на полъ темной комнаты. Послѣ того Кулешовъ вскочилъ и убѣжалъ на лѣстницу. Люизъ говоритъ мнѣ: „у меня часы сорвали“. Какъ похищены часы, я не видала. Темная комната, въ которой происходила драка, находится на лѣво за буфетомъ, въ ней рояль; часовъ у Люиза я не видала.

Францъ Рушинскій. Кулешовъ, по приходѣ въ гостинницу, спросилъ себѣ двѣ бутылки пива. Люизъ съ нимъ поссорился, между ними началась драка, мы ихъ разнимали; Кулешовъ втолкнулъ Люиза въ темную комнату и оба упали. Въ темной комнатѣ часовъ не нашли. Предлогомъ къ ссорѣ послужило между прочимъ то, что Люизъ пѣсни пѣлъ по нѣмецки. Прежде Люизъ жилъ съ мѣсяцъ у насъ въ гостинницѣ. Послѣ драки Сергѣй толкнулъ Кулешова съ лѣстницы, Кулешовъ по этой лѣстницѣ внизъ слетѣлъ. До ссоры, я видѣлъ часы на Люизѣ.

Кулешовъ (возражая). Я выскочилъ потому, что меня бить стали.

Свидѣтель *Федоръ Максимовъ.* Кулешовъ поднесъ буфетчику водки, къ нему сталъ привязываться Люизъ. Кулешовъ втолкнулъ Люиза въ темную комнату. Затѣмъ Кулешова стали бить, меня тоже. Въ заперти я просидѣлъ съ 8 часовъ вечера, до двухъ ночи. Кулешова тоже били и тревожили до двухъ часовъ ночи.

Товарищъ Прокурора, въ пространной обвинительной рѣчи указалъ, что въ этомъ дѣлѣ нужно отнестись съ довѣріемъ къ показанію Люиза. Поводомъ къ ссорѣ послужило то, что Люизъ пѣлъ нѣмецкія пѣсни, Кулешовъ толкнулъ Люиза въ темную комнату. Хотя никто не былъ свидѣтелемъ того, что произошло тамъ, но похищеніе часовъ Кулешовымъ доказывается слѣдующимъ: на Люизѣ, какъ удостовѣрили свидѣтели, были часы, а когда онъ вышелъ изъ темной комнаты, торчалъ одинъ крючекъ. Противъ Кулешова существуетъ по сему предмету оговоръ его товарища; по словамъ Стрекопытова, Федоръ Максимовъ сказалъ ему: „часы взялъ не я, а мой товарищъ“. Въ поступкѣ Кулешова заключаются всѣ признаки грабежа; онъ обратился къ Люизу, онъ втолкнулъ его въ комнату, онъ повалилъ его на полъ, и похитилъ открыто его часы. Въ заключеніе, сославшись на доводы, изложенные въ обвинительномъ актѣ и подробно разсмотрѣвъ улики, открывшіяся про-

тивъ Кулешова на судебномъ слѣдствіи, Товарищъ Прокурора требовалъ обвинительнаго приговора.

Защитникъ (А. Д. Любавскій) въ главныхъ основаніяхъ произнесъ слѣдующее: гг. присяжные засѣдатели! Происходившее предъ вами судебное слѣдствіе разъяснило вполнѣ всѣ обстоятельства этого дѣла, передъ вами, изъ прочтенія обвинительнаго акта, изъ распросовъ свидѣтелей, воспроизведены всѣ событія. Такимъ образомъ мнѣ, какъ защитнику Кулешова, остается только воспользоваться данными, раскрытыми на судѣ, и изложить передъ вами все, что говоритъ въ пользу подсудимаго.

Судебные Уставы установили въ высшей степени справедливый и раціональный принципъ: равенства обвиненія съ защитою, и теперь, настала минута, когда я, какъ защитникъ Кулешова, могу представить въ пользу его, нѣкоторые доводы.

Обстоятельства этого дѣла могутъ быть изложены въ видѣ простаго разсказа: недалеко отъ вокзала Московско-Курской желѣзной дороги, на краю города находится гостинница; вечеромъ, на 20-е ноября 1872 года туда собралось нѣсколько лицъ, съ цѣлью выпить вина и пріятно провести время. Такимъ образомъ нужно принять во вниманіе, что всякая возможность допустить, чтобы у Кулешова было предумышленіе совершить преступленіе, исчезаетъ. Придя въ гостинницу, онъ даже не зналъ, что встрѣтитъ тамъ Люиза. Чтобы убѣдиться въ этомъ, обратимся къ разсказу потерпѣвшаго лица, самого Люиза, разсказу которому мы должны довѣрять вполнѣ, такъ-какъ Люизъ является обвинителемъ Кулешова: дѣло происходило вечеромъ; за буфетомъ стоялъ буфетчикъ гостинницы Францъ Ручинскій, а у буфета нѣсколько человѣкъ; пили вино. Кулешовъ велѣлъ налить нѣсколько рюмокъ вина,—Люизъ предложилъ буфетчику выпить съ нимъ водки и чокнуться съ нимъ налитой рюмкой водки, то есть виномъ, налитымъ по приказанію Кулешова. Такое обращеніе не понравилось

Кулешову; между нимъ и Люизомъ произошла ссора; оба они, подъ вліяніемъ выпитаго вина схатились и, какъ показываетъ Люизъ, Кулешовъ втолкнулъ его въ темную комнату, гдѣ оба они упали. Затѣмъ Кулешова, какъ показалъ передъ вами на судѣ Ручинскій, столкнули съ черной лѣстницы, такъ что онъ полетѣлъ внизъ; Кулешовъ пошелъ изъ гостинницы, но былъ остановленъ, приведенъ обратно. Его заперли, продержали нѣсколько часовъ въ заперти, били, и тревожили до двухъ часовъ ночи, какъ показалъ Федоръ Максимовъ, и наконецъ, отвели въ полицію. Самыхъ часовъ на Кулешовѣ не нашли.

Обсужденіе всѣхъ подробностей этого происшествія, приводитъ къ заключенію, что когда Кулешовъ обратился къ Люизу, онъ вовсе не имѣлъ въ виду ограбить его имущество; все началось отъ личной ссоры, отъ личныхъ неудовольствій. Кулешовъ отрицаетъ, чтобы онъ взялъ часы Люиза.—Съ своей же стороны я нахожу, что ни одинъ человѣкъ не станетъ въ присутствіи другихъ людей, въ гостинницѣ, открыто снимать часы съ посторонняго; у Кулешова при его арестованіи найдены деньги 7 р. 80 коп., а какъ показываетъ Стрекопытовъ до 6 руб. сер.; слѣдовательно у Кулешова не было ни повода, ни цѣли похищать серебряные часы, цѣнность которыхъ, при продажѣ ихъ, не превышала этой суммы.—Кулешовъ, человѣкъ вполнѣ обезпеченный, онъ не нуждался въ такой ничтожной суммѣ. Онъ мѣдникъ и получаетъ до 40 р. сер. жалованья въ мѣсяцъ. И такъ ничѣмъ не доказано, чтобы Кулешовъ сорвалъ часы съ Люиза, послѣдній могъ потерять часы, или же, изъ желанія мести, возбудить неправильное обвиненіе; нисколько не удостовѣрено, чтобы Кулешовъ открыто похитилъ часы Люиза, не доказано даже дѣйствительно ли пропали часы Люиза.

Въ виду всего вышеизложеннаго, неправдоподобность того, чтобы Кулешовъ могъ похитить часы незначительной цѣнности, тогда какъ у него у самого были деньги, я прошу васъ произнесть оправдывающій приговоръ.

За тѣмъ стороны еще разъ обмѣнялись возраженіями.

На разрѣшеніе присяжнымъ засѣдателямъ былъ предложенъ вопросъ о виновности Павла Кулешова въ открытомъ похищеніи часовъ у великобританскаго поддан-наго Люиза.

На этотъ вопросъ присяжные засѣдатели отвѣчали отрицательно.

Тульскій Окружной Судъ, согласно сему приговору, опредѣлилъ: бывшаго дворовaго человѣка Павла Се-верiянова Кулешова считать оправданнымъ по суду.

XI.

Дѣло о дворянинѣ Аркадіѣ Андреевичѣ Стреченев-скомъ, сужденномъ за растрату денегъ изъ Тульскаго Александринскаго Банка и за подлогъ.

(Засѣданіе Тульскаго Окружнаго Суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, отъ 29-го Сентября 1873 года. Предсѣдалъ П. А. Васильевъ, члены: Д. В. Лутковъ и П. И. Курносовъ. Защищалъ А. Д. Любавскій.)

Обвинительный актъ по сему дѣлу состоялъ въ слѣдующемъ:

„Въ ноября 1872 года, до свѣдѣнія Директора Тульскаго Александринскаго Банка Чапкина дошло, что отправленныя изъ банка въ Тульскую Городскую Управу, при отношеніи отъ 18-го августа того же года за № 602, деньги, въ количествѣ 24 рублей 66 к., Управою получены не были, хотя въ принятіи ихъ въ разносной книгѣ Банка, имѣлась росписка члена Управы Маймистова.

„Директоръ Чапкинъ, заподозривъ вслѣдствіе сего Коллежскаго Регистратора Стреченевскаго, чиновника Банка завѣдывавшаго отправленіемъ незначительныхъ денежныхъ суммъ, въ злоупотребленіяхъ по службѣ, произвелъ ревизію Банковыхъ книгъ, причемъ въ книгѣ, заведенной для записыванія денегъ, удерживаемыхъ у

заемщиковъ на страхованіе закладываемыхъ ими домовъ, усмотрѣлъ, что росписка письмоводителя Тульскаго Общества Взаимнаго Страхованія „ Аксакова", въ полученіи имъ будто бы изъ Банка 12 іюля 1872 года 4 р. 38 к., сомнительна.

„Привлеченный вслѣдствіе сего къ отвѣтственности Коллежскій Регистраторъ Аркадій Андреевъ Стреченевскій *сознался*, какъ въ томъ, что въ два раза *присвоилъ себѣ* принадлежащія Банку деньги, въ количествѣ 29 р. 4 к, такъ равно и въ томъ, что для сокрытія слѣдовъ таковыхъ преступныхъ дѣяній въ подлежащихъ книгахъ *росписался* за члена Городской Управы Маймистова и письмоводителя Страховаго Общества Аксакова,—вмѣстѣ съ тѣмъ Стреченевскій представилъ слѣдователю утаенное имъ отношеніе Банка за № 602, при которомъ надлежало отправить деньги въ Городскую Управу.

„Изложенное сознаніе вполнѣ подверждается, какъ показаніями гг. Маймистова и Аксакова, которые удостовѣрили, что денегъ, присвоенныхъ Стреченевскимъ, не получали и въ полученіи ихъ не росписывались, такъ равно и результатами сличенія подложныхъ подписей, сдѣланныхъ отъ имени помянутыхъ лицъ, съ ихъ несомнѣнными почерками съ одной стороны и съ почеркомъ обвиняемаго съ другой.

„Вслѣдствіе сего, согласно постановленію Тульскаго Александринскаго Банка отъ 9-го марта сего года, и на основаніи 201 и 4 п. 1072 ст. Уст. Угол. Суд. Коллежскій Регистраторъ Аркадій Андреевъ Стреченевскій предается суду Тульскаго Окружнаго Суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 354 и 362 ст. Улож. о Наказ".

На судѣ подсудимый Аркадій Андреевичъ Стреченевскій объяснилъ, что онъ учился въ уѣздномъ училищѣ, онъ потомственный дворянинъ, отецъ его былъ Гвардіи Поручикъ. На вопросы Предсѣдателя„ признаетъ ли

онъ себя виновнымъ", г. Стреченевскій отвѣчалъ: растрату денгъ я сдѣлалъ неумышленно; я могъ бы растратить гораздо больше; Банкъ давалъ мнѣ для отсылки по сту и болѣе рублей серебромъ.—Причина растраты слѣдующая: я получилъ изъ Московской Судебной Палаты повѣстку, по которой меня вызывали свидѣтелемъ въ Москву, по дѣлу Штадена. Не имѣя денегъ на совершеніе путешествія и на проживаніе въ Москвѣ, я обратился къ Директорамъ Банка, прося у нихъ впередъ жалованья. Въ этомъ мнѣ, на основаніи Устава Банка, отказали. У меня четверо дѣтей, жена. Я взялъ изъ денегъ Банка нужное для поѣздки въ Москву, и явился въ Судебную Палату. Въ Москвѣ меня продержали 4 дня. Взятыя изъ Банка деньги я думалъ внести, но не успѣлъ этого сдѣлать, дѣло открылось. Я тотчасъ же сознался въ своей винѣ. Впослѣдствіи времени, я всѣ растраченныя деньги внесъ. Росписки за Маймистова и за Аксакова я дѣлалъ по возвращеніи изъ Москвы.

За тѣмъ было приступлено къ допросу свидѣтелей.

Директоръ Тульскаго Александринскаго Банка *Александръ Васильевичъ Чапкинъ*. Присутствіе Банка поручило Стреченевскому передать деньги въ Думу и въ „Общество Взаимнаго Страхованія". Объ отправленіи денегъ мнѣ показали росписки. Послѣ того пришелъ ко мнѣ въ Банкъ членъ управы Маймистовъ и говоритъ мнѣ о деньгахъ за домъ Лепешинской, въ количествѣ 24 руб. 66 коп.; онъ спросилъ, удержаны ли эти деньги или нѣтъ? Деньги по справкѣ въ книгахъ Банка оказались отправленными въ Управу, но Маймистовъ заявилъ, что они не получены. Стреченевскій служилъ въ Банкѣ года полтора; поведенія онъ былъ хорошаго, ему поручали для отправленія разныя суммы; дѣйствительно, изъ Московской Судебной Палаты Стреченевскій получилъ повѣстку о призывѣ его свидѣтелемъ; онъ просилъ впередъ жалованья, но ему въ этомъ отказали, такъ какъ это не согласно съ уставомъ Банка. Когда мнѣ показывали росписку Маймистова въ полу-

ченіи денегъ, не помню; Стреченевскій, отправляясь въ Москву, никому не сдавалъ находящихся у него дѣлъ. Растраченныя денеги Стреченевскій возвратилъ.

Свидѣтель *Александръ Абрамовичъ Маймистовъ*, членъ Управы. Ко мнѣ въ Управу явился молодой человѣкъ и сказалъ, что деньги за домъ Лепешинской 24 р. 66 к. внесены въ Банкъ. Мы справились, оказалось, что денегъ этихъ нѣтъ, что они у насъ не получены.—Я пошелъ въ Банкъ, заявилъ г. Чапкину обо всемъ, и растрата обпаружилась. Подпись въ полученіи не моя.

Николай Павловичъ *Аксаковъ*.—Ко мнѣ приходили въ Общество Взаимнаго Страхованія справляться о 4 р. 38 к., посланныхъ въ это Общество. Деньги оказались у насъ неполученными, подпись въ полученіи этихъ денегъ не моя.

Затѣмъ былъ прочитанъ формулярный списокъ о службѣ Стреченевскаго. Изъ списка сего видно, что подсудимый Коллежскій Регистраторъ, 37 лѣтъ отъ роду, получилъ воспитаніе въ Тульскомъ Уѣздномъ Училищѣ, поступилъ на службу въ Губернское Правленіе, вскорѣ перешелъ въ Казенную Палату, а послѣ того вышелъ въ отставку для опредѣленія въ военную службу. Снова опредѣлился въ канцелярію Губернскаго Прокурора, былъ письмоводителемъ канцеляріи Тульскаго Уѣзднаго Стряпчаго. Въ 1871 году поступилъ на службу въ Тульскій Александринскій Банкъ, гдѣ и получалъ жалованья 240 руб. въ годъ.

Товарищъ Прокурора въ пространной обвинительной рѣчи, въ главныхъ основаніяхъ, объяснилъ, что подсудимый Стреченевскій совершилъ два преступленія: 1) растрату денегъ и 2) подлогъ, для сокрытія слѣдовъ преступленія. Въ обоихъ преступленіяхъ Стреченевскій учинилъ сознаніе и вина его является несомнѣнною. Подсудимый доказываетъ, что крайность вовлекла его въ растрату денегъ, но это обстоятельство, при полной его доказанности, могло бы послу-

жить основаніемъ только къ смягченію участи подсудимаго. Гг. Присяжные засѣдатели служатъ дѣлу общественной безопасности; противъ Стреченевскаго они должны постановить обвинительный приговоръ, они клялись не оправдывать виновнаго.

Защитникъ (А. Д. Любавскій) произнесъ слѣдующее: м.м. г.г., судебное слѣдствіе направлено было *противъ* подсудимаго дворянина Аркадія Андреевича Стреченевскаго! Противъ него служило прочтеніе обвинительнаго акта, затѣмъ отъ него отобраны показанія о его винѣ, противъ него давали объясненія свидѣтели, наконецъ г. представитель прокурорской власти произнесъ свою обвинительную рѣчь. Только теперь настала минута, когда я, какъ защитникъ г. Стреченевскаго, могу представить вамъ все, что служитъ въ его пользу.

Я прямо начинаю съ заявленія: что если бы это дѣло разсматривали наши старые суды, то участь г. Стреченевскаго была бы рѣшена, и моя защита не послужила бы ни къ чему: г. Стреченевскій учинилъ сознаніе въ совершенной имъ растратѣ денегъ. Наше прежнее законодательство, не довѣряя убѣжденію судей, установило цѣлую систему формальныхъ доказательствъ; какъ только было собственное сознаніе подсудимаго, или показаніе противъ него двухъ свидѣтелей, судьи обязаны были постановить противъ него обвинительный приговоръ. Они имѣли дѣло съ извѣстнымъ дѣлопроизводствомъ, а не съ живымъ человѣкомъ, ихъ оцѣнкѣ не подлежали внутреннія побудительныя причины дѣянія, они дѣйствовали механически.

Недостатки прежняго судопроизводства были признаны всѣми, и нынѣшніе суды дѣйствуютъ по началамъ совершенно отличнымъ отъ прежняго. Въ составъ судовъ входятъ „присяжные засѣдатели“, отъ которыхъ зависитъ разрѣшеніе вопроса о виновности. Законъ ничѣмъ не стѣсняетъ вашего внутренняго убѣжденія. Вамъ гг. присяжные засѣдатели предоставлено право разсматривать вопросъ не только о томъ: совершилось ли

извѣстное дѣяніе, но и о томъ: можетъ ли оно быть вмѣнено въ вину лицу, его совершившему, не было ли оно вызвано стеченіемъ случайныхъ, непредвидѣнныхъ обстоятельствъ.

Подсудимый г. Стреченевскій учинилъ по сему дѣлу чистосердечное *сознаніе*. Это обстоятельство нисколько не лишаетъ васъ права произнесть относительно подсудимаго оправдывающій приговоръ. Въ прежнихъ судахъ, при существовавшей системѣ формальныхъ доказательствъ, единственное средство для преступника избѣгнуть наказанія было запираться во всемъ: на всѣ распросы подсудимые давали только одинъ отвѣтъ: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“, хотя бы противъ нихъ были самыя ясныя, самыя неопровержимыя доказательства. Совсѣмъ иное происходитъ на судѣ, дѣйствующемъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей; подсудимый, чистосердечно, открывая свою вину, не губитъ себя этимъ безвозвратно: онъ показываетъ тѣмъ свое раскаяніе, свое нежеланіе запутать дѣло, усложнить его, прибѣгнуть къ запирательству. Съ этой точки зрѣнія учрежденіе присяжныхъ засѣдателей имѣетъ морализующее вліяніе на общество.

И такъ разсмотримъ фактическую, внѣшнюю часть этого дѣла: Директору Тульскаго Александринскаго Банка г. Чапкину было заявлено, что въ Банкѣ произошла растрата денегъ, и что 24 р. 66 коп., отправленыя въ Управу, пропали. По заявленію члена Управы Маймистова произведено дознаніе и сверхъ упомянутой растраты оказалось, что пропали 4 р. 38 к. подлежавшіе отсылкѣ въ Общество Взаимнаго Страхованія. Г. Стреченевскій, сознавшись въ растратѣ этихъ денегъ, прибавилъ, что онъ росписался въ полученіи денегъ отъ имени Маймистова и Аксакова. Такимъ образомъ оказывается, что фактическая часть этого дѣла ясна, безспорна, не подлежитъ сомнѣнію.

Но обратимся къ оцѣнкѣ *внутренней* стороны этого дѣла: къ разсмотрѣнію тѣхъ побудительныхъ причинъ,

тѣхъ случайныхъ, роковыхъ обстоятельствъ, которыя вовлекли г. Стреченевскаго въ преступленіе. Г. Стреченевскій жилъ въ Тулѣ съ семействомъ, получая самое незначительное жалованье. Вдругъ къ нему доставлена была повѣстка, требующая прибытія его въ Москву, въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу Штадена. Подсудимый былъ поставленъ въ слѣдующее положеніе: или не явиться въ Москву и быть оштрафованнымъ на сумму до 100 руб. сер. (ст. 643 Уст. Угол. Суд.), или же достать деньги для путешествія и пребыванія въ отдаленномъ городѣ. Какъ вы слышали отъ г. Директора Банка Чапкина, Стреченевскій обращался къ Директорамъ съ просьбою, чтобы ему для совершенія поѣздки впередъ выдали жалованье, но ему въ томъ отказали на основаніи правилъ Банка.-Судебные Уставы, проведя столько высокихъ и прекрасныхъ принциповъ, установили въ тоже время весьма тягостную для неимущихъ лицъ обязанность: повинность личной явки свидѣтелей къ производству дѣла.

Находясь въ такомъ тягостномъ положеніи, Стреченевскій взялъ изъ суммъ Банка на поѣздку въ Москву 29 р. 4 к. сер. Онъ не взялъ больше и этимъ показалъ, что онъ не злоумышленникъ, а жертва несчастнаго стеченія обстоятельствъ: въ этомъ убѣждаетъ и изученіе жизни подсудимаго; онъ происходитъ изъ потомственныхъ дворянъ, но не имѣетъ никакого состоянія. Сначала онъ служилъ въ Губернскомъ Правленіи, потомъ перешелъ въ Казенную Палату, получая небольшое жалованье. Онъ хотѣлъ поступить въ военную службу, но не выдержалъ экзамена, и опять возвратился въ гражданскую службу. Въ послѣднее время онъ поступилъ на службу въ Банкъ, и служилъ безупречно, когда крайняя нужда и необходимость заставили его растратить деньги Банка для поѣздки въ Москву. Весьма важнымъ обстоятельствомъ служитъ незначительность растраченной суммы (29р.): нельзя отнестись съ одинаковой строгостью, напримѣръ къ растратѣ 1.100.000

р. с. Политковскимъ и нѣсколькихъ рублей. Наконецъ Стреченевскій возвратилъ растраченное. Въ виду всего изложеннаго и того, что г. Стреченевскій вовлеченъ былъ въ преступленіе роковымъ стеченіемъ обстоятельствъ, я прошу васъ произнесть о немъ оправдывающій приговоръ.

Товарищъ Прокурора возразилъ, что доводы защитника не могутъ увлечь присяжныхъ засѣдателей на ложный путь оправданія, присяжные обязаны произнесть обвинительный приговоръ. Сверхъ того Стреченевской совершилъ подлогъ—съ цѣлью преступною.

Защитникъ отвѣчалъ, что присяжные засѣдатели изъ разрѣшенныхъ ими дѣлъ знаютъ свои права и обязанности, и никто не можетъ обязать ихъ произнесть обвинительный приговоръ, если это противно ихъ совѣсти. Если Стреченевскій росписался за другихъ въ полученіи денегъ, то это сдѣлано имъ съ цѣлью выиграть время и уплатить растраченныя деньги. Нынѣ, растраченныя деньги имъ внесены.

На предложенные присяжнымъ засѣдателямъ вопросы: о виновности Аркадія Стреченевскаго: а) въ растратѣ денегъ Тульскаго Александринскаго Банка, въ количествѣ 29 р. 4 к. б) въ учиненіи подложныхъ подписей за Маймистова и Аксакова,—присяжные засѣдатели отвѣчали: „нѣтъ, не виновенъ.“—

Тульскій Окружной Судъ, согласно этому рѣшенію присяжныхъ засѣдателей, опредѣлилъ: подсудимаго Коллежскаго Регистратора Аркадія Андреева Стреченевскаго считать по суду оправданнымъ.

БИБЛИОТЕКА
Ассоциации
№ Инв.
№ Спец.
Шифр
при Ф.-о. Н. М. Г. У.
Научно-Исслед. Институтов

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Дѣло объ убійствѣ въ дракѣ крестьянина Кирилла Никифорова . . . . . 3.

II. Дѣло о крестьянахъ сельца Телятинки (Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи), обвиняемыхъ въ неповиновеніи властямъ . . 20.

III. Дѣло о Губернскомъ Секретарѣ Алексѣѣ Протопоповѣ, сужденномъ за кражу шапки. 47.

IV. Дѣло о дворянинѣ Василіѣ Егоровичѣ Астрецовѣ, обвиняемомъ въ кражѣ . . 56.

V. Дѣло о потомственномъ дворянинѣ Алексѣѣ Ивановичѣ Адамовѣ, сужденномъ за кражу. 62.

VI. Дѣло о крестьянинѣ Иванѣ Золотухинѣ, совершившемъ кражу со взломомъ . . 72.

VII. Дѣло о крестьянинѣ Семенѣ Гульинѣ, сужденномъ за разорваніе своей долговой росписки . . . . . 78.

VIII. Дѣло о шести лѣсныхъ стражахъ, обвиняемыхъ въ употребленіи на свои надобности казеннаго лѣса . . . . . 88.

IX. Дѣло о подложномъ составленіи духовнаго завѣщанія мѣщанки Натальи Сысоевой. . 93.

X. Дѣло о Павлѣ Кулешовѣ, обвиненномъ въ грабежѣ часовъ въ гостинницѣ у вокзала Московской-Курской желѣзной дороги . 114.

XI. Дѣло о дворянинѣ Аркадіѣ Андреевичѣ Стреченевскомъ, сужденномъ за растрату денегъ изъ Тульскаго Александринскаго Банка и за подлогъ . . . . . 120.

2007043234